

Санкт-Петербургские епархиальные ведомости

Рождество Христово

Второе обретение мощей преп. Серафима

О св. прав. о. Иоанне Кронштадтском

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

1—2/1991

СОДЕРЖАНИЕ

Официальная часть ЖИЗНЬ ЕПАРХИИ

Рождественские послания	8
-----------------------------------	---

Неофициальная часть

МЕСЯЦЕСЛОВ

Рождество Христово	10
Крещение Господне	12

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

Преп. Симеон Новый Богослов. Слова	14
--	----

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

Свят. Феофан Затворник. Как начинается в нас христианская жизнь?	17
--	----

ПРОПОВЕДЬ

Свят. Игнатий Брянчанинов Духовные наставления. Отношение христианина к страстям его	20
Свящ. Анатолий Жураковский. В ограде верных	24

НАШИ ХРАМЫ

И. В. Попов, П. К. Раина. Церковь преподобного Серафима Саровского	29
--	----

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

Исповедник православия о. Николай Любомудров	32
--	----

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ПОЧИВШИМ

Протоиерей Иоанн Преображенский	36
Иеродиакон Спиридон (Гнездилов)	37

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Рассказы о св. и праведном о. Иоанне Кронштадтском	38
Е. Поселянин. Идеалы христианской жизни	43

Издание Санкт-Петербургской митрополии

Редакторы отделов: В. В. Антонов и И. В. Попов; зам. отв. секретаря С. Г. Мамай; техн. редактор И. А. Шумакова,
Ю. Г. Корытченков (фото)
Адрес редакции: Обводный канал, 17.

Сдано в набор 11.09.91. Подписано в печать 05.11.91. Формат 60×90¹/₈. Бумага документальная МФ-2. Печать офсетная. Печ. л. 6,0.
Тираж 20 000 экз. Заказ 1414.

«Печатный Двор» 197110, Санкт-Петербург, П-110, Чкаловский пр., 15

ЖИЗНЬ ЕПАРХИИ

ЯНВАРЬ

1 января 1991 года, во вторник вечером, Высокопреосвященнейший Митрополит Иоанн изволил служить всенощное бдение в Иоанновском монастыре на Карповке.

2 января, в среду утром, в день памяти св. и прав. Иоанна Кронштадтского, впервые в этот день после причисления его 10 июня 1990 года к лику святых Русской Православной Церкви Владыкой Иоанном была совершена Божественная литургия в Иоанновском монастыре, а затем в нижнем храме, где погребен Кронштадтский пастырь, — торжественный молебен. Вечером в здании Ленинградской Духовной Академии и Семинарии прошел вечер памяти о. Иоанна Кронштадтского.

5 января, в субботу, перед Рождеством Христовым, Митрополит Иоанн возглавил всенощное бдение в Спасо-Преображенском соборе Ленинграда.

6 января, в воскресенье, в день Навечерия Рождества Христова Митрополит Ленинградский и Ладожский Иоанн совершил Божественную литургию в Спасо-Преображенском соборе, за которой рукоположил в сан диакона Андрея Корнеева, назначенного в церковь Воскресения Христова у Варшавского вокзала.

В Рождественский сочельник Митрополитом Иоанном в Николо-Богоявленском кафедральном соборе было совершено всенощное бдение.

После богослужения Митрополит прибыл в Мариинский (Кировский) театр, где проходил телевизионный марафон, имевший целью сбор средств в Фонд Возрождения города, дабы встретиться с председателем Ленсовета А. А. Собчаком. Председатель Ленсовета в беседе с Владыкой перед многомиллионной телевизионной аудиторией заверил, что все храмы, строения и иное имущество Церкви, принадлежавшее ей до 1918 года, будут переданы Ленинградской митрополии. «В первую очередь, — сказал А. А. Собчак, — будут возвращены здания храмов, используемые ныне под склады, предприятия и прочие непотребные заведения.», заверив митрополита Иоанна в том, что православные храмы не будут впредь передаваться другим конфессиям. В беседе был затронут вопрос об участии государства в восстановлении храмов.

Исаакиевский собор. Рождество Христово. Великое повечерие.

Казанский собор. Рождество Христово. Молебен в честь изгнания Наполеона в 1812 году из России.

Казанский собор. Рождество Христово. Молебен в честь изгнания Наполеона из России.

Владыка поблагодарил А. А. Собчака за готовность вернуть Церкви храмы и другое ее имущество и выразил надежду, что в ближайшем будущем храмы будут возвращены Церкви.

В сам праздник Светлого Рождества Христова, 7 января, в Николо-Богоявленском кафедральном соборе при огромном стечении народа владыка Иоанн совершил Божественную литургию, после чего зачитал Рождественское послание Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II и сам обратился к пастырям и всем верным чадам Церкви с Рождественским посланием и проповедью; поздравив всех со Светлым Праздником Рождества Христова, Владыка призвал всех принести в жертву Господу нашу любовь, надежду и веру, как некогда волхвы в Вифлееме принесли в дар Младенцу Христу золото, ладан и смирну.

Затем Митрополит Иоанн с радостью сообщил богомольцам о чудесном обретении в нашем городе, в Казанском соборе, мощей преп. Серафима Саровского.

В Праздник Рождества в Казанском соборе была по восстановленной недавно традиции отпразднована

Молебен преп. Серафиму Саровскому в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры.

годовщина изгнания наполеоновского нашествия из пределов России. После Божественной литургии настоятель Казанского собора игумен Сергей (Кузьмин) отслужил особый молебен, а у могилы М. И. Кутузова в соборе — заупокойную литию по фельдмаршалу и всем в Бозе почившим участникам той войны. Затем молившиеся в храме прошли к памятникам П. И. Барклая-де-Толли и М. И. Кутузова и возложили венки.

В тот же день, в 5 часов вечера, в бывшем кафедральном соборе города — Исаакиевском — Высокопреосвященнейшим Митрополитом Иоанном в сослужении многочисленного духовенства епархии была торжественно совершена Великая Вечерня.

Накануне Светлого Праздника был освящен левый придел храма Казанской Божией Матери подворья Валаамского Спасо-Преображенского монастыря на Нарвском проспекте. Подворье б. Успенского Старо-Ладожского женского монастыря было летом прошлого года передано Валаамскому монастырю. Ныне в нем ведутся восстановительные работы: подняты два креста над малыми куполами и над Святыми воротами, а также колокола на звонницу. В Праздник Христова Рождества в храме подворья была совершена Божественная литургия.

В этот же день в г. Кириши освящен молитвенный дом во имя Рождества Пресвятой Богородицы.

8, 9 и 10 января в Ленинградской Духовной Академии и Семинарии были устроены рождествен-

Св. Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II служит молебен в часовне блаженной Ксении Петербургской на Смоленском кладбище.

ские елки для детей служащих Епархиального управления и воскресных школ.

11 января в наш город для принятия мощей преп. Серафима Саровского, возвращаемых Церкви Музеем истории религии в Казанском соборе, прибыл Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алек-

Св. Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II совершает молебен св. и прав. Иоанну Кронштадтскому в Иоанновском монастыре на Карповке.

сий II. Утром на Московском вокзале его встречали Митрополит Ленинградский и Ладужский Иоанн и духовенство епархии.

После встречи Святейший Патриарх Алексей II отправился на Васильевский остров, где на Смоленском кладбище, в часовне блаж. Ксении Петербургской вместе с Митрополитом Иоанном, прибывшими со Святейшими архиереями: Митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием, Епископом Тамбовским и Мичуринским Евгением, Епископом Подольским Виктором, Епископом Новгородским и Старорусским Львом, Епископом Истринским Арсением, Епископом Петрозаводским и Олонецким Мануилом и духовенством епархии, отслужил молебен блаженной Ксении.

Со Смоленского кладбища Патриарх проследовал в Иоанновский женский монастырь на р. Карповке, где находится подворье Свято-Успенского Пюхтицкого монастыря, и в крипте нижнего монастырского храма во имя св. Иоанна Рыльского отслужил молебен св. и прав. Иоанну Кронштадтскому.

В 16 часов Патриарх прибыл к Казанскому собору, на паперти которого его встретили настоятели городских храмов. Северными воротами собора Святейший вошел в храм, где в присутствии сотен богомольцев состоялось возвращение Церкви св. мощей преп. Серафима Саровского.

Акт о передаче святых мощей подписали Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II и директор Музея истории религии С. А. Кучинский. После подписания акта Святейший Патриарх обратился к присутствующим в храме со словами радости

Акт передачи мощей преп. Серафима Саровского.

о возвращении Православной Церкви величайшей святыни — мощей преп. Серафима Саровского:

«Происходящее событие не может оставить равнодушными не только верующих, но и всех русских. Русской Православной Церкви возвращается великая святыня. То, что казалось безвозвратно утраченным, сегодня здесь, перед нами. Духовно радуясь и торжествуя, мы понимаем, что Промысел Божий действует через конкретных людей. Поэтому я хочу поб-

Казанский собор. Святейший Патриарх Алексей II и Митрополит Иоанн, архиереи и духовенство епархии у мощей преп. Серафима.

лагодарить руководство, пока еще, Музея за этот шаг. Об этом событии трудно было помыслить еще совсем недавно. Верующие всегда будут вспоминать сегодняшний день с благодарностью.

Я надеюсь, что навсегда в прошлое ушло время тяжелых испытаний для Русской Православной Церкви. Время поругания, уничтожения, оскорбления религиозных чувств, время осквернения ее святынь. У народа должны быть святыни. Без них невозможно говорить о нравственности, о возрождении духовности и культуры. Без святынь, без Высшего Идеала человек теряется в море зла и неправды...»

После слова Патриарха им был отслужен молебен преп. Серафиму Саровскому, после чего ковчег с мощами Преподобного был на руках вынесен на Казанскую площадь, откуда на машине доставлен к Святым вратам Александро-Невской Лавры.

Раку со святыми мощами встречало духовенство Свято-Троицкого собора Александро-Невской Лавры и настоятели храмов епархии. С крестным ходом мощи перенесены в Свято-Троицкий собор и поставлены перед амвоном.

В 18 часов Патриарх Алексей II в сослужении Митрополита Ленинградского и Ладожского Иоанна, и прибывших вместе со Святейшим архиереев свершил всенощное бдение, за которым последовал акафист преп. Серафиму Саровскому. Клирики и миряне, прихожане храма и все пришедшие встретить величайшую святыню Православия смогли с радостью и трепетом помолиться у мощей Преподобного и приложиться ко вновь обретенной святыне.

Нескончаемым потоком шли православные в Свято-Троицкий собор, с благоговением преклоняясь у раки со святыми мощами, лобызая их и горячо молясь дивному молитвеннику за Землю Русскую и русский народ, святому Саровскому Чудотворцу.

Утром 12 января, в субботу, по Рождестве Христовом, Святейший Патриарх Алексей II в соборном сослужении духовенства возглавил в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры Божественную литургию, по окончании которой поздравил всех клириков и мирян с величайшим торжеством — обретением мощей преп. Серафима Саровского.

Вечером Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II отбыл поездом в Москву.

12 января, вечером, Высокопреосвященнейший Митрополит Ленинградский и Ладожский Иоанн служил всенощное бдение в церкви Владимирской иконы Божией Матери, а утром воскресения, 13 января, на отдание праздника Рождества Христова, совершил в том же храме Божественную литургию. В тот же день, вечером, Владыка Иоанн совершил всенощное бдение в кафедральном Николо-Богоявленском соборе.

В понедельник, 14 (1) января, в праздник свт. Василия Великого и новолетие Митрополит Иоанн совершил в храме преп. Серафима Саровского на Серафимовском кладбище Божественную литургию, после чего поздравил прихожан с великой радостью обретения мощей Преподобного.

Крестный ход с мощами преп. Серафима Саровского от Святых Врат в Свято-Троицкий собор Александро-Невской Лавры.

Вечером, накануне дня памяти преп. Серафима Саровского, Митрополит Иоанн изволил служить в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры всенощное бдение, а затем — молебен преп. Серафиму у его святых и многоцелебных мощей.

В сам праздник преп. Серафима Саровского, 15 января, во вторник, Владыка Иоанн совершил в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры Божественную литургию.

В день Навечерия праздника Богоявления Господня, 18 января, Митрополитом Иоанном в Свято-Троицком соборе Лавры была отслужена Божественная литургия, и вечером в Крещенский сочельник — всенощное бдение в Николо-Богоявленском кафедральном соборе.

В субботу, 19 января, в Светлый Праздник Богоявления и Крещения Господня, Митрополит Иоанн служил в том же верхнем соборе Божественную литургию, после чего совершил великое освящение воды и в своем проникновенном слове поздравил прихожан с престольным праздником.

Вечером Митрополит Иоанн возглавил всенощное бдение в Спасо-Преображенском соборе Ленинграда, а в воскресенье, 20 января, там же служил Божественную литургию.

В субботу по Богоявлению, 26 января, Высокопреосвященнейший Митрополит Иоанн совершил в кафедральном Николо-Богоявленском соборе всенощное бдение, а в воскресенье, 27 января, в день отдания праздника Богоявления, Владыкою была совершена Божественная литургия в том же соборе.

В этот же день горожане отмечали 47-ю годовщину снятия 900-дневной блокады Ленинграда. Панихида по всем погибшим в блокаду состоялась в храме Спаса Нерукотворного Образа на Румболовской горе во Всеволожске.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ

ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II

АРХИПАСТЫРЯМ, ПАСТЫРЯМ И
ВСЕМ ВЕРНЫМ ЧАДАМ РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
1990/1991

Христос раждается, славите;
Христос с Небес, срящите;
Христос на земли, возноситесь

*(Ирмос песни 1-й канона на
Рождество Христово)*

Возлюбленные о Господе Преосвященные архипастыри, всечестные отцы, честные иноки и инокини, дорогие братья и сестры, все боголюбивые чада Святой Русской Православной Церкви во Отечестве нашем и за его пределами, сердечно поздравляю вас с великим и спасительным праздником Рождества Христова!

Ныне наши сердца исполняются радости о рождении во плоти Предвечного Сына Божия, «нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с Небес».

Пророк Михей, живший в VIII веке до пришествия в мир Спасителя, возвестил о том, что Мессия родится в Вифлееме (Мих. 5, 2), граде Давидовом, то есть в том городе, в котором увидел свет Его предок по плоти царь и псалмопевец пророк Давид. По сказанию святого евангелиста Луки, Пресвятая Дева родила Сына Своего Первенца и спеленала Его, и положила Его в ясли (Лк, 2, 7).

Несомненно, что Она первая вознесла Ему хвалу, Святая Церковь влагает в пречистые уста Богоматери следующие слова: Боже Вышний, Царь Невидимый! Я вижу Тебя и дивлюсь таинству по причине безмерной нищеты Твоей: Тебя вмещает малый чужой вертеп. Сладчайшее Чадо, как Я буду держать Тебя на руках Моих, — Тебя, содержащего рукою Своею все творение? Какое дивное и величайшее чудо! Как Я буду носить Тебя, носящего все Своим словом? (из служб утрени 23 и 24 декабря).

Тайну рождения Сына Божия открывает нам евангелист Иоанн Богослов: Ибо так воз-

любил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел Жизнь Вечную (Ин. 3, 16). Бог есть Любовь... Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас (1 Ин. 4, 8, 19). Будем творить заповедь Христову — да любите друг друга (Ин. 13, 34).

Возлюбленные, Родина наша переживает ныне трудное, но вдохновляющее время. Мы являемся участниками процесса становления подлинно демократического государства, в котором каждый его гражданин получит возможность на достойный человека образ жизни. Для нас всех очевидно, что этот процесс протекает далеко не просто и порой мучительно. Но не будем отчаиваться (2 Кор. 4, 8), ибо Младенец родился нам — Сын дан нам; ... умножению владычества Его и мира нет предела (Ис. 9, 6, 7). Усугубим наши молитвы об искоренении духа ненависти в нашем обществе, об утишении межнациональной розни, о достижении взаимопонимания и примирения, о духовном возрождении нашего народа, о скорейшем оздоровлении нашего государства. Свои молитвы соединим с усердным трудом на благо Родины, усиленно приближая этим наступление тех добрых дней (1, Пет. 3, 10), в которые исполнит Господь просимое нами.

Возблагодарим, дорогие мои, Господа, благословившего народы Европы вступить в небывалое доселе истинно добрососедское устройство нашего общего дома и через это благословившего их приношением плодов жизни (Рим. 7, 4 и далее), среди которых — выстраданное нашим народом сокращение вооружений. Добрым знамением этого плодотворного развития является и та щедрая помощь, какая поступает к нам ныне из многих стран мира и за которую мы выражаем всем жертвователям глубокую признательность.

Возлюбленные братья и сестры, на пороге Нового лета благодати Господней (Пс. 64, 12) принесем наше сердечное благодарение Пастырю Великому (Евр. 13, 20) за Его богатые милости, изливаемые на нашу Святую Церковь, на ее многонациональную паству.

Тяжким, сложным, но жертвенным был весь исторический путь Русской Православной Церкви. Трагичной была ее жизнь на протяжении семидесяти послереволюционных лет. Но никогда наша Церковь не отделяла себя от судьбы своего народа. Прошедшие в последние годы положительные изменения в нашей стране милостью Божией коренным образом изменили положение в ней религии.

И как нам не радоваться ныне благодатному процессу созидания у нас во множестве новых приходов, открытия возвращенных храмов и монастырей, строительства новых храмов, нормального развития приходской и иноческой жизни, умножения числа Духовных школ, расширения религиозного образования детей, массового поступления к народу Божию книг Священного Писания, религиозной литературы, постепенного возрождения насущнейшего для всего нашего общества служения милосердия.

Вместе с тем мы должны со смирением признать, что по грехам нашим Церковь продолжает испытывать немалые трудности, связанные с конфликтом между православными и католиками восточного обряда в западных областях Украины, с активным разрушением церковного единства раскольниками-автокефалистами на Украине, с разрушительными «деяниями» старающегося внести смуту в жизнь нашей Церкви так называемого Архиерейского Собора Русской Православной Церкви за границей. Перед этой печальной реальностью нам, чадам церковным, необходимо сугубой молитвой и ревностными усилиями приблизить восстановление мира и единства церковного, утишить и справедливо разрешить конфликт между конфессиями.

К таким размышлениям мы приходим, находясь у яслей Богомладенца Христа и внимая ликующему ангельскому пению: Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение (Лк. 2, 14). Да исполнимся, возлюбленные, и мы сей великой, но и смиренной радости спасения, радости совершенной (Ин. 17, 13).

Сердечно поздравляю всех вас с наступающим Новым Годом. Да будет он для каждого из нас, для нашего Отечества, для всей Земли годом мира и благоденствия, временем духовного преуспевания.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святого Духа да пребывают со всеми вами. Аминь (2 Кор. 13, 13).

АЛЕКСИЙ II,
Патриарх Московский и Всея Руси

Рождество Христово
1990/1991.
Москва

АРХИПАСТЫРСКОЕ РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ

«Величай, душе моя, от Девы Бога плотию рождающегося»

(Припев на 9-й песни канона)

Возлюбленные пастыри и верные чада! Снова мы с вами мысленно предстоим у яслей Христовых. Снова ощущаем мы в своих сердцах Свет Божественный, исходящий от Спасителя мира. Вновь с неотразимой силой хочется прильнуть своим сердцем к Богомладенцу Христу и получить от Него благодатную помощь на нашем спасительном пути.

Как велика к нам, возлюбленные, милость Божия! Господь необъемлемый вешеством — Творец вселенной, — Тот, на Кого Ангелы смотреть не могут, снисходит ныне на землю, принимает человеческое естество и Своею благодатию приближает нас к Себе.

Разрушается стена, воздвигнутая некогда между нами и Богом нашим грехопадением, и Херувим отступает от древа жизни, и мы с вами теперь свободно входим ко Христу и вкушаем пищи райской.

Ликуйте же, вернии, в этот великий день! Величайте и сердцами и устами Христа Спасителя, нас ради рождавшегося в Вифлееме от Девы. Славьте Господа, освободившего нас от греховного рабства и даровавшего нам вечную жизнь и нетление.

Приветствую всех вас, возлюбленные пастыри и чада, с великим праздником Рождества Христова и наступившем Новолетием.

Призываю на всех вас благословение Спасителя мира.

Митрополит Ленинградский и Ладужский
ИОАНН

Рождество Христово
1990/1991

МЕСЯЦЕСЛОВ

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Владимир Соловьев

НОЧЬ НА РОЖДЕСТВО

*Пусть все поругано веками преступлений,
Пусть напятнанным ничто не сбереглось,
Но совести укор сильнее всех сомнений,
И не погаснет то, что раз в душе зажглось.*

*Великое не тщетно совершилось:
Недаром среди людей явился Бог;
К земле недаром небо преклонилось,
И распахнулся Вечности Чертог.*

*В незримой глубине созданья мирового
Источник истины живет, не заглушен,
И над руинами позора векового
Глагол ее звучит, как похоронный звон.*

*Родился в мире Свет, и Свет отвергнут тьмою,
Но светит Он во тьме, где грань добра и зла.
Не властью вышнюю, а правдою самою
Князь века осужден и все его дела.*

Впервые за последние 65 лет Рождество было в России праздничным днем. В стране выросло целых три поколения за эти годы, когда все великие православные праздники не помечались красным цветом в гражданском календаре. Пасха и Троица совпадали с днями отдыха, а в Рождество Христово христианам зачастую приходилось трудиться на своих рабочих местах, петь не в храме с духовной радостью: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия миру свет разума...», а про себя повторять слова этого праздничного тропаря, только дома — да и то не всегда — слыша поздравление: «С рождеством Христовым!»

Впервые в этом году могли мы прочесть это позд-

равление в газетах, услышать по радио и с экрана телевизора, увидеть на нем полностью праздничную службу, купить рождественские открытки и даже от коллег и начальников-атеистов услышать: «С Рождеством Христовым!» Как бы искупая свою вину, одни произносили их с некоторой экзальтацией, другие — с трогательной искренностью и глубоким чувством. Под равнодушием, порожденным годами страха и притеснений, скрывалась очень часто заинтересованная симпатия к великому событию нашего спасения, которая большей частью питалась рассказами в семье, чтением русской литературы, сведениями от знакомых православных. Этим верующим теперь с

жадным любопытством задавались вопросы о смысле и исторических обстоятельствах Рождения Спасителя мира.

Приходилось прежде всего объяснять, зачем Бог воплотился и явился в этот мир. Объяснять, что после грехопадения первых людей и разрыва связи с Богом, грех постепенно заполонил землю и никакие Божьи наказания, предупреждения пророков, знамения не могли образумить и исправить человечество, а оно своими силами не могло подняться от своего падения. Должен был явиться во плоти Сам Бог и примирить грешный человеческий род с Богом, научить его изгнать из своей души злые чувства и начать любви. Без Христа и до Христа каждый человек был обречен после своей кончины на адские муки. «Днесь Бог на землю прииде, и человек на небеса взыде» поется в храме в праздник Рождества.

«Хорошо», — отвечают вопрошающие. «Бог по Своей любви к людям послал нам Сына Своего для нашего спасения. Но разве не мог Христос явиться на земле в каком-нибудь впечатляюще-фантастическом виде, а не в виде человека, да еще беспомощного младенца?» Они не знают, что человек — любимое творение Божье, имеющее Его образ и подобие. И как пишет, излагая св. Иоанна Златоуста, митрополит Московский Филарет: «Я (т. е. человек) приобщился образа Божия, и не сохранил его. Бог приобщается моей плоти, чтобы и образ Свой (т. е. человека) спасти и плоть обессмертить... тогда (при сотворении человека) лучшее преподал, а теперь приобщается худшего. Сие божественнее прежнего...» Только вочеловечившись, став человеком по всему, кроме греха, Христос — Сын Божий, Вторая Ипостась Пресвятой Троицы, принес спасение и даровал людям возможность обожения, победы над смертью и дьяволом. Явись Он не как Богочеловек, разве можно было бы говорить о человеке как возлюбленном чаде Божьем? И не пройди Он все этапы человеческой жизни, разве был бы Господь во всем человеком? И потому вочеловечение Христа, Его воплощение названо «божественнее», чем сотворение человека Богом.

В праздник Рождества читается в храме о первых днях творения, и дело искупления от греха ставится тем самым в прямую связь с делом творения. В творении человеку была дарована жизнь, а через искупление Христом ему, духовно умершему от греха, снова дается жизнь новая, жизнь в Боге, без которой чисто физическая жизнь не имеет смысла, что в нашем обществе подтвердилось еще раз с огромной и наглядной силой. Без Христа нельзя оказалось сделать лучше не только человека, но и само общество, которое на глазах стало тлеть и распадаться. От окончательного одичания сохранила нас только Церковь Христова, которая спасительной скалой высилась все эти годы в море безбожия и бездуховности.

Поражают современного человека и обстоятельства рождения Спасителя мира. Почему Он родился в такой невзрачной обстановке: в заштатном Вифлееме, в тесной пещере, на соломе, незаметно для окружающих, кроме волхвов и пастухов? Родился без грандиозных знамений в природе, дабы все почувствовали, Кто пришел в мир? Многие не знают даже о бывшем тогда знамении — вифлеемской звезде, достоверность которого признала наконец и наука. А ведь это знамение видели все, но одни персидские маги поверили ему и отыскиали Спасителя. И разве знамения и чудеса обращают к Богу сердце челове-

ское? Сколько сотворил чудес Христос и все ли их видевшие уверовали в Него?

Было знамение и местное — пастухам, которым явился Ангел, сообщивший о «Рождении Христа Господа», явилось целое ангельское воинство, воспевшее: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение». Но никто кроме этих простых людей не удостоился увидеть это знамение: все были погружены в глубочайший сон — иудеи спали, оживая Мессию в блеске земного величия, язычники — у подножия своих идолов. То был не только физический сон, ночью естественный, но и сон греха, ослепления и гордости. Потому только пастухи поспешили поклониться Богомладенцу, а остальные жители и Вифлеема и всей Иудеи даже не подозревали о величайшем чуде, свершившемся в эту зимнюю ночь. Но так и должно было быть, ибо всё великое всегда творится в тишине и тайне, открываясь Богом только избранным.

И воплощенный Бог пришел в мир тихо и незаметно потому, что желал послужить людям, утешить кающихся, помочь обездоленным и гонимым, а не повелевать ими как грозный земной владыка. Их помощником и утешителем пришел Он, а не другом сильных, гордых и мудрых, которые предпочитают уповать на собственные силы и вспоминают обыкновенно о Боге только в минуты горя, отчаяния и растерянности. «Сегодня Бог пришел к грешникам, не превозносись же, праведник, пред грешным!» (преп. Ефрем Сирийский). Явившись в «зраке раба», т. е. без блеска и величия, Христос хотел привлечь к Себе сердца не внешним авторитетом и могуществом, а внутренним содержанием Своих слов и поступков, поняв и проникнувшись которым, человек бы по доброй своей воле, без всякого принудительного воздействия со стороны, сам за Ним последовал и был предан Ему не за страх, а за совесть, предан не месяц, а всю отпущенную ему жизнь.

В наши дни величайшую тайну Рождения Христа Спасителя новообращенные часто пытаются постигнуть чисто умозрительно, исследуя её при помощи своего разума, вместо того, чтобы пережить её в Церкви, которая отмечает этот праздник в ликующих гимнах, открывающих чистому сердцу больше, чем тома ученых изысканий. Уже в первых стихирах праздничного богослужения в сжатом виде заключено многое: «Приидите возрадуемся Господу, возвещая настоящую тайну: средостение вражды разрушилось, пламенное оружие обратило тыл, и Херувим отступает от древа жизни, и я приобщаюсь райской пищи Эдема... неизменный образ Отца, образ Его вечного существа, зрак раба приемлет, рождаясь от неприкосновенной Матери... по человеколюбию сделавшись человеком; возопием к Нему: «Боже, родившийся от Девы, помилуй нас».

Вне храма для православного человека нет и не может быть радости встречи с Родившимся Спасителем и потому в его душе сызмальства звучит прекрасное песнопение, которое знали наизусть все его предки, вся верующая Россия: «Дева днесь Пресущественнаго раждает, и земля вертеп Неприступному приносит; Ангели с пастырьми славословят, волсви же со звездой путешествуют; нас бо ради родися Отроча младо, превечный Бог». Ныне зазвучит оно и для тех, кто после долгого сна впервые пришел на эту встречу.

В. Антонов

КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Леонид Афанасьев

КРЕЩЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК

В церковном календаре Крещение Господне следует за Рождеством и, объединяясь сплошной седмицей, святками, образует в народном сознании как бы один праздничный ряд, в старой России весело-шумный среди зимней стужи. Да и в жизни, сразу за рождением, следует крещение ребенка в церкви... Однако в земной жизни Христа Спасителя оба этих великих события были отделены друг от друга 30 годами, ибо Господь принял св. Крещение всего за три года до Голгофы и Воскресения.

В Евангелии Крещение Господне описано сравнительно кратко: Господь приходит на реку Иордан к Иоанну Предтече, который проповедует народу покаяние и крестит обращающихся к нему и кающихся. Креститель с благоговением говорит Сыну Божьему: «мне надобно креститься от Тебя, и Ты приходишь ко мне?» (Мф. 3, 14). Христос настаивает, указывая, «ибо так надлежит нам исполнить всякую правду» (3, 15) и Иоанн повинуется этим словам. И вот, когда Господь «вышел из воды» после Своего Крещения, происходит чудное знамение — с небес является св. Дух в виде голубя и раздаётся Божий глас: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (3, 17). На этом евангельский рассказ кончается.

Разъясняя его смысл, св. Иоанн Златоуст в своем «Слове на святое Просвещение» пишет очень глубоко и одновременно поэтично: «Всякая бо ныне умно-

*Крещенский сочельник, пушистый и белый
Глядит сквозь промерзшие стекла окна,
Сгущается в комнате сумрак несмелый
И дремлет беззвучно кругом тишина.*

*Мерцает лампада в углу у Распятья,
И тени недвижно лежат на полу...
А там, за стеною, народ с водосвятья
Идет торопливо от стужи к теплу...*

*На сердце спокойно и тихо, как прежде,
В мечтательном детстве, исчезнувшем сном.
Вот скрипнули двери, и в темной одежде
Прислуга вошла, осеняясь крестом.*

*В руке пузырек со святою водою,
Лицо от мороза, как в ярком огне,
И, с улицы холод внося, предо мною,
Проходит и брызжет водой по стене...*

*А двери и окна все в крестиках мелом
В защиту от бед, наважденья и зла,
И кажется: тайно в уме охладелом
Колышутся снова приливы тепла...*

*Смотрю, умиляясь забытой картиной,
И трогают сердце прошедшие сны,
И снова плывут вереницею длинной
Преданья далекой родной старины...*

*И снова мне чудится: тайны и тени
Меня обступают, как в детские дни,
И хочется верить в приход приведенный,
В могущество чар и гаданий огни.*

*О, сколько красоты и поэзии в этом!
Но время умчало былые года,
Как милые сны с обаятельным светом,
Чтоб их не вернуть, не вернуть никогда!*

жается миру светлость... Воздух освящается летанием Духа. Водами освящается естество, и учится омывати души с телесы, и всякая тварь едино на земле сотворяет ликование: един точию диавол плачется...» В этом отрывке хорошо подчеркнуто то, что от нас ныне подчас ускользает — ликование всего тварного мира, живого и неживого. Св. Крещение названо необычным для нас словом — «Просвещение», потому что оно, освящая, одновременно просвещает Божьей благодатью, и истинным и полезным для человека может быть только такое «Просвещение».

Но сколько в этом скупом описанном событии скрыто Божественной глубины и значения для нашего спасения, ибо в жизни нашего Господа и Спасителя нет ни одного поступка, который не имел бы подобного значения. Господь приходит к Иоанну — Своему Предтече, который уже знает, Кто к нему придет и потому говорит всем: «идет за мной Сильнейший меня, у Которого я не достоин наклонившись развязать ремень обуви Его» (Мк. 1, 7). Христос приходит без сопровождения Ангелов, никого не посылая с известием о Себе, приходит подобно обыкновенному человеку из народа, жаждавшему креститься в иорданских водах.

Увидев и сразу по особому откровению узнав Господа, Иоанн заметно удивлен: зачем Безгрешный пришел креститься, да еще наравне с другими. Для чего Христу то, в чем Он никоим образом не нуждается? «Светильник возжигается от солнца, а не солнце воспламеняется от светильника» — пишет св. Григорий Неокесарийский в своем толковании на Крещение Господне и как бы вопрошает сперва от имени Иоанна: «Ты ли грядеши ко мне — столь Великий к столь малому? Царь к предтече? Владыка к рабу?», — а затем отвечает за Христа: «Умолкни, о креститель! и дай действовать Мне. Научись желать того, чего желаю Я. Научись Мне послужить в том, к чему Я обязываю тебя».

Покоряясь Божьей воле, Господь Сам того же требует от Иоанна. Требует повелительно, но не оставляет свое требование без разъяснений «надлежит нам исполнить всякую правду», причем говорит не «Мне», а «нам», объединяя в слове и в предстоящем Крещении Себя и Крестителя, ибо и Иоанну предназначено участвовать в свершении Божьей воли. Ему уже от рождения было свыше предопределено приготовить «путь Господу» своей страстной проповедью о покаянии и приходе Спасителя. И Предтеча легко покоряется велению уже Пришедшего.

Христос входит в воды Иордана, который, приняв Его, на некоторое время потек в обратном направлении, в исполнение слов псалма: «Что с тобою, море, что ты побежало? и (с тобою), Иордан, что ты обратился назад» (Пс. 113, 5). Войдя в воду, без которой ничто живое существовать не может, Господь освятил и благословил её и всё земное творение, которое после грехопадения первого человека тоже в этом нуждается.

«Сокровенно здесь то, что Я делаю сие не для Своей нужды, а для уврачевания уязвленных» (св. Григорий Неокесарийский). Будучи безгрешным, Господь не нуждался ни в исповедании грехов, как делали все крестившиеся, ни даже в самом Крещении. Он сделал это единственно для «уврачевания уязвленных», т. е. нас, грешных и духовно больных людей, чтобы, подражая Ему, мы смогли бы очиститься от своих прегрешений через таинство Крещения и

приобщиться к благодатной жизни в Боге и с Богом. Без святого Крещения мы не можем вступить на путь спасения, как бы добродетельно не жили.

Во время Божественного Крещения на Христа сошел Святой Дух и почил на Нем Божественная благодать. В Евангелии об этом сказано тоже очень лаконично: «отверзлись Ему небеса» (Мф. 3, 16), и Иоанн увидел сначала «Духа Божия, Который сходил, как голубь», а затем услышал Божий глас. «Родителей бо глас свидетельствоваше Тебе, возлюбленного Тя Сына именуя», — поется в тропаре праздника, т. е. Бог-Отец Сам говорит, что Иисус Христос — Его возлюбленный Сын. Говорит для нас, чтобы мы знали, чтобы приняли Сына, как должно, и приняли он Него всё, что Он принес нам для спасения, для возвращения на путь правды и блаженства. В другой раз Бог-Отец делает то же самое на горе Фавор, в Преображении Господне, давая при этом заповедь: «Его слушайте!» (Мк. 9, 7), которой мы должны следовать, выполняя всё, чему Господь научил нас Своим словом и жизнью.

Вместе с Богом-Отцом на Иордане является Третье Лицо Пресвятой Троицы — Святой Дух, «Который сходил... и ниспускался» (Мф. 3, 16) на Христа, подтверждая всем истинность свидетельства Бога-Отца. В краткий промежуток времени, когда впервые после грехопадения снова отверзлись Небеса, Бог показал людям, что Он есть Пресвятая Троица: Бог-Отец говорил, воплощенный Сын Божий крестился, Святой Дух сошел. Впервые люди увидели, что в мир пришел Богочеловек, подлинный Спаситель мира, долгожданный Мессия. Всякие попытки, которых было до сих пор много, представить Христа лишь Человеком, совершенным и образцовым, разбииваются этим великим событием на Иордане, которое празднуется 6/19 января Церковью одновременно как Крещение и Богоявление.

В наши дни в храмах можно увидеть множество принимающих св. Крещение. После долгих лет, когда креститься было довольно опасно, наши современники, юные и в возрасте, спешат принять спасительное таинство. Но многие, не понимая его истинного смысла, воспринимают его как некий магический обряд или историческую традицию, о которой они знают из литературы и семейных преданий. Хотя кое-кто знает, что креститься надо в подражание Христу, большинство смутно представляет, что все-таки значит креститься, и как надо жить после крещения. Получаемая в нем великая благодать расточается поэтому быстро и впустую и новокрещенный остается, как и был, вне храма, продолжая жизнь, полную суеты и страстей.

Можно возразить, что так было и будет всегда, что Божья благодать всё равно действует незримо, и сама ведет крещеного через искушения к спасительной цели. Но во-первых, принудительности никакой у благодати нет, а, во-вторых, не снимаем ли мы таким утверждением ответственность с себя, не объясняя крещеным обязанностей христианской жизни и не оказывая им столь нужной на первых шагах поддержки? Как члены единой Церкви Христовой мы тоже несем за них ответственность, ибо Христос «спас нас не по делам праведности... а по своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом» (Тит. 3, 5).

В. Антонов

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

Преп. Симеон Новый Богослов

СЛОВА

СЛОВО ПЕРВОЕ

1. В чем состояло преступление Адамово?
2. Как по причине преступления его все люди сделались тленными и смертными?
3. Как милостивый и человеколюбивый Бог чрез домостроительство воплощения избавил род человеческий от тления и смерти?
4. И в чем состоит таинство креста и тридневного погребения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа?

1. Первозданный Адам, будучи в раю, впал, по внушению змия, в гордость и возмечтав быть богом, как сказал ему диавол, вкусил от древа, от которого Бог повелел ему не ясти. За это предан он великим карам, — тлению и смерти, для смирения гордыни его. Но когда Бог осуждает на что, то дает и приговор, и приговор его становится делом, и карою вечною, и уже никакой нет возможности уничтожить эту кару, бывающую по Божескому определению. Подумай же теперь: Адам согрешил великим грехом, потому что словам Бога не поверил, а словам змия поверил. Сравни Бога и змия, и увидишь, как велик был грех премудраго Адама. По великой мудрости своей он дал имена всем животным; но когда от всей души поверил он змию, а не Богу, то Божественная благодать, почивавшая в нем, отступила от него, так как он стал врагом Богу, по причине неверия, какое показал к словам Его. Адам подумал, что Бог позавидовал ему и не хотел, чтоб и он знал доброе и лукавое; и для того заповедал ему не вкушать от древа познания добра и зла, чтоб и он не стал богом, подобным Богу, создавшему его. И вкусил, и тотчас познал наготу свою, и вместо того, чтобы соделаться богом, стал тленным, и как тленный — смертный.

2. И вот, как видишь, приговор Божий пребывает навсегда карою вечною. И стали мы люди все и тленны и смертны; и нет ничего, что могло бы отстранить сей великий и страшный приговор. Когда же нет возможности отстранить этот приговор, то какая после этого польза от мудрости или от богатства, или от власти, или и от всего мира? Сего ради Всевышний Сын Божий, Господь Иисус Христос пришел, чтоб смириться вместо Адама, — и действительно смирил себя даже до смерти крестной. Слово же крестное, как говорит Писание, таково: проклят всяк висяй на древе (*Гал. 3, 13*). — Адам никакой не имея нужды взять от плода онаго древа (от которого Бог заповедал ему не вкушать, угрожая, что как только вкусит, умрет), вкусил и умер. Надобно знать, что как человек имеет тело и душу, то смертей у него две: одна смерть души, другая — смерть тела; равно как и два безсмертия — душевное и телесное, хотя то и другое в одном человеке, ибо душа и тело один человек. Так душею Адам умер тотчас, как только вкусил, а после, спустя девятьсот тридцать лет умер и телом. Ибо как смерть тела есть отделение от него души, так смерть души есть отдаление от ней Святаго Духа, которым осеняему быть человеку благоволил создавший его Бог, чтоб он жил подобно Ангелам Божиим, кои, будучи всегда просвещаемы Духом Святым, пребывают неподвижными на зло. По этой потом причине и весь род человеческий соделался таким, каким стал чрез падение праотец Адам, — смертным, т. е. по душе и по телу. Человека, каким создал его Бог, не стало более в мире; и возможности не было, чтоб стал кто-либо таким, каким был Адам до преступления заповеди. А необходимо было, чтобы такой человек был.

3. Итак Бог, желая иметь такого человека, каким в начале создал Адама, послал в последние времена на землю Сына своего Единороднаго, и Он, пришедши, воплотился, восприяв совершенное человечество, чтобы быть совершенным Богом и совершенным человеком, и Божество имело таким образом человека

достойнаго Его. И се человек! другого такого не было, нет и не будет. Но для чего соделался таковым Христос? Для того, чтобы соблюсти закон Божий и заповеди его, и чтобы вступить в борьбу и победить диавола. То и другое совершилось в Нем само собою. Ибо если Христос есть тот самый Бог, который дал заповеди и закон, то как можно было не соблюсти Ему того закона и тех заповедей, которые сам дал? И если Он Бог, как и есть воистину, то как возможно было Ему быть обольщену или обмануту какою-либо хитростию диавола? Диавол, правда, как слепой и безсмысленный, возстал против Него бранию, но это попущено было для того, чтобы совершилось некое великое и страшное таинство, именно, чтобы пострадал Христос безгрешный и чрез то получил прощение Адам согрешивший. Для этого и вместо древа познания был крест, вместо ступания ног, которыми прародители шли к запрещенному древу, и вместо простертия рук их, которые простирали они, чтобы взять плод древа, были пригвождены ко кресту непорочныя ноги и руки Христовы, вместо вкушения плода было вкушение желчи и отца, и вместо смерти Адама смерть Христова. Потом что было? Лежал Христос во гробе три дня, ради таинства Пресвятыя Троицы, чтобы показать, что хотя воплотился и пострадал один Он — Сын, однако домостроительство это есть дело Пресвятыя Троицы. В чем же это домостроительство? Одно лице Св. Троицы, именно, Сын и Слово Божие, воплотившись, принес себя плотию в жертву Божеству Отца, и самого Сына, и Духа Святаго, чтобы благоволительно прощено было первое преступление Адама ради сего великаго и страшнаго дела, т. е. ради сей Христовой жертвы, и чтобы силою его совершалось другое новое рождение и возсоздание человека во святом крещении, в коем и очищаемся мы водою, срастворенною с Духом Святым. С того времени люди крещаются в воде, погружаются в нее и вынимаются из нея три раза, во образ тридневнаго погребения Господня, и после того, как умрут в ней всемо этому злomu миру, в третьем вынутаи из нея являются уже живыми, как бы воскресшими из мертвых, т. е. души их оживотворяются и опять приемлют благодать Св. Духа, как имел ее и Адам до преступления. Потом (крещенные) помазуются св. миром, и посредством его помазуются Иисусом Христом, и благоухают преестественно. Сделавшись таким образом достойными того, чтобы быть общниками Бога, они вкушают плоть Его и пьют кровь Его, и посредством освященных хлеба и вина, соделываются сотелесными и сокровными воплощенными и принесшему себя в жертву Богу. После сего уже невозможно, чтобы над ними господствовал и тиранствовал грех, яко над богами по благодати. Так как Адам подпал клятве, а чрез него и все люди, от него происходящие, приговор же об этом Божий никак не мог быть уничтожен; то Христос стал по нас клятвы, чрез то, что повешен был на древе крестном, чтоб принести Себя в жертву Отцу своему, как сказано, и уничтожить приговор Божий преизбыточествующим достоинством жертвы. Ибо что больше и выше Бога? Как во всем этом видимом творении нет ничего выше человека, ибо все видимое и сотворено для человека: так Бог несравненно выше всего сотвореннаго, и ничто не может идти с Ним в сравнение, ни вся видимая и невидимая тварь. Таким образом Бог, который есть несравненно выше всего видимаго и невидимаго творения, восприял естество человеческое, которое есть выше всего видимаго творения, и принес

его в жертву Богу и Отцу своему. Устыдившись такой жертвы, скажу так, и почтив ее, Отец не мог оставить ее в руках смерти; почему уничтожил приговор свой и воскресил из мертвых во первых и в начале Того, Кто дал себя в жертву, в искупление и в замену за сородных ему человеков,— а после, в последний день скончания сего мира, воскресит и всех людей. Впрочем души тех, которые веруют в Иисуса Христа, Сына Божия, в сию великую и страшную жертву, Бог воскрешает в настоящей жизни, и знамением сего воскресения служит благодать Св. Духа, которую дает Он душе всякого христианина, как бы другую душу. Такая душа христианина потому называется и верною, что ей вверен Святой Дух Божий, и она прияла его,— Дух Божий, который есть жизнь вечная, так как Св. Дух есть Бог вечный, исходящий из вечнаго Бога и Отца.

4. Поскольку таким образом крест соделался как бы жертвенником сей страшной жертвы, ибо на кресте умер Сын Божий за падение людей: то справедливо крест и чтится и покланяем бывает, и изображается, как знамение общего всех людей спасения, чтобы покланяющиеся древу креста освобождались от клятвы Адамовой и получали благословение и благодать Божию на делание всякой добродетели. Для христиан крест — величание, слава и сила: ибо вся наша сила в силе распявшегося Христа; вся грешность наша умерщвляется смертью Христа на кресте, и все возвеличение наши и вся слава наша в смирении Бога, который до того смирил себя, что благоволил умереть

даже между злодеями и разбойниками. По сей-то причине христиане, верующие во Христа, знаменуют себя знамением креста не просто, не как попало, не с небрежением, но со всем вниманием, со страхом и с трепетом и с крайним благоговением. Ибо образ креста показывает примирение и содружество, в какое вступил человек с Богом. Посему и демоны боятся образа креста, и не терпят видеть знамени креста изображаемым даже и на воздухе, но бегут от этого тотчас, зная, что крест есть знамение содружества человека с Богом, и что они, как отступники и враги Богу, удаленные от божественнаго лица Его, не имеют более свободы приближаться к тем, кои примирились с Богом и соединились с Ним, и не могут более искушать их. Если и кажется, что они искушают некоторых христиан, да ведает всякий, что это борют они тех, которые не познали, как следует, высокаго таинства креста. Те же, которые уразумели сие таинство и на самом деле опытно познали власть и силу, какую имеет крест на демонов, познали также, что крест дает душе крепость, силу, смысл и божественную мудрость,— эти с великою радостью восклицают: мне же да не будет хвалиться токмо о кресте Господа нашего, им же мне мир распяся и аз миру (*Гал. 6, 14*). Итак, поскольку знамение креста так велико и страшно, то всякий христианин имеет долг совершать его со страхом и с трепетом, с благоговением и вниманием, а не просто и как попало, по привычке только и с небрежением: ибо по мере благоговения, какое кто имеет ко кресту, получает он соответственную силу и помощь от Бога,— коему слава и держава, во веки. Аминь.

Нижний Новгород. Благовещенский монастырь.

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

Свят. Феофан Затворник

Как начинается в нас христианская жизнь?

Надобно нам уяснить себе, когда и как начинается истинно христианская жизнь для того, чтобы видеть, положено ли в нас начало жизни сей, и, в случае, если не положено, знать как положить оное, на сколько это от нас зависит.

То нерешительный еще признак истинной жизни во Христе, если кто-нибудь именуется христианином и принадлежит к Церкви Христовой. Не всяк глаголай Ми: Господи, Господи, внидет в царствие (*Марф. 7, 21*). И не вси, сущии от Израиля, суть Израиль (*Римл. 9, 6*). Можно быть в числе христиан, и не быть христианином. Это всякий знает.

Есть момент, и момент весьма заметный, резко обозначающийся в течении жизни нашей, — когда кто начинает жить по-христиански. Это тот момент, когда в нем начинают качественно отличаться черты жизни христианской. Христианская жизнь есть ревность и сила пребывать в общении с Богом деятельным, по вере в Господа нашего Иисуса Христа, при помощи благодати Божией, исполнением святой воли Его, во славу пресвятого имени Его. Существо жизни христианской состоит в Богообщении о Христе Иисусе Господе нашем, — в Богообщении, в начале обычно сокровенном не только от других, но и от себя. Видимое же, или ощущаемое внутри нас, свидетельство о ней есть жар деятельной ревности, исключительно о христианском Богоугождении, с полным самоотвержением и ненавидением всего тому противного. Так, когда начинается сей жар ревности, тогда полагается начало христианской жизни; и в ком он постоянно действует, тот живет по-христиански.

На этой отличительной черте надобно остановить немного подолее наше внимание.

Огня приидох воврещи на землю, — говорит Спаситель, — и как желал бы Я, чтобы он возгорелся (*Лук. 12, 49*). Это говорит Он о христианской жизни, и говорит потому, что видимое ее свидетельство составляет возжигаемая в сердце Духом Божиим ревность о Богоугождении, похожая на огонь, ибо как огонь сжигает то вещество, в котором внедряется, так и ревность о жизни по Хри-

сте сдает душу, которая восприняла ее. И как во время пожара пламя охватывает все здание, так и воспринятый огонь ревности объемлет и наполняет все существо человека.

В другом месте Господь говорит: всяк огнем осолится (*Марк. 9, 49*). И это есть указание на огонь духа, ревностно проникающего все существо наше. Как соль, проникая удобообразуемое вещество, предохраняет его от гниения, так и дух ревности, проникая все наше существо, изгоняет грех, растлевающий нашу природу и по душе, и по телу, из всех даже малейших его вместилищ и хранилищ, и тем спасает нас от нравственной порчи с растления.

Апостол Павел заповедует: Духа не угощать (*1 Сол. 5, 19*), быть тщанием не ленивыми, духом гореть (*Римл. 12, 11*), — заповедует сие всем христианам, чтобы помнили, что горение духа, или неленостное тщание, есть неотъемлемое свойство христианской жизни. В другом месте о себе говорит он: задняя забывая, в предняя же простираясь, со усердием гоню к почести вышняго звания о Христе Иисусе (*Фил. 3, 13, 14*); и другим внушает: тако тецыте, да постигнете (*1 Кор. 9, 24*). Значит, в жизни христианской, вследствие жара ревности, есть некоторая быстрота и живость духовная, с которою берутся за дела Богоугодныя, попирая себя и охотно принося в жертву Богу всякого рода труды, без жаления себя.

Утверждаясь на таком понятии, легко можно заключить, что холодное исполнение уставов Церкви, равно как регулярность в делах, устанавливаемая расчетливым разсудком, исправность, степенность, и честность в поведении еще не суть решительные указатели, что качественно в нас истинно-христианская жизнь. Все это хорошо, но коль скоро не носит в себе духа жизни о Христе Иисусе, не имеет никакой пред Богом цены. Такого рода дела будут тогда как бы бездушные истуканы. И часы хорошие идут исправно; но кто скажет, что в них есть жизнь?! Так и тут: часто имя только имеют, что живы, будучи на деле мертвы (*Апок. 3, 1*). Эта добропорядочность поведения больше всего может вводить в обольщение. Истинное его значение зависит от внутренних расположений, в которых возможны значительныя уклонения от существенной правды при делах правых. Как, удерживаясь внешне от дел греховных, можно питать к ним привязанность или соуслаждение в сердце, так равно, делая дела правыя внешне, можно не иметь к ним расположения сердечнаго. Только истинная ревность как добро хочет совершать во всей полноте и чистоте, так и грех преследует до малейших его оттенков. Перваго ищет она как насущнаго хлеба, с последним поступает как с врагом смертельным. Враг врага ненавидит не только в лице его собственном, но ненавидит родных его и знакомых, даже вещи его, цвет ему любимый, вообще все, что сколько нибудь напоминает о нем. Тоже и ревность о Богоугождении истинная: преследует грех в малейших об нем напоминаниях или намеках; ибо ревнует о решительной чистоте. Не будь этого, сколько нечистоты может залечь в сердце!

И какого успеха можно ожидать, когда нет стремительной ревности о христианском Богоугождении? В чем нет труда, то будет еще исполняться; но коль скоро потребуются в чем либо усиленный труд, или какое либо самопожертвование, — тотчас последует отказ, по невозможности совладеть с собою. Ибо тогда

не на что будет опереться, чтобы подвинуть себя на доброе дело: саможаление подорвет все опоры. Если же примешается другое какое побуждение кроме указанного, то оно и доброе дело сделает недобрым. Сogleдатаи при Моисее убоялись от того, что себя жалели. Мученики охотно шли на смерть от того, что их сожигал внутренний огонь. Истинный ревнитель не законное только делает, но и совет, и всякое благое внушение, тайно печатлеемое в душе; делает не представляющееся только, но бывает изобретателен на добро, весь в заботах об одном добре прочном, истинном, вечном. «Везде потребно нам, говорит св. Иоанн Златоуст (*бесед. 31 на Деян.*), усердие и многое разжение души, готовое ополчиться против самой смерти; ибо иначе невозможно царствие получить».

Дело благочестия и Богообщения есть дело многотрудное и многоболезненное; особенно на первых порах. Где взять сил, чтобы подъять все эти труды? При помощи благодати Божией — в одушевленной ревности. Купец, воин, судья, ученый проходят службу многозаботливую и многотрудную. Чем поддерживают они себя в трудах своих? — Воодушевлением и любовью к своему делу. Не иным чем можно поддерживать себя и на пути благочестия. А без сего мы будем находить в служении Богу томность, тяготу, скуку, вялость. И тихоход идет, но с болезнию, тогда как для быстрой серны или проворной белки движение и переход составляют удовольствие. Богоугождение ревностное есть отрадное, окрыляющее дух, шествие к Богу. Без него можно испортить все дело. — Надо все делать во славу Божию, наперекор живущему в нас греху; а без сего мы будем все исполнять только по привычке, по требованию приличия, потому что так издавна делалось и так делают другие. Надо делать все; а в противном случае мы иное сделаем, а иное нет, и притом без всякого сокрушения и даже памяти о пропусках. Надо все делать со вниманием и осмотрительностию, как главное дело; а иначе мы будем делать, как пришлось.

Итак, ясно, что без ревности христианин плохой христианин, — вялый, разслабленный, безжизненный, ни тепел, ни хладен, — и жизнь такая не жизнь. Сие ведая, потщимся явить себя истинными ревнителями добрых дел, чтобы быть истинно угодными Богу, не имея скверны или порока, или нечто от таковых.

Итак, верное свидетельство о жизни христианской есть огонь деятельной ревности о Богоугождении. Спрашивается теперь, как возжигается сей огонь? Кто его производители?

Такая ревность производится действием благодати, однако же и не без участия свободной нашей воли. Жизнь христианская не есть жизнь естественная. Таково же должно быть и ее начало, или первое ее пробуждение. Как в семени растительная жизнь пробуждается тогда, как к сокровителю в нем ростку проникает влага и теплота, и чрез них — всевозстанавливающая сила жизни, так и в нас жизнь Божественная пробуждается, когда проникает в сердце Дух Божий и полагает там начало жизни по духу, очищает и собирает во едино омраченныя и разбитыя черты образа Божия. Пробуждается желание и свободное искание (действием извне), потом нисходит благодать (чрез таинства), и, сочетавшись с свободою, рождает мощную ревность. И никто не думай сам собою родить такую силу жизни, об ней должно молиться и быть готовым приять ее. Огонь ревности с силою —

это благодать Господня. Дух Божий, сходя в сердце, начинает действовать в нем не снedaюще только, но и вседействующею ревностью.

Иным приходит на мысль: зачем это действие благодати? Неужели мы сами не можем делать добрых дел? Вот мы сделали то и то доброе дело. Поживем, и еще что-либо сделаем. Редкий, может быть, не останавливался на этом вопросе. Иные говорят, что мы не можем сами собою ничего доброго делать. Но здесь дело не об отдельных добрых делах, а в перерождении всей жизни, о жизни новой, о жизни в целом ее составе — такой, которая приводит ко спасению. При случае нетрудно что-нибудь сделать даже очень хорошее, как делали и язычники. Но пусть кто намеренно определит себя на неопустительное добродетельное, определит порядок его по указанию слова Божия, — и это не на один месяц или год, но на всю жизнь, — и положит неуклонно пребывать в сем порядке, и потом, когда пребудет верен тому, — пусть хвалится своею силою; а без сего не лучше ли заградить уста свои. Мало ли бывало и бывает опытов самодельного начинания и устройства христианского жития? И все они оканчивались и оканчиваются ничем. Постоит немного человек в новоизбранном порядке — и бросает. И как иначе? Нет сил. Только вечной силе Божией свойственно поддерживать нас неизменными в расположении среди непрерывных приливов изменений временных. Потому надобно преисполниться сею силою, испросить ее и принять по чину, — и она приподнимет нас и извлечет из этого треволнения временного.

Обратитесь еще к опыту и посмотрите, когда приходят такие помышления самодовольства? Когда человек бывает в покойном состоянии, когда его ничто не смущает, ничто не прельщает и не влечет ко греху, тогда он готов на самое святое и чистое житие. Но чуть движение страсти или соблазн — куда все обеты?! Не говорит ли себе часто человек, ведущий невоздержную жизнь: теперь не буду больше. Но насыщение страсти прошло, новый позыв возстает, и он опять является во грехах. Хорошо разсуждать о перенесении обид, когда все идет по нашей воле, не на перебор самолюбия. Тут, пожалуй, странным покажется чувство оскорбления или серчания, какому предаются другие. Но случись самим быть в подобном положении, тогда и один взгляд, не только слово, выведет из себя. Так можно в самонадеянности мечтать о возможности самому собою, без высшей помощи, вести жизнь христианскую, когда покоен дух. Но когда зло, слегшееся на дне сердца, возматется, как прах ветром, тогда в собственном опыте найдет каждый осуждение своей заносчивости. Когда помысл за помыслом, желание за желанием, — одно другого хуже — начинают тревожить душу, тогда забудет всякий про себя и невольно воззовет с Пророком: воды внидоша до души моя: углубох в тимении глубины (Псал. 68, 2). О, Господи, спаси же! О, Господи, поспеши же! (Псал. 117, 25).

Не бывает ли часто так: мечтает иной в самоуверенности пребывать в добре. Но вот воображено лице или вещь, родилось желание, возбудилась страсть; человек увлечен и пал. После сего оставалось бы только посмотреть на себя и сказать: как это худо! Но вот представился случай к развлечениям, и он снова готов забыться. Далее, кто нибудь оскорбил: началась брань, укоры, суд; представилась неправая, но выгодная сделка, — берется и за то: одного унизил, с другими поделился, третьяго столкнул с места, — и все это после того, как хвалился возможностью самому, без особой помощи свыше, вести себя свято. Где же сила? — Дух бодр, плоть же немощна (Матф. 26, 41). Видишь добро и творишь зло: хотящу творити доброе, злое прилежит (Римл. 7, 21). Мы в плену: искупи нас, Господи!

Один из первых вражеских наветов на нас есть помысл самонадеянности, т. е. если не отвержение, то не чувствование нужды в благодатной помощи. Враг как бы так говорит: «не ходи туда — к свету, где хотят тебе дать какая-то новья силы! — Ты у меня и так хорош». Человек и предается покою. А враг между тем — где подкинет камень (неприятности), где наведет на скользкое место (прелести страстей), где усеет цветами закрытые силки (светлая обстановка). Не оглядываясь, человек стремится все далее и далее, и не догадывается, что ниспадает все ниже и ниже, пока, наконец, не низойдет на самое дно зла — к преддверию ада. Не нужно ли в таком случае крикнуть ему, как первому Адаму: «человек, где ты? Куда ты зашел?» Вот это то воззвание и есть действие благодати, которое заставляет грешника в первый раз осмотреться на себя.

Итак, желаешь начать жить по-христиански, взыщи благодати. Минута, когда низойдет благодать и сочтается с твоею волею, будет минутою рождения жизни христианской — сильной, твердой, многоплодной.

Где обрести и как принять благодать, начинающую жизнь? — Стяжание благодати и освящение ею нашего естества совершается в таинствах. Здесь мы предлагаем действию Божию, или предносим Богу свою непотребную природу, — и Он действием Своим претворяет ее. Богу угодно было, для поражения гордаго ума нашего, в самом начале истинной жизни, сокрыть силу Свою под сению вещества простаго. Как это бывает, не постигаем, но опыт всего христианства свидетельствует, что иначе не бывает.

Таинств, преимущественно относящихся к началу жизни христианской, два: крещение и покаяние. Потому и правило касательно начала жизни истинно-христианской собираются одни вокруг крещения, а другия — вокруг покаяния. *)

*) Еп. Феофан. Путь ко спасению. Третья часть. М., 1899.

ПРОПОВЕДЬ

Свят. Игнатий Брянчанинов

Духовные наставления

Отношение христианина к страстям его

Некоторый великий подвижник сказал «должно терпеть свои недостатки точно также, как терпим недостатки других, и снисходить душе своей в ее немощах и несовершенствах. Вместе с этим не должно предаваться нерадению: должно заботиться усердно о исправлении и усовершенствовании себя» (*Духовные наставления блаж. старца Серафима Саровского, гл. 10 о подвигах, изд. 1844 г.*).

«Не возмущайся, не приходи в недоумение, сказал некоторый святой Отец, когда увидишь в себе действие какой-либо страсти. Когда восстанет страсть, подвизайся против нея, старайся обуздать и искоренить ее смирением и молитвою» (*Преп. аввы Доротея, поуч. 13 о терпении искушений*).

Смущение и недоумение, при открывшемся действии страсти, служит доказательством, что человек не познал самого себя (*Там же*).

При свете слова Божия рассмотрим отношение наше к страстям и немощам нашим, чтоб получить правильное понятие о себе, и, на основании правильного понятия о себе, правильно управлять собою.

Человек в беззакониях зачинается, рождается во грехах (*Пс. 1, 7*), следовательно страсти или греховные недуги души и тела свойственны нашему падшему естеству.

Страсти противоестественны непорочному естеству нашему, каким оно было создано; противоестественны страсти и естеству обновленному; они естественны падшей природе. Так естественны всякой телесной болезни свойства этой болезни; так естественны болезни и смерть нашему телу, утратившему бессмертие и свойства бессмертия. До падения бессмертие было естественно нашему телу, — болезни и смерть были неестественны.

Страсти — иначе грех, в обширном значении этого слова. Апостол, когда говорит о «грехе, живущем в человеке» (*Рим. VII, 14; XVII, 20*), понимает под словом грех заразу злом всего естества человеческого, понимает страсти. Это состояние называется также состоянием «плотским» (*Рим. VII, 14; VIII, 8*) и «смертию» (*Рим. VII, 24; VIII, 2*).

Человек до искупления рода нашего Спасителем, не мог противиться страстям, хотя бы и хотел: они насильно увлекали его; они властвовали над ним против воли его. Христианин, при посредстве святого Крещения, свергает с себя иго страстей; он получает силу и возможность противиться страстям, попирает их (*Преп. аввы Дорофея, поуч. I об отвержении мира*). Но и искупленному человеку, человеку обновленному, помещенному в духовном раю — в Церкви — предоставлена свобода: по произволу своему, он может или противиться страстям и победить их о Господе, или покоряться и поработиться им. Так и в чувственном раю предоставлено было на произвол первозданному человеку или повиноваться заповеди Божией, или преслушать ее.

Каждое сопротивление, оказанное требованию страсти, ослабляет ее; постоянное сопротивление низлагает ее. Каждое увлечение страстью усиливает ее, постоянное увлечение страстью порабощает страсти увлекающегося ею.

Сопротивление христианина страстям должно простираться до распятия «плоти со страстями и похотми» (*гал. V, 24*); оно должно простираться в избранных духовных борцах до пролития крови: отдай кровь и прими Дух (*4-е изречение аввы Лонгина. Достопам. сказан.*). Только «пострадавший плотию преста от греха» (*I Петр. IV, 1*). Это значит: только злостраждущий по телу в вольных или невольных подвигах способен противостоять греховным пожеланиям плоти, подавить и заглушить их в себе. Тело, упокоеваемое и лелеемое разнообразною негою и угождениями ему — вместилище страстей.

Пострадавший и распявшийся за нас Богочеловек требует от учеников и последователей Своих, чтоб они подражали Его страданиям, чтоб пожертвовали всем временным для вечного, тленным для нетленного, чтоб были учениками и последователями Богочеловека самую жизнь.

Необходим подвиг для христианина; но не подвиг освобождает христианина от владычества страстей: освобождает его десница Вышнего, освобождает его благодать Святого Духа.

Обузданием и умерщвлением плоти, трудами благочестия при тщательном соблюдении евангельских заповедей доставляется христианину истинное смирение. Истинное смирение заключается в полном самоотвержении, в полной преданности Богу, в непрестанном служении Богу. Такое смирение привлекает в душу Божественную благодать. Божественная благодать, осенивши душу, преподает ей духовное ощущение, — и страсти, эти ощущения и влечения плотские и греховные, остаются праздными (*Св. Исаак Сирский. Сл. 43*).

Действие страстей, услаждающее человека плотского, тягостно, мучительно для человека духовного, — возбуждает в нем сильнейшее отвращение. При малейшем появлении или возбуждении страсти, бежит он от нее, как от хищного, лютого зверя, как от убийцы, бежит под покров молитвы, под покров евангельского учения, под покров Божий.

Душа, невосделанная евангельскими заповедями, и тело, невосделанное трудами благочестия, не способны быть храмом Божественной благодати, храмом Святого Духа.

Сущность подвига заключается в исполнении заповедей. Не обуздывающий своего тела трудами, постом, бдением, молитвенными стояниями, и потому предоставляющий господствовать в себе плотскому мудрованию, питающий и поддерживающий в себе страсти, не возможет соделаться исполнителем заповедей.

Смерть, одна смерть вполне освобождает даже святых Божиих от влияния на них греха. Безстыдны страсти: могут восстать они и в лежащем на смертном одре. Даже на смертном одре невозможно прекратить бдительности над собою. Поверь бесстрастию тела твоего тогда, когда оно уляжется во гроб.

Страсти, пребывая в христианине, постоянно приножая его быть на страже, постоянно вызывая его на борьбу, содействуют его духовному преуспению. Зло, по премудрому устройению Божественного Промысла, содействует благому намерением неблагим: сказал это преподобный Макарий Великий (*Сл. 4*).

Жесткий и тяжеловесный жернов стирает зерна пшеницы в муку, пшеницу содеживает способною к печению из нее хлебов. Тяжкая борьба со страстями стирает сердце человека, сминает надменный дух его, заставляет сознаться в состоянии падения, опытно обнаруживая это состояние, — заставляет сознаться в необходимости искупления, уничтожает надежду на себя, переносит всю надежду на Искупителя.

Должно веровать, что в первородном грехе заключается семя всех страстей, что мы родимся с наклонностью ко всем видам греха: и потому не должно удивляться проявлению и восстанию ни одной страсти, как чему-нибудь необыкновенному и странному.

По свойствам души и тела, по влиянию обстоятельств, в одном человеке действует и развивается с особенною силою одна страсть, в другом — другая: в ином заметна особенная наклонность к сребролюбию, в другом объядению; один увлекается плотским вожделением, другой жаждою суетных почестей. Неувлекающийся какой-либо страстью не должен думать, что нет в нем этой страсти: только не было случая к обнаружению ее.

Постоянно должно быть готовым к противодействию всем страстям. В особенности должно бодрствовать против страсти, преобладающей, проявляющейся чаще других страстей, наиболее беспокоящей человека.

Страсти, свойственные падшему естеству, различаются величайшим различием от страстей, усвоиваемых произвольно каждым человеком. Сила вторых несравненно значительнее силы первых. Но покаяние, как всемогущее врачевство, преподаваемое всемогущим врачом — Богом, врачует человека, произволяшаго употребить законно это врачество, врачует со всею удовлетворительностью от всех греховных недугов.

Некоторые страсти служат началом и причиною для других страстей; таковы: объядение, нега, развлечение, роскошь, сребролюбие, славолубие, неверие. Последствия их: сладострастие, печаль, гнев, памятозлобие, зависть, гордость, забвение Бога, оставление добродетельного жития.

В духовном подвиге должно преимущественно вооружаться против начальных страстей: последствия их будут уничтожаться сами собою. Отрекшийся от телесных наслаждений, от человеческой славы, от любостяжания, от рассеянной жизни, не будет предаваться гневу и печали, не обуяет его ни гордость, ни зависть; беспрепятственно будет он шествовать по пути заповедей Божиих к спасению, к обширному Богопознанию, доступному для одних чистых сердцем.

Вождь всех страстей — неверие. Оно отверзает вход в душу и сребролюбию, и честолюбию, и скверным вожделениям, и гневу, и печали, и исполнению зол — отчаянию.

Вождь и дверь всех истинных христианских добродетелей — вера.

Страсти живут тайно в людях, проводящих рассеянную, невнимательную жизнь; по большей части они удовлетворяются ими, по большей части не примечаются ими, по большей части оправдываются, — часто признаются за чистейшие, возвышеннейшие добродетели.

Один истинный христианин, постоянно внимающий себе, поучающийся в законе Господнем день и ночь, старающийся исполнять евангельские заповеди со всею тщательностью, может увидеть свои страсти. Чем более он очищается и преуспевает, тем более страсти обнаруживаются пред ним. Наконец, пред взорами ума, исцеленного Евангелием, открывается страшная пропасть падения человеческого. Христианин видит в себе падение человечества, потому что видит свои страсти. Страсти — знамение греховного смертоносного недуга, которым поражено все человечество.

В какое положение приводит христианина зрение страстей своих, своего падения? — приводит в плач о себе, в плач горький, неутешный. Никакая земная радость не может остановить, прервать этого плача. Одна Божественная благодать останавливает его по временам, преподавая плачущему и растерзанному сердцу надежду спасения, духовное успокоение и небесное наслаждение, истекающие из мира Христова.

В какое положение приводит христианина открывшееся в нем действие страстей? — Оно восставляет его к усиленной брани против страстей. Подвижник Христов усугубляет свои молитвы, свой пост, свои бдения, свои коленопреклонения, и, показуя умственно бедствия свои Богу, ходатайствует неизреченным сокрушением и болезнью сердца о помиловании «Аз же, говорит Божественный Давид, внегда они стужаху ми, облачахся во вретисе, и смирах постом душу мою, и молитва моя в недро мое возвратится. Плача и сетуя тако смирахся» (Пс. XXXIV, 13, 14).

Чем обнаруживаются страсти? — помыслами, мечтаниями и ощущениями греховными. Помыслы и мечтания иногда внезапно являются уму, иногда татейным образом подкрадываются к нему; подобно этому возникают и ощущения в сердце и теле. Греховные помыслы, мечтания и ощущения влекут к совершению греха на самом деле, или, по крайней мере, к услаждению и пленению греховными помыслами, мечтаниями, ощущениями, к совершению греха в воображении и чувстве.

Подвижник Христов должен отречься не только от совершения греха делом, но и от совершения его в воображении и чувстве. Каждая страсть усили-

вается от услаждения ею, от исполнения беззаконных требований и представлений ее тайными душевными движениями. Страсть, исполненная на самом деле, или наслажденная в душу долговременным сочувствием ей и питанием ее, получает владычество над человеком. Нужно много времени, нужен кровавый подвиг, нужно особенное Божие милосердие, особенная Божия помощь, чтоб свергнуть иго страсти, принятой произвольно, получившей власть над человеком, или от падения человека в смертный грех, или от преступного, произвольного наслаждения грехом в сокровенном душевном чертоге, посвященном Христу.

Невозможно, чтоб страсти, живущие внутри человека, не обнаруживались в его помышлениях, словах и действиях. Эти обнаружения страстей, когда сопровождаются каким бы то ни было увлечением, называются и признаются падениями (*преп. Нил Сорский называет их мысленными падениями. Сл. 3*) на поприще истинного христианского подвижничества, стремящегося к совершенству. Врачуются они немедленным покаянием.

Такие падения — неотъемлемая принадлежность ветхости ветхого Адама: человеческого естества, падшего и зараженного грехом. Особливо новоначальный подвижник не может не увлекаться греховными помыслами, мечтаниями и ощущениями; он не может не согрешать греховными помыслами, мечтаниями и ощущениями; он не может не согрешать словом и самым делом. Согрешения эти врачуются немедленным покаянием.

Не говорится здесь о падениях в смертные грехи и о произвольно греховной жизни, которая вся — падение: здесь говорится о падениях легких от немощи называемых грехами простительными, от которых и самые праведники не были вовсе свободны.

Свидетельствует Писание: «седмерицею падет праведник, и возстанет» покаянием (*Притч. XXIV, 16*). Соответственно очищению покаянием уменьшаются увлечения, но вместе они делают утонченнее, неприметнее, обольщают и обманывают иногда мужей, исполненных Божественной благодати (*1 Паралип. XXI, 1*). Увлечения эти охраняют от превозношения, служат причиной смирения, удерживают на спасительной пажити покаяния (*Преп. Нил Сорский, Сл. 3*).

Смотря на себя из такого познания себя, должно хранить мир душевный, никак не смущаться и не унывать, не приходить в недоумение, когда откроется в нас действие страстей. Иногда действие это бывает легким, иногда очень сильным. Мужественно воспротивимся страстям.

Не престанут они восставать и нападать на нас до гробовой доски! И мы приготовимся к пожизненному сопротивлению им, в твердом убеждении, что не можем быть постоянными победителями страстей, что по естественной необходимости мы должны подвергаться невольным побеждениям, что самые эти побеждения споспешествуют преуспеванию, когда поддерживают и усиливают в нас покаяние и рождающееся из него смирение.

Не будем доверять нашим победам над страстями, не будем восхищаться этими победами. Страсти, подобно орудуящим ими демонам, лукавы: они представляются побежденными, чтоб мы превознеслись, и чтоб по причине нашего превозношения победа над ними была удобнее и решительнее.

Приготовимся смотреть на наши победы и побеждения одинаково: мужественно, хладнокровно, беспристрастно.

Увлечся ли ты мечтаниями греховными, услаждался ли греховными помыслами, произнес ли праздное, безрассудное слово, употребил ли много пищи, или сделал что другое, подобное этому,— не возмущайся, не малодушествуй, не прилагай вреда ко вреду (*Старца Серафима, гл. 10*). Покайся немедленно пред сердцевицею — Богом, старайся исправиться и усовершенствоваться, убедись в необходимости строжайшего наблюдения за собою, и, сохраняя спокойствие души, с твердостью и настойчивостью продолжай духовный путь твой.

Спасение наше — Бог наш, не наши дела. Делами веры, то есть исполнением евангельских заповедей, мы доказываем истину нашей веры и верность нашу Богу.

Не обращай внимания на помыслы ложного смирения, которые по увлечении и падении твоём внушают тебе, что ты невозвратно прогневал Бога твоего, что Бог отвратил лице Свое от тебя, оставил, забыл тебя. Познай источник этих помыслов по плодам их. Их плоды: уныние, ослабление в духовном подвиге, а часто и оставление его навсегда или на продолжительное время.

Если человеку доступно познание, что каждому подвижнику на продолжительном и многотрудном поприще духовного подвига непременно предлежат и победы и побеждения, что невозможно ограниченности, немощи, греховности нашим не выражаться проявлениями: тем более ведаёт это Создатель наш и установитель подвига — Бог. С милосердием взирает Он на преткновения Своего подвижника, и за великодушное постоянство и верность готовит ему венец правды, победы, славы.

Вожделенна чистота сердца и тела! Ею зрится Бог (*Мф. V, 8*). Чистота эта приобретает постоянным и многотрудным подвигом против нечистоты. Для вступления в подвиг против нечистоты необходимо, чтоб она открылась пред взорами ума. Открывается она помыслами, мечтаниями, ощущениями плотскими. Никогда не боровшийся против нечистоты, неведаящий ее, признающий себя чистым, находится в самом опасном самообольщении, способен неожиданно для себя и внезапно низвергнуться в пропасть смертных согрешений: нечистота есть неотъемлемая принадлежность падшего естества, а чистота — дар благодати Божией, привлекаемый правильным трудом человека к очищению себя.

Величайшая разница — согрешать намеренно, по расположению к греху, и согрешать по увлечению и немощи, при расположении благоугождать Богу. Величайшая разница — проводить греховную жизнь, проводить жизнь, удовлетворяя всем пожеланиям, всем страстям своим, и преткаться по причине немощи, ограниченности, по причине греховной заразы, шествуя по пути Божиию.

Опасно преждевременное бесстрашие! опасно преждевременное получение наслаждения Божественною благодатию. Дары сверхъестественные могут погубить подвижника, ненаученного немощи своей падениями, неопытного в жизни, неискусного в борьбе с греховными помыслами, неознакомленного подробно с лукавством и злобою демонов, с удобоизменяемостью человеческого естества. Человек свободен в избрании добра и зла; хотя бы

этот человек и был сосудом Божественной благодати: он может злоупотребить самою благодатию Божиею. По причине ея он может превознестись над ближними; по причине ея он может подвергнуться самонадеянности. Последствием самонадеянности обыкновенно бывает нерадение, ослабление в подвиге, оставление его. Вслед за нерадением внезапно, неистово встают плотские вожделения в душе и теле освященных, увлекают подобно бурному потоку, низвергают в пропасть блудных поплзновений, часто в самую смерть душевную.

Человеколюбец — Бог, «иже всем человеком хочет спастися, и в разум истины прийти» (*1 Тим. II, 1*), попустил служителям Своим, попустил возлюбленным Своим, на все время земного странствования их, борьбу с внешними и внутренними скорбями. Борьба со страстями и страдания, прозябающие из этой борьбы, несравненно тягостнее всех искушений извне. Томление и подвиг, в которые возводится христианин невидимую, внутреннюю борьбу, восходит значением своим к подвигу мучеников. «Дай кровь и прими Дух», повторяем изречение Отцов, ознакомившихся опытно с этою борьбою. Иго такого подвига несут одни тщательные исполнители заповедей Евангелия, одни истинные служители Христа. «Исполнение заповедей научает человека его немощи», — сказал преподобный Симеон (*Доброт. ч. 1*). На познании и сознании немощи зиждется все здание спасения.

Станный ход дела для поверхностного взгляда! «Исполнение заповедей научает человека его немощи». Но это — слова опыта. Только при тщательном исполнении заповедей Христовых человек может увидеть множество страстей своих; только при тщательном исполнении заповедей Христовых человек может убедиться в совершенном бессилии ветхого Адама для деятельности нового, в справедливости определения, что этот закон может быть исполнен единственно щедротами Христовыми (*Преп. Марк Подвижник, О Законе Духовном. гл. 32*).

Во всемогущей деснице Промысла самый грех, живущий внутри человека, объявляющий все существо его, объявляющий все члены души и тела, содействует его преуспеянию, если этот человек — истинный христианин.

Нищета духовная, сознание своего падения, сознание необходимости в Икупителе, стремление всем существом к исповеданию искупившего нас Сына Божия и Бога, Господа нашего Иисуса Христа — плоды борьбы со страстями. Эти плоды — залог вечного блаженства.

Нищета духовная, падение человечества, живое исповедание Икупителя неизвестны сыну века сего. Он работает страстям, признаёт в себе обилие достоинств, видит добродетели, — и, или ничего не ожидает на небе, не помышляя никогда о себе, или ожидает там наград, как долга, ожидает по причине глубокого неведения о единственной добродетели, награждаемой на небе. Добродетель эта — христианство.

Раб Божий, исполняя евангельские заповеди, более и более открывает в себе страсти, и в то время, как благодать Святаго Духа образует в нём блаженные духовные состояния, нищету духа, плач, кротость, милость, целомудрие, духовный разум, он признаёт себя грешником из грешников, несоделавшим никакого добра, виновным в бесчисленных согреше-

ниях, достойным вечной муки в геенне огненной за непрестанное нарушение заповедей Божиих.

Святые Отцы, видя в себе прозябающим плод духовный от борьбы со страстями, не желали прекращения этой борьбы; они желали претерпевать в ней доблественно, великодушно (*Преп. авва Дорофей, поуч. 13*). Блаженные! они не искали другого совершенства, кроме совершенства в смирении; они не искали обрести надежду спасения в чем-либо своем, искали обрести ее во Христе. Где нет смирения, там нет христианских добродетелей, а где истин-

ное смирение, там все добродетели во всей полноте их; там — Христос; там страсти и орудующий ими враг — диавол «ничтоже успеют на служителя Христова», и сын беззакония, грех, не приложит озлобити его» (*Пс. LXXXVIII*).

Последуем стопам Отцов,— и достигнем в пристань вечного блаженства. Аминь.

Свят. Игнатий (Брянчанинов)
Аскетические опыты, т. I,
СПб, 1905, стр. 333—349, 524—534.

Свящ. Анатолий Жураковский В ОГРАДЕ ВЕРНЫХ

Об отце Анатолии Евгеньевиче Жураковском многие православные люди узнали после долгого забвения из опубликованных в 1981 году в Париже «Материалах к житию», анонимным составителем которых с любовью были собраны письма самого новомученика и воспоминания о нем, снабженные комментарием, однако опубликованные некогда статьи и произведения самого батюшки почему-то в сборник не вошли.

Жизнь о. Анатолия связана прежде всего с Киевом, хоть родился он в Москве в семье учителя, в школу начал ходить в Тифлисе и в Киеве очутился только в 1911 году. Здесь, учась еще в гимназии, юноша сблизился с В. В. Зеньковским, председателем местного религиозно-философского общества и приват-доцентом на кафедре философии университета, который руководил его занятиями и стал со временем старшим другом. У него Жураковский с 1915 года учился в Киевском университете и писал работу «Жозеф де Местр и Константин Леонтьев».

Первая мировая война оторвала юношу от занятий, но и в армии он не оставлял изучение богословия, опубликовав в Киевском журнале «Христианская мысль» две статьи, вышедшие в самый канун революции. Вернувшись в Киев, бывший студент начинает проповедовать Слово Божие в казармах и рабочих кварталах, но вскоре, заболев туберкулезом, вынужден отправиться в деревню, где местные крестьяне упростили его стать их священником. 18 августа 1920 года в Успенском соборе только что окончивший университет А. Е. Жураковский был посвящен в иереи.

Через некоторое время, благодаря ходатайству профессоров университета, о. Анатолий стал настоятелем церкви св. Марии Магдалины в Киеве, которая

быстро наполнилась молящимися — интеллигенцией и молодежью, сумевшими оценить вдохновенный дар молодого пастыря и проповедника. Стихийно создаются кружки по изучению Священного Писания и устава, возникает свой хор, образуется сплоченная община, сестричество... Но это длится недолго — в ночь на Великий четверг в марте 1923 г. батюшку арестовали и сослали в Красно-Кокшайск (теперь Йошкар-Ола), где он оставался до конца следующего года.

После возвращения в Киев о. Анатолий с прежним горением возобновляет свое служение в небольшой Варваринской церкви, где вокруг него снова собирается активная община, которая поддержала его в 1927 году, когда он оказался среди «непонимающих». 1 октября 1930 года, больной туберкулезом, о. Анатолий был арестован и приговорен к смертной казни, замененной 10 годами концлагерей. Свирские лагеря, Соловки, Беломорканал — этапы его Голгофы. В конце 1937 года близкие получили сообщение о новом сроке — 10 лет без права переписки, что означало одно — расстрел.

Мучеником за веру Христову кончил свою жизнь о. Анатолий Жураковский. Ему было только 40 лет... Как он писал в одном из лагерных стихотворений: «И юности неложные обеты запечатлелись язвами Креста». Публикуя его неизвестные работы, мы приносим скромный цветок на затерянную могилу замечательного подвижника и талантливого богослова в надежде, что со временем будут обнаружены и напечатаны и другие его произведения, которые с Божьей помощью сохранили его друзья и духовные дети.

Публикация В. В. Антонова

В древнейшем и великолепнейшем из наших Киевских храмов, в св. Софии есть удивительное изображение — это запрестольная мозаика — Таинство Причащения.

Мозаика эта совершенно необычайна по своему замыслу. Таинство Евхаристии, — а, между тем, мы как будто не видим ничего, что напоминало бы нам тайную вечерю, как мы ее привыкли представлять, и как она происходила в действительности две тысячи лет назад. Нет здесь ни Иерусалимской горницы, ни утвержденного посреди стола для совершения вечера, ни возлежащих за трапезою.

В середине сень, и под этой сенью престол. Это как бы храм, алтарь, хотя определенных очертаний храма и нет. По обе стороны сеней ангелы с рипидами. Они склоняют рипиды над Христом Спасителем. Он в изображении повторен. С одной стороны Он с Божественным хлебом, с другой — со Святой Чашей. С обеих сторон подходят к Нему склоненные апостолы, чающие принять от Него святыню жизни, Его пречистое Тело и Его Животворящую Кровь.

Это изображение символическое. Перед нами не историческое событие раз совершившееся в определенном месте и в определенном месте. Перед нами таинство, спасающее мир, чудо, вечно повторяющееся и неизменно пребывающее в сердцевине бытия. Здесь нет времени и ограничения места. Мы как будто не на земле, а в каком-то золотом пространстве. Земля здесь обозначена под ногами Апостолов даже темной полоской. Мы в вечности. И в вечности открывается нам смысл самого великого, самого святого, что есть в жизни — Божественной Евхаристии. О нем, об этом смысле говорят и греческие слова Евангелия, начертанные наверху мозаики: «Приимите, ядите...».

Это изображение, таинство причащения невольно вспоминается, когда мы только начинаем размышлять о литургии верных, об этом величайшем священнодействии христианства.

Литургия оглашенных кончилась. Оглашенные, прослушав прочитанные о них молитвы, вышли из храма. В древности не они одни должны были оставлять храм, в это время вместе с ними должны были удалиться и кающиеся, обличаемые своею совестью в каких-либо тяжких грехах, служивших препятствием для предстояния у престола в последующие страшные минуты. «Никто против кого», «никто в лицемерии», — таковы дьяконские возгласы древних литургий. Они удаляют за двери храма в глухую ночь внешней тьмы, всякие остатки ползучего, липкого греха, ни одна капля мутной пены земного хаоса не захлестывала в святом ковчеге, ни один звук мирского шума и сутолоки не достигал к священному пределу.

Этого мало, по древней практике в эту минуту уходили из храма и те из верных, которые почему-либо не могли причащаться во время предстоящей литургии. Во время того, что должно следовать дальше, нет места праздным зрителям, нет места тому, кто пришел только постоять в углу, или осенить себя крестным знаменем. Здесь — пир веры. Здесь место только тем, кто хочет и может быть одним из возлежащих на пире, одним из сотрапезников Небесного Царя, кто дерзает перейти через заветную черту и приступить к самому великому и страшному, что есть в жизни.

В древности именно в этот момент священнослужители первый раз входили в св. алтарь. Малый вход был прежде моментом, в частности в Великой Константинопольской Церкви, когда впервые в храм вступал епископ, до этой минуты священнодействовали пресвитеры, но все священнослужители во время литургии оглашенных оставались посреди храма, алтарь же был закрыт св. завесой. И только, когда оглашенные, кающиеся удалялись, открывался алтарь, это святое святых храма, и священнослужители приступали к св. трапезе. Остатком этой древнейшей практики в нашей литургии является то, что именно в этот момент положено открывать св. антиминс. Правда, обыкновенно это делается раньше во время сугубой ектинии, но это явная неправильность, несоответствующая самому смыслу этого священнодействия. Служебник совершенно определенно предписывает открывать именно в начале литургии верных. Антиминс с заключенной в нем частицей св. мощей и есть именно св. трапеза, соответствующая тем мученическим гробницам, на которых в древности совершалось св. таинство. В последующей молитве, после раскрытия антиминса священник возносит благодарность за то, что он удостоился предстать перед св. трапезой.

Вот начинается литургия верных. Первое мгновение после начала, было мгновение полной тишины. Церковь погружалась в полное молчание, продолжавшееся несколько минут. Что же означало это молчание? Это была первая молитва верных, произносившаяся в молчании «тайная молитва» в собственном смысле слова. Прежде чем приступить к общей молитве и общей жертве, каждый верующий должен был совершить свою собственную жертву, должен был тайно и совершенно свободно принести Богу личную молитву свою, рассказать Богу о своем сокровенном и личном, чтобы потом уже в дальнейшем совершенно отрешиться от всего личного и слиться со всею церковью в одном общем молебном благодарственном гимне.

Вслед за этой тайной молитвой священнослужитель начинал возносить перед св. трапезой моление от лица своей церкви.

В этих молитвах литургии верных нет уже ничего земного, ничего временного, в них только одно устремление к грядущему чуду. В них душа в покаянном порыве ищет окончательного освобождения от всего темного и недостойного, хочет сбросить с себя всю свою ветхость и немощность, чтобы обновленной и преображенной дерзновенно приступить к святейшему таинству. В последующих молитвах, в молитвах Евхаристического канона мы не находим даже покаяния, там только хвала, только благодарность, только светоносная тайна, раскрывающаяся в огненных глаголах. Здесь в первых молитвах литургии верных последний порыв покаяния, последнее омовение и очищение души, восходящей к престолу вечности.

Прежде всего священник благодарит за то, что снова удостоен предстоять пред св. трапезой. Потом он просит, чтобы Бог сотворил Своих служителей приносить моления, мольбы и бескровные жертвы, «удовлил» бы их, т. е. дал бы им довольно силу Своего св. Духа, чтобы они проходили свое служение в чистом свидетельстве своей совести. В другой молитве он просит об очищении душ и телес от всякой скверны плоти и духа, просит, чтобы все

верующие неповинно неосужденно причастились св. Тайн — новое доказательство того, что в древности все присутствующие на литургии были причастниками.

Наконец, следует тайная молитва, читаемая священником тогда, когда уже воспевается херувимская песнь, эта молитва довольно позднего происхождения и глубоко личного характера. «Никтоже — молится священник — никтоже достани от связавшихся плотскими страстями и похотями приходи или приблизитися или послужити Тебе Царю Славы: еже бо послужити Тебе велико и страшно и самым небесным силам». В мгновение ока, как на страшном судилище Христовом, проходит перед священником его жизнь. Явися жизнь его деяний и тайная летопись его сердца. В сознании своего совершенного бессилия своей греховной запятанности, небрачной поруганности своих одежд стоит он перед поедающим огнем Божества. И голос пробужденный и сбросивший с себя обыденный тлен совести, громко обличает и спрашивает — тебе ли предстоять у престола и твоими ли руками совершать мироспасительную службу? Но из глубины этой немощи и из мрака собственного сердца поднимаются взоры к Единому Чистому, к Единому Безгрешному. «Но обаче неизреченного ради, безмерного Твоего человеколюбия непреложно и неизменно был еси Человек и Архиерей нам был еси». Мысль этих слов должна проникнуть не только в сердце священника, но в сердце каждого верующего.

Вот перед нами священник, это такой же человек, как мы, с такими же, как у нас, человеческими слабостями, несовершенствами, немощами, если бы мы захотели и если бы это было нам позволено, мы даже сами могли бы указать на эти немощи и пересчитать многие из них. И вот он, этот слабый человек и грешный, вот сейчас перед нами совершит спасающее мир чудо, святейшую службу.

Нет, не он совершит эту службу, не он истинный совершитель таинства. Есть Некто, есть Другой, облеченный в непорочность и славу. Он-то предвечный первосвященник, Божественный Архиерей, Он Сам священнодействует в эти мгновения за божественной литургией. Как во время архиерейской службы, служит архиерей, а пресвитеры только сослужители, так в другом, гораздо более глубоко и таинственном смысле священник всегда только сослужитель таинственного Архиерея, неизменно возносящего святое приношение. И не ангелы священнодействуют вместо недостойных священников, как это думают некоторые и как это ошибочно утверждается в некоторых очень поздних молитвах и акафистах. Ангелы не имеют права и силы совершения таинства, они только, как говорит одна молитва из чина елеосвещения «желают приникнути» к святейшей тайне, они тоже только помощники и сослужители, истинный совершитель таинства Христос, Свет и Спаситель мира.

Поэтому грешно и нехорошо, когда мы слишком большое внимание обращаем на то, кто, какой священник служит литургию или преподает нам св. причастие. Мы должны помнить, должны сознавать, что, если только мы в храме православном, где совершается истинная служба, то совершает ее всегда Один, всегда Он, всегда Христос. Он священнодействует. Он причащает, непосредственно из Его рук получаем мы хлеб жизни. В лучах Его света должно

теряться для нас знакомое нам лицо земного служителя, земного священника.

И в этой молитве Херувимской песни, склонившийся перед св. престолом, священник исповедует предвечное архиерейство Христа Спасителя, встречая Его истинного совершителя тайны, как бы передает Ему свои полномочия, свое священство, становясь рядом с Ним у божественной трапезы. В этом сознании Его близости, Его непосредственного участия в служении для священника источник и чувства бесконечной ответственности и вместе с тем дерзновение, несокрушимой уверенности в том, что никакие несовершенства и немощи его человеческого, слишком человеческого существа, не остановят хлынувших из разверстых глубин огненных волн вечности. «Ты приносяй и приносимый, Ты приемляй и роздаваемый», — так говорит священник Тому, приближение Кого чувствует он всем своим существом в эти мгновения.

В эти минуты верующие воспевают молитву, именуемую Херувимской песнью.

Есть слова, может быть, мало доступные для нашей мысли, может быть, непонятные, но почему-то от них, от слов этих трепетно волнуется душа, замирает сердце.

«Иже херувимы, тайно обоазующе...»

Я думаю, что не все из тех, кто знает эту молитву наизусть, понимают ее до конца, дают себе отчет в каждом слове. Это действительно трудная, мало понятная молитва. Но почему же от них, от этих непонятных слов, каждый раз, когда мы их слышим, а ведь сколько раз мы их слышали, почему умиленное сердце тает от них, как воск от огненного пламени? Почему и церковь именно для этих слов, для этой молитвы установила совсем особые, особенно-торжественные, особенно-волнующие напевы? И почему как-то само собой преклоняются колени у множества верующих при словах этих?..

«Иже херувимы тайно образующе...» Херувимы... Кто это такие, что знаем мы о них? Это — один из ангельских чинов, один из небесных воинств.

Там, в горнем мире, возвышающемся над нами, бьющем своими крылами в утончающиеся по временам и становящиеся прозрачными грани нашего земного бытия, там своя иерархия, свое чиновначалие, свое многообразие служений и степеней восхождения... Начала, власти, господства, силы, престолы... мы не понимаем ни этих различий, ни самых этих имен. Да и не нам с нашим плотским и земным умом пытаться проникнуть в тайну этих различий. Мы знаем, что херувимы и серафимы — это высочайшие степени ангельского чиновначалия, небесной иерархии, ближе всего предстоящей к престолу Господней славы.

В Библии пророк Иезекиил в первой и потом в десятой своей книге говорит о херувимах.

Пророк рассказывает здесь о видении им божественной славы, о бывшем ему богоявлении. Как Моисей в купине, как Илия в тихом веянии ветра, как Исаий в храме, так и Иезекииль при реке Хораве видел Бога. И видение это было особым, неповторимым, непохожим на другие откровения божественного величия. О нем рассказывает пророк в своей книге, рассказывает настолько, насколько можно рассказать о неизреченном, рассказывает на языке человеческих образов, человеческих символов и подобий.

Вид Саровской пустыни с северной стороны.

«И я видел,— говорит пророк,— и вот бурный ветер шел от севера; великое облако и клубящийся огонь и сияние вокруг него, а из середины его видно было подобие четырех животных,— и таков был вид их: облик их был как у человека; и у каждого четыре лица, и у каждого из них четыре крыла, а ноги их, ноги прямые и ступни ног их, как ступни ног у тельца, и сверкали как блестящая медь и крылья их легкие, и руки человеческие были над крыльями их... Подобие лиц их, лицо человека и лицо льва с правой стороны у всех четырех, а с левой стороны лицо тельца у всех четырех и лицо орла у всех четырех... И вид этих животных был вид горящих углей, как вид лампад, огонь ходил между животными и сияние от огня, и молния восходила из огня... И смотрел я на животных и вот на земле подле этих животных по одному колесу перед четырьмя лицами их... И все тело их, и спина их и крылья их и колеса кругом были полны очей, все четыре колеса их... И когда шли животные, шли колеса подле них, а когда животные поднимались от земли, тогда поднимались и колеса. Куда дух хотел идти, туда шли и они, куда бы ни пошел дух, и колеса поднимались наравне с ним. Ибо дух животных был в колесах... Над головами животных было подобие свода, как вид изумительного кристалла простертого сверхе над головами их... а над сводом было подобие престола по виду, как бы из камня сапфира, а над подобием престола было как бы подобие человека вверху на нем. И видел я, как бы пылающий металл, как бы вид огня внутри его. От вида чресл его и выше и от вида чресл его и ниже я видел как бы некий огонь и сияние было вокруг него. В каком виде бывает радуга во время дождя, такой вид имело это сияние кругом» (*Кн. преп. Иезек., гл. I, гл. X*).

Эти таинственные существа, явившиеся пророку, носившие образ животных, как воплощение напряженной жизненной силы, как мы узнаем из десятой главы пророческой книги, херувим славы, а Тот, Кого пророк не может описать на человеческом языке, о Ком говорит нагромождая бесчисленные, ограничительные понятия: «подобие», «как бы», «вид»,— это был Сам Владыко ангелов и людей, почивающий в мире света на колеснице херувимской.

Св. Макарий Великий в своей первой беседе говорит о том, что видение пророка Иезекиила имеет помимо других смыслов еще особый смысл непосредственно относящийся к нашей душе.

«Пророк,— говорит преподобный,— созерцал тайну души, имеющей принять Господа своего и сделаться престолом славы Его. Ибо душа, которую Дух, уготовавший ее в седалище и обитель Себе, сподобил приобщиться света его и осиял красотою неизреченной славы Своей, делается вся светом, вся лицом, вся оком, нет у нее ни одной части не исполненной духовных очей света, т. е. нет в ней ничего омраченного; но вся она всецело соделана светом и духом, вся исполненная очей и не имеет никакой последней или задней стороны, но отовсюду представляется лицом, потому что снизошла на нее и восседает на ней неизреченная красота славы Света-Христа» (*Пр. Мак. Егип., стр. 4*).

«Иже херувимы тайно образующе...» Вот от этой неизреченной и сладостнейшей тайны души человеческой, в ее непосредственном приближении к Богу говорят слова Херувимской песни. «Мы таинственно изображающие херувимов»... Мы изображаем их не тем только, что вместе с ними воспеваем хвалы и песнопения нашему Владыке, мы изображаем их, мы отображаем их тайну в себе, потому что душа наша, ставшая вся оком, вся лицом, вся светом, становится сама престолом божественной славы, принимает на рамена свои Самого Господа.

Вот Он идет Небесный, Божественный Владыко, Царь славы; Он нисходит невидимо дориносимый чинами ангельскими. Как в древности победоносный триумфатор входил в город, носимый на щитах и копиях воинств, так Он Победитель ада и смерти идет на Божественное пиршество, возносимый на огненных щитах и копиях ангельских сонмов.

И душа наша в трепетном своем порыве не только хочет встретить Его грядущего хвалами и гимнами,— она простирается к Нему, отложив трел и суету житейских попечений, чтобы вступить в эти торжествующие херувимские лики, принять Его на себя и понести вместе с ними.

«Иже херувимы, тайно образующе...» Грешные мы, темные мы... заблудились мы на темных

распутьях мира, погасли наши светильники, нет у нас ни елєя, ни одежды брачной. Но наша осквернившаяся на стогнах мира душа, наше расточившее свои сокровища сердце, они созданы божественной рукой и носят в своей глубине, вечное и нетленное сияние Его образа.

Наша душа, она не только христианка, как сказал древний церковный писатель, — каждая душа по природе христианка — душа наша, каждая душа, она по природе богоносна и богоподобна, она создана ни для чего иного, как для того, чтобы стать живым престолом Живого Бога, подняться к высочайшим пределам небесных сфер, вступить в самые недра божественной жизни и преисполниться до краев светом невечующим, достичь обожествления, обожения.

«Иже херувимы, тайно образующе»... и не потому ли так замирает душа от этих слов, что в них слышит она весть о том, о чем не смеет помыслить, но что является единственной целью ее создания, для чего вызвана она к жизни из молчания, небытия творческим глаголом, о предстоянии в херувимских сонмах, о совершенном приближении к Самому Богу?

И в тех священнодействиях, какие совершаются во время пения херувимской песни, в них изображается то же, о чем она говорит словами.

Храм снова наполняется кадильным благоуханием, как перед чтением Евангелия. Тогда благоухание предуготовляло встречу Господу. Он являлся в Своем святом слове. Теперь оно снова предуготовляет встречу Ему. — Он идет, идет. Сам в Своей Божественной плоти и Боготворящей Крови Своей.

Священнодействия великого входа говорят о том же. Великий вход переносит нашу мысль к тому времени, когда храм был устроен иначе, чем он устроен теперь. Теперь алтарь, к сожалению, по своей внешней обстановке далеко не соответствует тому идеалу Святого Святых, которому он должен был соответствовать. В ветхозаветном Святом Святых была божественная пустота. Там не было ничего кроме величайших святынь, и вхождение туда мыслилось как что-то несказанно страшное. А ведь насколько оно это ветхозаветное Святое Святых по своему значению и смыслу было меньше и ниже христианского алтаря. А между тем, как часто в алтаре нашем кроме величайших святынь бывают предметы совершенно посторонние, там хранятся и книги, и облачения, складываются иконы, иногда даже одежды священнослужителей. Входят туда и миряне в те моменты, когда захотят, и когда им нужно.

Иначе было в древности. Тогда алтарь был совершенно выделен. С одной стороны алтаря находилось особое помещение — жертвенник и сосудохранительница, там находились св. сосуды, туда приносили миряне свои приношения для службы. С другой стороны находился, так называемый, диаконник, где хранились св. облачения. Самый же алтарь не заключал в себе ничего кроме престола. В него входили только священнослужители, входили только тогда, когда это было положено по чину священнодействия. Священная тишина, священный трепет наполнял как будто самый воздух этого места.

И вот во время великого входа оттуда из жертвенника, из сосудохранительницы переносились свя-

щенные предметы, приносились священные приношения для совершения таинства. Священнослужители принимали их и возлагали на св. трапезу. Остаток этого и является тот момент в архиерейском служении, когда служащий епископ принимает из рук священнослужителей св. Чашу и дискос.

В этот именно момент совершалась проскомидия, что и значит — приношение. Поминались тогда и приносившие. Остаток этого, то поминовение верных, которое совершается ныне на великом входе.

Это шествие священнослужителей со св. Чашей и с дискосом в торжестве и славе, оно говорит о том, о чем возвещают и молитвы и песнопения этого мига — о Христе, окруженном закрывающими свои лица ангелами, архангелами, херувимами и серафимами. Идущем заклаться и датимя в снедь верным.

Как там, накануне Своих страданий в Иудее, Он вступал в Иерусалим, и народ приветствовал Его своими восклицаниями, дети кричали Ему осанна, — так теперь Он идет для того, чтобы снова открылась Его Голгофа, и мы встречаем Его, склоняясь перед Ним и перед чудом наступающего мгновения.

Я закончу свою беседу мыслью, которую неоднократно высказывал с этого св. места.

Вот видим мы, видим все явно, своими очами, как слава Божия отступает, отходит от нас, скрывается в горних высотах. Мы видим, как умолкают один за другим алтари, и как в бесчисленном множестве храмов прекращается святое служение. И душа наша наполняется и страхом, и мучительной болью. Неужели же и для нас наступит мгновение, когда мы будем лишены возможности стать перед лицом святого возношения и «наслаждаться божественной литургией». Мысль об этом не может не ранить нашего сердца жгучей болью, потому что, может быть, нет ничего более страшного, более мучительного на земле, как именно это. И все же, если мы заглянем в глубину нашего сердца, всмотримся пристально в длинную вереницу мгновений, пережитых нами в храме, то мысль об этом отъятии от нас божественной славы исполнит нас ни ропотом против божественного приговора, ни томительным смущением перед его непонятностью, а только жгучим стыдом от сознания собственной вины и собственной ответственности.

«Прав Ты, Господи, и правы суды Твои...»

Если так совершалось и так совершается, если Он попускает то, что Он попускает, то не потому что, чтобы был Он жесток и немилосерд — да не будет — но потому, что мы этого достойны, мы так восхотели.

«Иже херувимы тайно образующе»... «Всякое ныне житейское отложи попечение»...

Пусть каждый вспомнит, пусть каждый наедине со своею совестью даст себе отчет в том, сколько раз слышал он эти слова, и сколько раз оставалась душа все в том же плену житейских попечений, липкой тины греховной немощи и не несла навстречу грядущему чуду, навстречу самому великому и самому святому из того, что было и будет, ничего кроме своего тупого равнодушия и бестрепетного безразличия.

Пусть каждый ответит и пусть тогда судится с Богом и скажет, кто виноват в нашей великой, в нашей безмерной скорби...

НАШИ ХРАМЫ

И. В. Попов, П. К. Раина

Церковь преп. Серафима Саровского

В северо-западной части нашего города, за зеленью Островов, среди кварталов Новой Деревни расположено основанное в начале этого века Серафимовское кладбище. В восточной части его стоит небольшая деревянная церковь во имя преподобного Серафима, Саровского Чудотворца.

От ворот кладбищенской ограды к ней ведет аллея, в конце которой расположена небольшая площадь, куда обращен своим главным фасадом Серафимовский храм. Над площадью и кронами деревьев возносится легкая двухъярусная колоколенка, звон колоколов с которой порой нарушает безмолвие и покой тихого кладбища, серебристые купола сияют крестами над храмом. Над входом в него помещен большой мозаичный образ преп. Серафима, молящегося на камне, по сторонам от образа — две другие мозаики, изображающие преподобного идущим в Дальнюю пустыньку и кормящим медведя.

С раннего утра и до вечера двери храма открыты, в полумраке ярко горят свечи и возносятся молитвы за живых и усопших, погребенных на кладбище сем. В воскресные и праздничные дни молящихся так много, что порой люди стоят на паперти церкви. Многие идут сюда послушать горячие и патристические проповеди настоятеля храма прот. Василия Ермакова, и каждый находит здесь участие и поддержку, добрый совет и помощь, облегчение своих душевных страданий.

Предыстория храма восходит к XVIII веку. В царствование Императрицы Елизаветы Петровны, в 1740-х годах, когда канцлер граф А. П. Бестужев-Рюмин построил себе на Каменном острове загородную резиденцию и перевел из малороссийских поместий необходимых для работ крепостных, они поселились на правом берегу Большой Невки, образовав Старую и Новую Деревни. В Новой Деревне в 1762 году была сооружена Благовещенская церковь¹, при которой в течение полутора веков существовало местное кладбище.

В конце прошлого столетия из-за возрастания населения в пригороде, причт храма решил расширить кладбище, но крестьяне Новой Деревни не захотели уступить землю для этой цели рядом с храмом. Пришлось ходатайствовать перед епархиальным начальством об открытии нового кладбища на церковной земле, к северу от Новой Деревни, за полотном Приморской железной дороги. Прежнее кладбище было для погребения закрыто и позднее исчезло.

В 1903 году из причта храма Благовещения и местных жителей была создана строительная комиссия, которая кроме устройства кладбища, приняла решение выстроить на нем церковь. Но только спустя два года, 2 января 1905 года, комиссия обратилась к Митрополиту С. Петербургскому и Ладожскому Антонию с просьбой об этом, предложив назвать храм именем недавно прославленного преп. Серафима, Саровского Чудотворца, а само кладбище именовать Серафимовским. План и смету на постройку деревянного храма составил известный епархиальный архитектор Н. Н. Никонов. Средства на сооружение церкви собирали как в приходском Благовещенском храме, среди прихожан, так и среди благотворителей.

В ходе строительства в проект были внесены изменения: вместо звонницы появилась колокольня, к северной стене алтаря сделана пристройка, и под церковью задуман склеп. После торгов строительные работы были сданы крестьянину Псковской губернии П. В. Васильеву.

Серафимовская церковь. Иконостас центрального придела.

25 июля 1906 года, с благословения Митрополита Антония, с крестным ходом из приходской церкви, была совершена закладка Серафимовского храма местным благочинным, настоятелем Спасо-Сенновской церкви прот. Н. А. Травинским, а 19 октября здание было уже окончено и сдано подрядчиком причту храма.

1 марта 1907 года на Серафимовском кладбище состоялось освящение новой церкви во имя преп. Серафима Саровского. Чин освящения и первую литургию в храме совершил протоиерей Н. А. Травинский. С этого дня храм никогда не закрывался, и поэтому его внутреннее убранство сохранилось нетронутым до нашего времени.

Серафимовская церковь — трехпрестольная. Центральный, главный придел храма освящен во имя преп. Серафима Саровского. Два малых придела, левый — во имя Покрова Божией Матери, правый — во имя мученицы Александры, устроены с таким расчетом, чтобы в них можно было свершать отпевания, не мешая службе в главном приделе.

Всем миром прихожане собирали не только средства на постройку храма, но и с заботой и любовью жертвовали на его благоустройство. Дубовый, прекрасный работы иконостас в главный придел пожертвовал купец А. А. Николаев, а одиннадцать образов, писанных на цинке в него же — М. Н. Колчин. Запрестольный образ явления Спасителя иеродиакону Серафиму, писанный художником Аннушкиным, был принесен в дар купцом Ф. М. Минаевым; деревянный запрестольный с живописью крест и бронзовый семисвечник — А. И. Шадриним. Со сводов купола спускается паникадило — это дар А. Д. Смирнова, подарившего также бронзовую дарохранительницу и богослужебные сосуды. Три дубовых престола пожертвовал А. В. Балявин, бархатные хоругви — С. М. Буров.

Большое серебряное вызолоченное Евангелие с рельефными изображениями Воскресения Христова, Евангелистов и Рождества Христова поднес храму А. И. Секунов, а напрестольный крест и малое Евангелие — А. Д. Шершова. Кроме того, были сделаны и многие другие, в том числе, денежные пожертвования.

Возле правого клироса главного придела находится главная святыня храма — образ преп. Серафима Саровского, с частицами его мощей, мантии и гроба, а также

камня, на котором он молился тысячу дней и ночей. Этот кусочек камня пожертвовали еще в Благовещенскую церковь уроженец села Дивеево Нижегородской губернии П. А. Иванов и его супруга, узнав о постройке храма в честь преподобного. Частичка этого же камня была подарена в храм Митрополитом Антонием (Мельниковым).

Слева от царских врат в резном киоте помещается образ Божией Матери «Умиление», список с келейного образа преп. Серафима, называвшего его также «Всех радостей радость». В правой части Серафимовского придела храма находится портрет преп. Серафима Саровского, написанный, возможно, еще при его жизни и подаренный на память и благословение Д. С. Богачеву, бывшим учеником старца Серафима, описавшим его житие, позднее игуменом Павло-Обнорского монастыря Вологодской епархии Иоасафом, впоследствии в схиме Серафимом. На портрете имеется надпись: «Изображение Блаженного и великого подвижника Саровского Серафима.», и ниже дата — «июня 18-го 1883 г. Прошу моих наследников хранить хоша в свертке. Д. Богачев». Видимо, наследниками Богачева это изображение было передано в храм в годы лютых гонений на Церковь.

За правым и левым клиросами главного придела, в замечательных резных киотах помещаются два прекрасных образа — Казанской Божией Матери и свт. Николая Чудотворца, пожертвованные в храм также супругами Ивановыми.

При входе в храм из притвора, слева в киоте помещается образ Смоленской Божией Матери, из древних, привезенный в Петербург при Императоре Петре Первом, смоленскими работными людьми, строившими новую столицу. Этот образ помещался ранее в Благовещенской церкви и по ее закрытии был перенесен в Серафимовский храм. По воспоминаниям старых прихожан храма в праздник Смоленской Божией Матери, после обедни по всем улицам Новой и Старой Деревни ходил крестный ход. «У многих домов ставили столы, на них — миски с водой, священник служил водосвятный молебен». Справа от входа в храм — замечательный образ Божией Матери Тихвинской. По соседству находятся иконы Божией Матери «Знамение» и «Всех скорбящих радости», свт. Николая Чудотворца примечательного письма, а также иконы новопрославленных святых — блаж. Ксении Петербургской и св. и прав. Иоанна Кронштадтского.

В Покровском приделе интересны иконы Божией Матери «Взыскание погибших» и свт. Николая Чудотворца, в Александринском, — хорошо исполненный образ Казанской Божией Матери, переданный по преданию из Казанского собора. Слева от царских врат главного придела, на столбе, укреплен мемориальный латунный доска с небольшим образом свт. Николая Чудотворца в память 136 солдат и офицеров 36-го Орловского пехотного полка, погибших с 6 по 23 октября 1914 года на реке Сан, с надписью: «Нет выше той любви, когда кто положит душу свою за друзей своих. Вечная память.»

В первые дни Великой Отечественной войны в Серафимовском храме по обычаю наших предков с колокольной были спущены колокола «под спуд». Были разобраны деревянные потолки и полы, вырыты глубокие ямы. У каждого колокола отнимался язык и осторожно, приняв все меры безопасности, подобно захоронению усопших, колокол укладывали в определенное место, а рядом его язык. И все это — с молитвой и

надеждой, что он, в день, известный только Богу, вновь будет пробуждать спящую совесть людей и напомнит о смысле жизни на земле.

Шла грозная война и долгая блокада... Утром, 27 января 1944 года, радость прорыва блокады собрала множество полуживых, но счастливых людей у Серафимовского храма. И, вдохновленные ею, они нашли в себе силы вновь разобрать все перекрытия, раздолбить мерзлую землю и установить колокола на положенное место. В этот же день, ровно в 16 часов, колокольный звон Серафимовской церкви соединился с благодарной молитвой ко Господу... И в то же время, по свидетельству очевидцев, в этом колокольном звоне многие слышали скорбную молитву — реквием о тех, кто больше уже не вернется никогда... Люди со слезами на глазах сменяли друг друга, и звон колоколов не умолкал многие сутки ни днем ни ночью.

В годы войны на Серафимовском кладбище были погребены 100 тысяч горожан, погибших в дни блокады. Как вспоминают очевидцы: «Взрывали траншеи и укладывали умерших в четыре ряда, и засыпали землей. Трупы блокадников складывали штабелями примерно от Школьной улицы до ворот кладбища, по обе стороны дороги был только проезд между этих штабелей. Идя в храм, приходилось в сумерках проходить по Серебрякову переулку; где лежит открытый гроб, где блокадник на саночках — просто не могли родные довести до кладбища...»

После войны, в 1957—65 гг. по проекту архитектора Я. Н. Лукина и группы скульпторов под руководством Р. К. Таурита на месте захоронения блокадников, справа от входа на Серафимовское кладбище был создан мемориальный ансамбль.

В настоящее время Серафимовское кладбище — одно из самых известных в городе. На нем, возле стен церкви похоронены: Архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин) (1900—1985), секретарь Митрополита Вениамина, профессор Л. Н. Парийский (1892—1972), первый настоятель Серафимовской церкви прот. Павел Пашский, прот. Владимир Лютик (1923—1981), также бывший настоятелем Серафимовского храма, известный художник Филонов (1883—1941) и его супруга Е. Н. Глебова-Филонова, актриса Г. Богданова-Чеснокова, актеры — П. П. Кадочников, К. И. Адашевский и другие известные деятели искусства, военачальники.

Напротив храма располагается усыпальница Синициных, выстроенная в 1910-х годах, не так давно переданная Серафимовскому храму. Внутри нее помещается Распятие.

В 1987 году по проекту выпускника Академии Художеств были изготовлены и помещены над входом в храм три мозаичных образа преп. Серафима Саровского.

Престольными праздниками в Серафимовской церкви являются дни:

2/15 января — преставление преп. Серафима Саровского,

19 июля (1 августа н. ст.) — обретение мощей и прославление преп. Серафима Саровского,

23 апреля (6 мая н. ст.) — мц. Царицы Александры,

1/14 октября — Покров Пресвятой Богородицы.

¹ Ныне в разрушенном состоянии со снесенной колокольной каменная Благовещенская церковь (1808—1809 гг., арх. В. О. Мочульский) сохраняется на набережной Большой Невки (современный адрес: Приморский проспект, 75). Кладбище при ней окончательно погибло в 1940-х годах.

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

Исповедник православия о. Николай Любомудров

**благочинный иерей села Лацкого Мологского уезда Ярославской губ.
Принял мученическую кончину 20 октября/2 ноября 1918 г.**

Николай Иванович Любомудров родился 11 апреля 1862 г. (в среду Светлой седмицы) в с. Юркино Пошехонского уезда Ярославской губ. в семье псаломщика. Николай был старшим среди шестерых детей Ивана Михайловича и Ольги Ивановны Любомудровых. Фамилия Ивана Михайловича первоначально была Суслонов, но, когда он поступил в духовное училище, начальник училища заменил ее на фамилию Любомудров, сочтя ее более подходящей для будущего церковнослужителя.

В 1877 г. Николай окончил Пошехонское духовное училище и поступил в Ярославскую Духовную Семинарию. В 1884 г. он окончил Семинарию по первому разряду, что давало право на поступление в Духовную Академию, однако для этого не было материальных возможностей: как старший сын, он должен был обеспечивать больную овдовевшую мать, младших братьев и сестер.

В 1884—1887 годах Николай служил псаломщиком в церкви Рождества Богородицы на Духовской улице в Ярославле.

2 февраля 1887 г. (В праздник Сретения) он обвенчался с дочерью священника с. Печелки Софьей Петровной Дьяконовой, учительницей школы для крестьянских детей в селе Абакумцево (основанной Н. А. Некрасовым). Ее брат, Александр Петрович Дьяконов, стал профессором Петербургской Духовной Академии.

Вскоре Николай Иванович был рукоположен в священники, и в начале марта 1887 года приехал в с. Лацкое Мологского уезда Ярославской губ., куда был назначен на службу и где прожил почти 32 года.

Лацкое было многолюдным торговым селом, находившимся на проезжем тракте. В селе имелась каменная церковь Вознесения Господня и деревянная кладбищенская церковь Казанской иконы Божией Матери. Большинство населения прихода составляли малоземельные крестьяне и торговцы.

Отец Николай стал подлинным духовным пастырем для своих прихожан. Вся его жизнь в Лацком была наполнена служением своей пастве, деятельной любовью к ближним, заботой об их духовных и материальных нуждах. Он развернул необычайно активную духовно-просветительскую работу, которая не ограничивалась церковной проповедью и преподаванием Закона Божьего в трехклассной земской школе. О. Николай создал в Лацком первую в округе библиотеку-читальню для крестьян (открылась в 1895 г.), в которой его усилиями были собраны книги духовно-нравственного содержания, русская классика, книги для детей, газеты и журналы.

Для того, чтобы укрепить нравственность народа, усилить борьбу за трезвость, повысить культуру и грамотность, привить интерес к рациональному ведению сельского хозяйства, о. Николай организовал публичные чтения литературы, иллюстрируя их диапозитивами при помощи проекционного устройства. Эти, так называемые, «народные чтения с туманными картинками» проводились по воскресеньям осенью и зимой в 1900—1915 годах; число присутствующих доходило до 600 человек. В качестве чтецов выступали сам о. Николай, его жена, дети, учителя местной школы. После чтений о. Николай беседовал с крестьянами. О. Николай вел журнал записей о каждом сеансе (хранится у его родственников), где отмечены чтения житий святых и других духовно-нравственных книг, классики, материалов по агрономии и медицине.

В проповедях, публичных чтениях о. Николай вел неустанную борьбу с пьянством. Сам с юных лет являясь абсолютным трезвенником, он решительно осуждал употребление алкоголя и курение.

На выделенных его семье 10 десятинах церковной земли о. Николай завел образцовое хозяйство, разбил яблоневый сад, пасеку. Он часто консультировал крестьян по вопросам плодородия земли, снабжал их высокосортными семенами зерновых культур, выписал из Америки несколько сельскохозяйственных машин на конной тяге, которыми также пользовались крестьяне.

Основным источником средств семьи о. Николая была обработка церковной земли. Сам с детства привыкший к крестьянскому труду, он и своих детей с юных лет приобщал к крестьянским работам и вообще много внимания уделял их нравственному воспитанию.

О. Николай отрицательно относился к существовавшей системе, когда плата прихожан за церковные требы непосредственно составляла доход священнослужителей и был сторонником постоянного государственного жалования для приходских священников. Он считал, что получать за церковные требы деньги с крестьян-бедняков — и унижительно, и безнравственно.

Именно это обстоятельство было одной из причин того, что своим детям о. Николай дал светское образование. Окончив гимназию (юноши) или епархиальное училище (девушки), все восемь детей о. Николая получили впоследствии высшее образование.

О. Николай очень любил музыку, самостоятельно научился играть на скрипке. Эта любовь помогла ему создать в Лацком слаженный церковный хор (к моменту его приезда в село хора там не было), в котором пели и все его дети.

В 1912 г. на съезде священников благочиния о. Николай был избран благочинным первого округа Мологского уезда Ярославской губернии.

Сын о. Николая Владимир так свидетельствует о личных качествах отца: о. Николай был всегда «бодр, энергичен и жизнерадостен... Принципиальный, требовательный к себе и другим, кристально честный, человеколюбивый, отзывчивый, он пользовался большим уважением у всех, кто его знал. Как церковнослужитель он был чтим верующими, и не только своего прихода... Бессребренность, отсутствие всякого ханжества, искренняя готовность всяческими средствами помочь людям, не говоря уже об общественной деятельности, создали ему широкую популярность. Он стеснялся этой популярности, даже боялся ее, так как хотел быть незаметным, обыкновенным человеком, смысл жизни которого — жить для людей.... Как всякий человек, он не лишен был недостатков, знал об этом и старался освободиться от них. Одним из этих недостатков в его характере была вспыльчивость, которую с исключительным тактом и спокойствием помогала ему преодолевать жена, Софья Петровна.»

В 1912 г. по случаю 50-летия со дня рождения и 25-летия пастырского служения в лацковском приходе о. Николай был награжден епархиальным архиереем наперстным крестом. Ходатайствовали о награждении и провели сбор денег на покупку золотого нагрудного креста прихожане. В этом же году по ходатайству Земской Управы о. Николай был награжден за просветительскую деятельность орденом Святой Анны третьей степени.

Жизненный путь о. Николая освящен благословением и молитвенной помощью двух великих российских святых, канонизированных недавно Русской Православной Церковью — св. Иоанна Кронштадтского и св. Патриарха Тихона. О. Николай высоко почитал приснопамятного протоиерея Иоанна Кронштадтского, по молитвам которого он, возможно, был исцелен от опасной болезни. В 1898 г. о. Николай тяжело заболел тифом. Жена, Софья Петровна, несмотря на то, что была беременна, отправилась в Петербург и просила молитвенной помощи у о. Иоанна. Помолившись, о. Иоанн сказал ей: «Супруг выздоровеет, а ребенок родится здоровым». О. Николай, действительно, вскоре поправился, а родившийся сын, Николай — единственный из оставшихся к настоящему времени (1990 г.) в живых детей о. Николая — ныне благополучно здравствует на 93 году жизни.

Отца Николая хорошо знал и ценил Архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон, будущий Патриарх Московский и Всея Руси. Объезжая приходы своей епархии в августе 1912 г., Ярославский владыка Тихон провел в гостях у о. Николая целый день, познакомился с его семьей, благословил детей.

Отдаваясь всецело пастырскому служению, о. Николай был далек от политики. Дошедшие в Ярославскую провинцию известия о революционных событиях 1917 г. он принял, по воспоминаниям детей, нейтрально, никак внешне не обнаруживая своего отношения к новым властям и порядкам, руководствуясь словами Св. Писания: «несть власти, аще не от Бога».

Перемены в жизни Лацкого становились, однако, все более ощутимыми. В связи с голодом из Петрограда и других городов в село приехало много новых людей; возвращались демобилизованные солдаты с

фронта и тыловики. Устойчивый сельский быт все более раскачивался, стали расти анархические настроения, начались пьянство, разгулы, убийства. В начале 1918 г. власть в волостном совете и на селе фактически захватила группа молодых людей из бедноты, демобилизованных солдат во главе с председателем волостного исполкома А. П. Городничевым (бывшим приказчиком галантерейного магазина в Петрограде), которые вскоре присвоили себе название «лацковской ячейки РКП (б)»; а позднее — и комитета бедноты. Поставив своей задачей борьбу с «мироедами, кулаками и попами», эта группа угрозами и запугиваниями терроризировала население. В ряде домов были проведены обыски в поисках укрытого хлеба, и первый, в крайне грубой и унижительной форме — у о. Николая, который был объявлен врагом революции, советской власти и крестьянства. Волисполком требовал отобрать у о. Николая землю, имущество, хлеб, доходя до прямых угроз расправиться с ним.

О. Николай был чрезвычайно возмущен незаконными, творившимися на селе группой Городничева, и жене приходилось постоянно его успокаивать и призывать к терпению.

Весной 1918 г. на пасхальные (весенние) каникулы к родителям в Лацкое приехали все дети. С особой торжественностью и проникновенностью проводились службы Страстной седмицы и Пасхи.

По настоянию детей о. Николай обратился с просьбой о переводе его в другой, более спокойный приход к заместителю епархиального архиерея архимандриту Иакову, но тот благословил о. Николая положиться на волю Божию, оставаться в своем приходе и не покидать вверенное ему духовное стадо и сказал: «Если убьют — примешь от Господа мученический венец».

В июле 1918 г. в Ярославле, Рыбинске и др. городах произошли эсеровские мятежи. Они не были поддержаны крестьянами и вскоре были подавлены.

5 сентября в ответ на эсеровские террористические акты советским правительством был объявлен «красный террор».

В октябре произошел ряд крестьянских восстаний в Ярославской губернии, одно из которых коснулось и села Лацкое.

По воспоминаниям очевидцев, утром 16 октября 1918 г. в Лацком неизвестные вооруженные люди собрали жителей села на площади, призвали их к борьбе с большевиками, и, сформировав ополчение из лацковцев, действуя угрозами и угрозами, повели их к ближайшей железнодорожной станции.

Матери, жены, сестры ушедших бросились к о. Николаю, слезно прося отслужить молебен о спасении ушедших и уведенных ополченцев.

Дочь отговаривала о. Николая от этого, но он счел своим христианским долгом, долгом пастыря выполнить просьбу женщин и отслужил молебен о здравии.

Отряд повстанцев двигался медленно. Пройдя около десяти верст, они попали под дождь, стали разбредаться, и к вечеру того же дня все лацковцы вернулись домой целыми и невредимыми.

Собравшиеся вскоре активисты-комбедовцы расценили молебен как открыто контрреволюционный акт и впоследствии оклеветали о. Николая, утверждая, что он служил молебен якобы «о даровании победы над советской властью».

На другой день стало известно, что в Лацковскую и соседние волости направляется карательный отряд красноармейцев (латышских стрелков), чтобы расправиться с организаторами и участниками восстания; дошли слухи о расстрелах нескольких священников в соседних приходах.

О. Николай оставался в это время дома один с 22-летней дочерью Ольгой и 13-летним сыном Владимиром; жена находилась у больной матери, но должна была вскоре вернуться в Лацкое. И дети, и близкие к о. Николаю крестьяне советовали ему на время скрыться, предлагали убежище: «Батюшка, пойди в любую избу, и будешь цел». Но о. Николай отвечал: «Я не совершал никаких преступлений и ничего не боюсь». Не считая себя виновным в чем-либо перед властью, не находя возможным оставить паству, и своим бегством дать повод к подозрениям, о. Николай решил всецело предаться воле Божией.

В эти дни, предчувствуя близкую кончину, о. Николай написал прощальное письмо жене и детям, в котором выражал любовь и признательность супруге за прожитые вместе годы и за помощь во всех делах, обращался к каждому из детей, говоря об их достоинствах и недостатках, давая советы на будущую жизнь; призывал всех к твердой вере и любви друг к другу и благословлял всех.

Получив утром 18 (или, по другим воспоминаниям, 19) октября телеграмму от жены, о. Николай немедленно поехал на станцию, чтобы встретить ее, но, прождав на вокзале целый день (поезда из Ярославля ходили нерегулярно), не встретил и поздно вечером вернулся домой.

Дочь Ольга свидетельствует, что ночью о. Николай в своей комнате молился, стоя на коленях перед иконами со свечой в руке.

20 октября 1918 года была Дмитриевская родительская суббота. О. Николай служил в Вознесенской церкви заупокойную литургию и панихиду.

Участь о. Николая была решена утром этого дня в разговоре командира прибывшего в Лацкое карательного отряда и членов волисполкома. В ответ на запрос, кого местный совет считает нужным предать казни, было предложено два человека: кузнец Д. Р. Воробьев, не сочувствовавший новым порядкам и волисполкому, и о. Николай. Однако члены исполкома пришли к выводу, что кузнец необходим селу, и было решено расстрелять только священника.

Военный комиссар и двое солдат с винтовками отправились в церковь.

В это время в Лацкое вернулась жена о. Николая Софья Петровна: приехав на железнодорожную станцию (Шестихино) ночью, ощущая тревожное предчувствие, она решила не дожидаться подводы и одна ночью прошла 16 верст до села пешком. Придя домой, она с дочерью Ольгой сразу же поспешила в церковь, на паперти которой увидела вооруженных солдат.

Народу в церкви было немного. О. Николай заканчивал панихиду у канонного столика. Обернувшись, увидел жену и сказал ей: «София, ты приехала...» Софья Петровна сказала ему: «За тобой пришли...»

Переоблачившись, о. Николай простился с женой, детьми, псаломщиком, благословил всех. Комиссар и солдаты повели его за село, сзади шли жена и дети. День был морозный, ярко светило солнце. Улицы были пустынные — очевидно, испуганные сельчане боялись вступить за любимого ими батюшку. Про-

ходя мимо Казанской церкви, о. Николай снял шапку и перекрестился. Солдаты приказали сопровождающим остаться на месте и повели о. Николая к капустному огороду, находившемуся на окраине села, недалеко от дома Любомудровых.

Несколько женщин, собиравших капустные листья (Мария Мосягина, Евгения Кутузова), увидев, как ведут о. Николая, спрятались в кустах и оказались свидетелями расстрела. По их рассказам, двое солдат привели о. Николая на бугор около откоса к реке Латке и стали заряжать ружья. Они потребовали повернуться спиной, но о. Николай, стоя к ним лицом, перекрестился и со словами «Господи, прими дух мой! Прости им: не ведают, что творят!» поднял руку и благословил их.

Раздались два выстрела, о. Николай упал. Солдаты подошли к нему, выстрелили еще раз, сорвали серебряный крест и, споря о том, кому он должен достаться, поспешили в дом священника, где в это время другие члены отряда производили грабеж.

Это произошло в половине второго дня 20 октября 1918 г. (по ст. стилю), в Дмитриевскую субботу, на память великомученика Артемия и праведного отрока Артемия Веркольского. О. Николай был расстрелян без допроса, без объявления приговора, с ним не говорил никто из местных властей.

Услышав выстрелы, жена, дети, несколько крестьян прибежали к месту казни. Земля под телом о. Николая пропиталась кровью, задняя часть черепа оказалась раздробленной. Жена, дочь опустились на колени, женщины причитали. Один из членов волисполкома громко произнес: «Собаке — собачья смерть!».

Тело о. Николая было перенесено на полотно в дом и положено на кушетку, которая вскоре насквозь пропиталась кровью. В доме все было перевернуто после разгрома, учиненного карателями. Под видом обыска они разграбили ценные вещи, одежду, музыкальные инструменты, серебряные ризы с икон.

В ответ на просьбу похоронить о. Николая по христианскому обычаю, на третий день, из волисполкома поступило распоряжение — погребсти о. Николая немедленно и без всяких обрядов. Один из крестьян предоставил готовый гроб, в который о. Николай был положен. Софья Петровна одела о. Николая в рясу, епитрахиль, скуфью, вложила в руки деревянный крест с Афона.

Проститься с о. Николаем пришли многие чтившие его лацковцы. Погребение происходило около полуночи, при свете факелов и тихом пении «Святой

Боже». Могила была вырыта около алтаря Казанской церкви на кладбище.

На следующий день, в воскресенье, приехал близкий друг о. Николая, о. Константин Ельниковский, и совершил заупокойную службу. Отпевание о. Николая, после настоятельных просьб Софьи Петровны к знакомым иереям, было совершено тремя священниками над его могилой только 19 апреля 1919 года.

С мученической кончины о. Николая началось долгое мученичество его супруги Софьи Петровны, которая претерпела множество унижений и издевательств как вдова расстрелянного священнослужителя. На пятый день после расстрела, в канун первой годовщины октябрьской революции ей пришлось персональное предписание из волисполкома вывесить красный флаг. Дети возмущались, но Софья Петровна призвала их «терпеть до конца», сшила из кофты флаг и вывесила его. Председатель волисполкома Городничев не переставал преследовать семью Любомудровых. 14 сентября 1919 г. по его доносу Софья Петровна была арестована Ярославской ЧК и провела два месяца в тюрьме, пока обвинение в «агитации против Советской власти» не было снято за отсутствием доказательств. Скончалась Софья Петровна восьмидесяти лет в 1951 году в Ленинграде.

Могила о. Николая сохранилась в с. Лацком (ныне Некоузского района Ярославской обл.). Она почиталась и до сих пор почитается местными верующими как могила святого мученика, ставшего молитвенником перед Богом, обстоятельства казни и похороны которого многими чертами напоминают предание на смерть и погребение Самого Спасителя.

О. Николай был расстрелян без суда и следствия, став одной из многочисленных жертв «красного террора» и ненависти малой кучки односельчан. Будучи далеким от политики, никогда не выступая открыто против советской власти (он повторял: «несть власти аще не от Бога»), о. Николай обличал те преступления и беззакония, которые происходили на его глазах в его селе, и все свои силы направлял на исполнение долга духовного пастыря и служителя Церкви Христовой. Поводом для его казни явилась молитва (молебен) о спасении своей паствы — проявление бесстрашной любви, подвигнувшей его к мученической кончине за други своя.

*Составлено из воспоминаний детей о. Николая
и записано его правнуком.*

май 1989 г.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ПОЧИВШИМ

Протоиерей Иоанн Преображенский

Протоиерей Иоанн Георгиевич Преображенский, один из старейших клириков Ленинградской епархии, скончался 29 января 1991 года.

Он родился 3 февраля 1915 года в г. Ораниенбауме в семье священника. С детских лет мечтал продолжить дело великого служения Богу своих родных предшественников, церковно и священнослужителей различного ранга, представителей трех «священнических» родов: Преображенских, Быстровых и Тихомировых. Не сразу удалось осуществить эту мечту из-за трудностей и лишений того времени — послереволюционного и военного. Великую Отече-

ственную войну от встретил студентом III курса Первого Медицинского института, а после его окончания Господь сподобил начать священнослужение в качестве диакона в Рижской Свято-Иоанновской церкви, затем с августа 1945 года — в Варлаамовской церкви г. Пскова, а с января 1946 года — в качестве священника и настоятеля указанной церкви.

Свое пастырское служение в 1946—48 годах отец Иоанн проходил во Пскове настоятелем Казанской церкви, и. о. настоятеля Свято-Троицкого собора, а также в должности и. о. благочинного Псковского округа. Резолюцией Высокопреосвященнейшего Григория (Чукова), Митрополита Ленинградского и Новгородского, отец Иоанн в июле 1948 года был переведен настоятелем Петропавловской церкви в городе Валдай Новгородской области, в которой, не считая вынужденного перерыва с 24 апреля 1953 года по 15 декабря 1955 года, прослужил по декабрь 1959 года. Длительное время о. Иоанн исполнял обязанности благочинного Боровического и Старорусского благочиннических округов Новгородской и Ленинградской епархий и за ревностное служение был удостоен церковных наград.

Его Высокопреосвященство Сергей, епископ Новгородский и Старорусский, писал в характеристике 1959 года, что «протоиерей Иоанн Преображенский — весьма умный и образованный пастырь, обладает административным опытом в церковной деятельности и любим паствой». Однако, несмотря на это, отцу Иоанну вновь пришлось испытать на себе «дыхание времени» и искать место в другой епархии — до января 1964 года он был настоятелем Сергиевской церкви в пос. Старая Вичуга и благочинным Вичугского округа Ивановской епархии.

С этого срока и до конца жизни пастырское служение отца Иоанна проходило в различных храмах Ленинграда и его пригородов: он был настоятелем Никольской Большеохтинской церкви Ленинграда, настоятелем Павловского собора г. Гатчины, штатным священником Николо-Богоявленского кафедрального собора и Свято-Троицкого собора Александро-Невской Лавры г. Ленинграда. Длительное время он был членом Епархиального Совета Ленинградской Митрополии, благочинным церквей III (Лужского) округа, был удостоен многих церковных наград — митры, права ношения двух крестов с украшениями и права служения Божественной литургии с открытыми царскими вратами до «Отче наш», некоторыми медалями и орденами Русской Православной Церкви.

15/2/ января 1991 года, в день памяти преп. Серафима Саровского, отец Иоанн совершил последнюю Божественную литургию в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры, у мощей преподобного. Спустя несколько дней, почувствовав себя плохо, о. Иоанн лег в больницу в г. Гатчине, где накануне кончины его исповедовал и причастил Святых Христовых Таин его сын, протоиерей Николай Преображенский.

1 февраля 1991 года чин отпевания в храме Покрова Божией Матери в Мариенбурге совершил архиепископ Никон (Фомичев) в сослужении кли-

риков епархии. Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II прислал телеграмму с выражением соболезнования наместнику Свято-Троицкого собора Александро-Невской Лавры, прихожанам, родным и близким почившего.

Погребен протоиерей Иоанн Преображенский за алтарем Покровского храма в Мариенбурге, неподалеку от его места жительства.

Господь да упокоит душу усопшего протоиерея Иоанна в селениях праведных. Вечная ему память!

Протоиерей Николай Преображенский

Иеродиакон Спиридон /Гнездилов/

31 января 1991 года после непродолжительной болезни в возрасте 30 лет скончался клирик Ленинградской (С. Петербургской) епархии иеродиакон Спиридон, служивший во Всехсвятской церкви г. Приозерска.

Иеродиакон Спиридон (в миру — Сергей Иванович Гнездилов) родился 5 февраля 1960 года в г.

Ашхабаде, в семье военнослужащего. В 1968 году вместе с семьей переезжает в г. Коканд Узбекской ССР. В 1972 году умирает его отец, и через четыре года вместе с матерью Сергей переезжает в Ленинград.

С детства Сергей рос добрым сыном Церкви, часто ходил в храм Божий. Наставницей его в духовной жизни была мать, Мария Кондратьевна, глубоко верующий человек, имевшая на Сергея очень большое духовное влияние. Ею он воспитывался в вере и благочестии, много ездил по святым русским местам, монастырям.

Научившись ремеслу столяра, Сергей два года до призыва на действительную военную службу трудился по специальности. По возвращении из армии с 1981 по 1984 год работает в трамвайном парке водителем трамвая, а затем ревизором безопасности движения. Однако душа его желала служения Господу, и в октябре 1985 года он был принят на работу в Ленинградскую Духовную Академию и Семинарию в качестве сторожа, а спустя два года поступил туда студентом.

С 5 февраля 1990 года он командирован Митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием в Свято-Троицкую церковь «Кулич и Пасха» для исполнения обязанностей псаломщика. В Великую Среду, 11 апреля 1990 года, в храме св. Евангелиста Иоанна Богослова при Ленинградской Духовной Академии и Семинарии Митрополит Алексей совершил его монашеский постриг с наречением имени Спиридон и командировал его псаломщиком во Всехсвятскую церковь г. Приозерска.

27 мая 1990 года Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (ныне — Святейший Патриарх Московский и Всея Руси) за Божественной литургией в Николо-Богоявленском Кафедральном соборе совершил рукоположение о. Спиридона во иеродиакона.

За годы учебы в Ленинградской Духовной Семинарии и служения в храме Божиим о. Спиридон зарекомендовал себя как ревностный и усидчивый ученик. Все поручавшееся ему делал он с желанием и готовностью, прилежно относился к службе, был истинно церковным человеком, имевшим молитвенное рвение и чувство смирения.

1 февраля 1991 года о. Спиридон был похоронен на Православном Волковом кладбище в Ленинграде.

Да упокоит Всемилостивый Бог душу новопреставленного иеродиакона Спиридона в селениях праведных! Вечная ему память.

И. В. Попов

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Рассказы о святом праведном отце Иоанне Кронштадтском

1.

Лет пятьдесят тому назад довелось мне служить с неким Сергеем Петровичем М-вым, сыном Киевского уездного предводителя дворянства. Родители предназначили его к военной карьере, и он был юнкером Киевского военного училища. Как вдруг с ним произошла какая-то драма, разрешить которую, по мнению его товарищей, можно было только кровью. Но поединки были запрещены, юнкерам тем более, и потому остановили на «американской» дуэли. Противники тянули жребий, и вытянувший фатальный билетик обязан был в течение двадцати четырех часов застрелиться.

С. П-чу не посчастливилось, жребий покончить с собой достался ему, и он в тот же вечер, придя домой и воспользовавшись отлучкой отца, пустил себе пулю в грудь, оставив на столе обычную записку с просьбой «в его смерти никого не винить».

Лучшие хирурги Киева все были подняты на ноги; делалось все, чтобы спасти молодую жизнь; но раненый несколько суток был без сознания и, в конце концов, доктора должны были признать свое бессилие и заявить, что надежды на выздоровление нет никакой.

Кто-то посоветовал матери умирающего послать телеграмму о. Иоанну Кронштадтскому с просьбой помолиться о рабе Божиим Сергии. Как утопающий за соломинку ухватилась бедная мать за эту последнюю надежду, и в Кронштадт в тот же вечер полетела срочная телеграмма со срочным уплотненным ответом, который не заставил себя долго ждать. Утром пришла коротенькая депеша: «Господь простит. Молюсь. Протоиерей Иоанн Сергиев».

А на рассвете еще до получения ответа, раненый открыл глаза и попросил пить; затем слабым голосом произнес: «а где же священник?». Окружающие подумали, что он хочет священника, чтобы исповедаться и приобщиться. Послали за духовником семьи о. Михаилом. Раненый встретил его довольно недоуменно, но ничего не сказал, исповедывался и принял Св. Тайны. Но лишь священник вышел в соседнюю комнату, как С. П. подозвал мать и сказал ей:

«Зачем вы позвали о. Михаила? Я хотел того, что был у меня ночью».

Мать сначала думала, что он бредит. Но, нет: взгляд был чист и голос, хотя слаб, но звучал уверенно. Тогда она совсем растерялась и пошла за советом к о. Михаилу. Тот знал о посланной телеграмме и сразу догадался: «Спросите его, каков из себя был приходивший к нему священник?».

С. П. не задумываясь ответил: «среднего роста, не полный, русые волосы, небольшая бородка, ясные голубые глаза... и такой ласковый, ласковый»...

О. Михаил, который, к слову сказать, был брюнет, высокого роста и довольно тучный, усмехнулся и сказал: «Вот погодите, я вам пришлю карточку о. Иоанна, она у меня есть, покажите ее Сереже».

И, действительно, когда С. П. увидел портрет, то тотчас обрадованно воскликнул: «Ну, да, это он, он! Попросите его еще придти ко мне», и очень был огорчен, когда ему осторожно объяснили, что о. Иоанн «был проездом, но что он обещал молиться о его выздоровлении».

Портрет о. Иоанна С. П. просил разрешения оставить у себя и поставил у своего изголовья. С этого дня выздоровление, к немалому удивлению пользовавшихся хирургов, быстро пошло вперед.

Познакомился я с Сергеем Петровичем через несколько лет после этого случая. Видел глубокие шрамы от входного отверстия на груди и от выходного на спине, и невольно удивлялся, как он мог выжить от такого ранения. Конечно, о военной карьере ему уже и думать было нечего; вот почему судьба и столкнула нас обоих на одной из далеких окраин Матушки России.

А портрет батюшки о. Иоанна Кронштадтского Сергей Петрович всегда хранил при себе.

2.

Однажды известный в свое время в Петербурге драматический актер Д., любимец публики, вращавшийся в кругах нашей передовой интеллигенции и

Отец Иоанн Кронштадтский с сестрами.

сам считавший себя «передовым» человеком, незнакомым предубеждений, навещил своего приятеля, тоже актера, и застал его крайне взволнованного. Оказалось, что к хозяевам дома, квартира которых была этажом ниже, приехал батюшка о. Иоанн Кронштадтский — помолиться у постели больной хозяйки дома.

«Ну, так в чем же дело?» — спросил приезжий актер приятеля, «ты-то чего волнуешься?» — «Да, видишь-ли», ответил тот: «я получил разрешение спуститься к ним и отстоять молебен». Не хочешь-ли пойти со мной вместе? — «Отчего-же, с удовольствием, любопытно взглянуть на Кронштадтского священника. Уж очень много о нем говорят, а я не имел случая его повидать».

Пошли. Народу набралось до отказа. Протискаться вперед не удалось, и оба приятеля застряли в передней: но через головы присутствующих было видно, как в третьей комнате от них молился о. Иоанн. Его порывистые движения и властные возгласы производили необычное впечатление на собравшихся. Все истово молилось, некоторые женщины плакали.

Во время службы приезжий актер наклонился к приятелю и сказал ему на ухо: «Да, служит он не обыденно, по-своему. Да, только... тоже, наверное, как и мы, грешные, комедию ломает». Приятель сердито от него отмахнулся и зашипел: «Тише... что ты говоришь». Не встретив сочувствия у своего друга, актер замолчал и без дальнейших замечаний простоял до конца.

Отслужив молебен, благословив больную и утешив ее, батюшка направился к выходу. Все подходило к нему под благословение, и каждого он осенял широким крестом.

В передней подошли к нему и оба приятеля-актера. Благословив первого, батюшка поднял руку, чтобы осенить крестным знаменем второго, и вдруг остановился. Он посмотрел ему прямо в глаза и громко спросил: «Ну, что же? а комедию-то ты, все таки дослушал?».

Можете себе представить смущение «передового» человека. Он готов был прямо провалиться на месте. Но милый батюшка, видя его стыд и растерянность, сжалился над ним. Он ободряюще потрепал его по плечу и, улыбнувшись промолвил: «Ну, ничего! Господь с тобой! Сердце-то у тебя хорошее». — Что опять было правдой, потому что Д. славился своей добротой.

О. Иоанн Кронштадтский давно уже уехал, а приятели все никак не могли придти в себя.

С тех пор с Д. произошла глубокая перемена. Он стал серьезно относиться к вопросам религии и вскоре сделался верующим человеком.

3.

В ста верстах от Тифлиса, на крутых отрогах Холдных гор, являющихся ответвлением Главного Кавказского хребта, на манер орлиного гнезда, расположился небольшой кахетинский городок, где жила моя семья. В то время Закавказье пересекала лишь одна железнодорожная магистраль от Батума до Баку, и Кахетия была связана с Тифлисом шоссейной дорогой, по которой ездили либо «на перекладных», либо «на долгих», либо в почтовых дилижансах. Последним способом чаще всего пользовался мой отец, когда ему приходилось ездить в нашу «град столицу» по службе или затем, чтобы отвезти нас,

детей, в учебные заведения, в которых мы проходили курс. В одну из таких поездок, на промежуточной станции, свободное место в нашем отделении занял священник-грузин. Как водится в дороге, вскоре завязалась беседа, и отец мой осведомился, зачем он едет в Тифлис.

«Да, вот еду повидать батюшку о. Иоанна Кронштадтского. Услышал о его путешествии по Кавказу и узнал, что он пробудет с неделю, а то и более, в Тифлисе. Не могу упустить такого случая вновь повидать моего благодетеля», — отвечал священник.

Признаться, в те годы я, хотя и слышал, быть может, дома имя о. Иоанна, но по своему малолетству не обращал особого внимания на разговоры старших и теперь, в дороге, впервые с интересом выслушал безхитростный рассказ, поразивший и взволновавший мое детское воображение настолько, что я до сих пор не могу забыть его.

«Несколько лет тому назад», — рассказывал отцу наш случайный попутчик: «привелось мне поехать в Санкт-Петербург. Сын мой окончил в Тифлисе семинарию одним из первых и в духовную академию не пожелал, а решил держать конкурсный экзамен в Технологический Институт. Захотелось и мне хоть раз в жизни побывать в столице: вот и поехали мы, старый да малый, из нашего медвежьего угла в современный Вавилон. Сначала все было ладно: экзамен сын выдержал, в конкурс попал и был принят в Институт. Я осмотрел все достопримечательности и со спокойным сердцем собирался во свояси: оставалось только внести за правоучение сына и снабдить его соответствующей суммой на обустройство и прожитие, пока не смогу ему выслать из дому новое подкрепление.

Так, вот, тут-то и начались мои мучения. Жили мы с сыном в скромной комнатке студенческих меблирашек в районе Забалканского проспекта. Деньги я держал на дне чемодана, старого, но солидного, с надежным замком. А денег на всю эту историю, включая и мое возвращение к родным пенатам, надо было рублей около пятисот, и берег я их, как зеницу ока. Можете себе представить мое удивление, испуг и горечь, когда, открыв чемодан дней за пять до моего предполагаемого отъезда, денег этих я не нашел. Пропали, из запертого чемодана, пропали... Хозяин меблированных комнат в ужас пришел, сам в полицию заявил, прислугу допрашивал, обыски делали... Все напрасно. Не иначе, как «специалисты» дело это обработали.

А положение мое было отчаянное. В Петербурге знакомых ни души. Доехать до дому не на что, да и сына оставить без гроша в чужом городе тоже нельзя. Бегал в Консисторию, в Святейший Синод, нигде сочувствия не встретил. Да, может быть, и не верили мне... Совсем я пал духом.

Пошел в Казанский собор. Помолился Владычице. Поплакал. Наведался еще раз в Синод. А там чиновник один, дай Бог ему здоровья, и говорит: «Вы, батюшка, напрасно к нам ходите. Ничего вы тут не получите. Вашему делу, если кто поможет, так это только один протоиерей Иоанн Сергиев». — «Какой такой?» — спрашиваю. «Ах, да, вы ведь, не здешний, не слыхали еще о нем», — отвечает: «Это настоятель Андреевского собора в Кронштадте. Поезжайте к нему, он, наверное, не откажет вам в своей помощи».

Ухватился я за этот совет, как утопающий за соломинку. В тот-же вечер поехал в Кронштадт, пошел

в собор к ранней обедне. Собор огромный. Народу видимо-невидимо. Стал в уголке, на сердце кошки скребут. Вышел о. Иоанн на амвон такой благодостный, светлый. И в соборе сразу точно светлее стало. Ушел он за Царские врата, смотрю, служба идет и прямо ко мне: «Пожалуйте, батюшка, в алтарь. О. настоятель вас просит». Меня даже в жар бросило. Пришел я в алтарь, о. Иоанн меня встретил, ласково так, и после обычного приветствия просит меня сослужить ему: «Сослужи мне», — говорит, «отец Ражден». Понимаете, так и говорит, отец Ражден, прямо по имени..., а ведь имя-то такое..., грузинское... в русских-то святцах его не всегда найдешь..., а он сразу, внятно так: «отец Ражден» (Ражден — святой Грузинской церкви, память его 3-го августа). Я чуть сознания не лишился, так это меня поразило. Но, однако, спросить его не решился. Вижу, святой он... Ну, пошел в ризницу, облачился... и служил с ним, и ничего не думал, и о деле своем забыл...

Только потом уже после обедни, когда повел меня батюшка показывать свой странноприимный дом, где он обходил больных, благословлял, ободрял, молился над некоторыми, оделял кое-кого деньгами, — мелькнула у меня мысль: «как же я скажу ему о своем горе?»... и не решался я... да и некогда было, по правде сказать, батюшку-то рвали прямо на части...

Наконец, кончил он обход: собрались мы уходить оттуда, а в передней навстречу нам какой-то грузный мужчина, купец, должно быть, увидел батюшку, навстречу нам, бух ему в ноги: «Спасибо», — кричит, «отец родной, выздоровела-то дочь моя, выздоровела, все профессора диву дались»... Отец Иоанн его поднимает, а он ему конверт сует: «Вот вам, батюшка, на добрые дела...».

И что-же вы думаете? Батюшка взял, повернулся ко мне, улыбнулся, да и говорит: «Отец Ражден, а это я думаю, вам сейчас нужнее, чем мне», и передает мне

тот конверт. А мужчина-то, как закричит «Батюшка, что вы делаете, ведь там пятьсот рублей, я ж на добрые дела»... Отец Иоанн строго посмотрел на него и твердо так говорит: «Ну, да, на добрые дела. А почему-ж ты думаешь, что они даны не на доброе дело?». Мужчина смешался..., а я свое состояние и передать вам не могу... совсем в забвение чувств пришел... Только и очнулся от батюшкиных слов: «Ну, пойдите ко мне, отец Ражден, чаю напьемся».

«Нет, он — святой», убежденно закончил рассказчик: «Провидец. И по имени назвал... и не о чем не спрашивал... и сумма ровно та, что нужна была... Как же мне было усидеть теперь в деревне и не повидавать его еще раз, не поблагодарить? Ведь сын-то мой давно инженер, в Юзовке служит»...

Таков был первый рассказ об отце Иоанне Кронштадтском, слышанный мною в детстве.

4.

О. Иоанн довольно часто посещал купеческое семейство С. на Васильевском острове. В этом же доме жили три молодых человека из учащихся, нередко подтрунивавших над непонятной им популярностью о. Иоанна, собирающего толпу везде, где он только появлялся. Однажды им пришла мысль «посмеяться» над целебной силой молитв Кронштадтского пастыря, и они придумали такой фокус. К-ий, самый бойкий юноша, отправился в семейство С. убедительно просить о. Иоанна, когда он будет у них, заехать к его умирающему товарищу. С-в прикинется тяжело больным, а М-н изобразит плачущего брата у постели умирающего. Сказано — сделано. О. Иоанн выслушал просьбу К-го, посмотрел на него и сказал:

— Я никогда не отказываю в молитве и зайду к вам, но помните, что вы шутите с Богом!..

К-й сконфузился, но все-таки, настаивая на просьбе, уверял, что товарищ при смерти.

Кронштадт. Дом отца Иоанна Кронштадтского.

— Хорошо, я сейчас буду.

Не прошло и 10 минут, как у дверей квартиры молодых людей раздался звонок. С-в юркнул в постель, покрываясь одеялом, и начал слабо стонать, М-н, опустился на колени у изголовья мнимо-больного, а К-ий бросился отворять двери.

— Где ваш больной? — отрывисто спросил пастырь, делая ударение на «ваш».

— Пожалуйста, батюшка, пожалуйста, — засуетился К-ий и повел гостя в смежную комнату.

Больной продолжал стонать, а М-н всхлипывал.

О. Иоанн остановился посреди комнаты и глазами искал образ. Иконы в комнате не оказалось. Тогда он опустился на колени посреди комнаты и, перекрестившись, начал молиться...

— Господи, пошли им по вере их... — Аминь!

Отец Иоанн быстро поднялся и, не прощаясь, направился к выходу. К-ий, М-н побежали его провожать до лестницы...

С громким смехом возвратились они в комнату больного.

— Ваня, Ваня, вставай, — отец Иоанн уехал...

— Да вставай же, полно притворяться, ведь он уехал...

Увы! несчастный не притворялся. Он лежал в полном параличе: язык, руки, ноги — все отнялось, и только усиленное моргание глаз показывало, что юноша жив и хочет что-то сказать.

Столбняк ужаса нашел на шутников. Они не понимали, что кругом происходит, и когда пришли в себя, переглянулись и горько заплакали над «живым трупом».

— Ваня, Ваня, над Богом мы хотели смеяться... прости, прости нас...

Послали за докторами. Три опытных врача провели всю ночь у постели больного и констатировали такой паралич, который излечивается годами, если только излечивается.

— Вероятно, страшное горе поразило вашего товарища: вся его нервная система разбита, — говорили врачи.

Молодые люди только рыдали, не решаясь рассказать врачам истину.

С первым же поездом на утро оба шутника поехали в Кронштадт. О. Иоанн не мог их принять до вечера, и когда ему доложили о молодых людях, он выслал им сказать, что ничего для них сделать не в состоянии. М-н и К-ий всю ночь продежурили у серенького домика, и, когда поутру о. Иоанн появился, бросились ему в ноги, умоляя простить их.

Добрый пастырь поднял юношей и велел им идти в церковь. Так, после литургии, он отвел их к иконе св. Николая Чудотворца, и здесь около двух часов длилось наставление. Почтенный пастырь, начал с указания на неприличие их поступка, на то, что они не имеют права шутить с людьми старше их, и затем перешел к изложению евангельского учения.

— Теперь помолимся, — сказал о. Иоанн, когда наставление было кончено.

Нечего и говорить, что молодые люди никогда еще так не молились, как в эту минуту. Св. икона чудотворца казалась им живым ликом сначала грозным, а потом все более и более милосердным.

— Поезжайте с Богом и Его славословите.

У юношей точно гора свалилась с плеч. Они чувствовали непонятную для них радость: душа их ликовала, и все окружающее казалось им в каком-то радужном свете. Товарищи приехали домой к вечеру. Им отворил дверь С-в.

— Ваня, ты ли это? Ты здоров! бросились к нему друзья.

— Почти здоров. Голова только тяжела и какая-то усталость во всем теле...

Оказалось, что в тот именно час, когда в Кронштадте о. Иоанн молился с юношами у иконы св. Николая чудотворца, С-в приподнялся и постепенно к нему стала возвращаться возможность владеть онемевшими членами. Первая ожила правая рука, и первым движением ее было крестное знамение.

Едва ли надо прибавлять, что молодым людям не приходило уже в голову шутить над вопросами веры и религии.

Иоанновский монастырь. Усыпальница св. прав. о. Иоанна Кронштадтского.

Идеалы христианской жизни

ВЕРА И ПУТИ К ВЕРЕ

В начале века этого автора прекрасно знала вся читающая православная Россия, так как он печатался в самых распространенных журналах душеполезного чтения и во многих общероссийских газетах. Его книги и сборники выходили большими тиражами и не залеживались в магазинах, ими зачитывались люди разного положения и уровня образования. Сегодня имя Е. Поселянина знают лишь интересующиеся историей духовной словесности, имеющие к тому же доступ в крупные книгохранилища, где его произведения еще уцелели. Неизвестно, где, в какой братской могиле погребен этот видный православный писатель и церковный деятель, расстрелянный в начале февраля 1931 года по делу т. н. «двадцатки Преображенского собора» в Ленинграде.

Жизнь Евгения Николаевича Погожева (Поселянин — его литературный псевдоним) протекала поначалу в Москве, благочестивой и хлебосольной, столь красочно и любовно описанной Шмелевым в «Лете Господнем». Родившись в 1870 году в дворянской семье, он провел юность в Москве и учился в местном университете в благословенные годы царствования Александра III, которому посвятил одну из первых своих статей, сочиненную в 19 лет.

Еще будучи студентом, Поселянин побывал в Оптиной пустыни, стал духовным сыном великого старца Амвросия и навсегда всей душой прилепился к обители, посвятив впоследствии ей и ее подвижникам много душевных страниц. «Оптина поразила меня сразу. Я был охвачен этим ясно выраженным в ней духом монашества, радостно изумлен». Писал Поселянин также и о других подвижниках благочестия, живших в разных местах в 18—19 вв. и почитаемых в народе; он собрал о них богатейший материал во время своих многочисленных паломничеств по монастырям и святыням, объединив его в три толстых тома. Порой он пересказывал уже известные жизнеописания, порой рассказывал лично услышанное на местах. Рассказывал простым и живым языком, лишенным литературного блеска, но исполненным подлинного благоговения.

Поселянин был талантливым апологетом и прирожденным популяризатором, который старался в своих многочисленных журнальных очерках и статьях познакомить современного человека, у которого не хватало времени на «Четы-Минеи», с житиями древних пустынников («Пустыня», 1907), святых отроков («Святая юность», 1915) и святых воинов («Сказание о святых вождях Земли Русской», 1900). Немало страниц посвятил писатель русской церковной истории, чтимым иконам и святыням на Святой Руси («Святыни Земли Русской», 1899; «Герои и подвижники лихолетья XVII века», 1912), стремясь укрепить в русских людях любовь к своим славным православным традициям. Никто, пожалуй, не сделал

так много в этом отношении в те времена, как Поселянин.

Он был высокообразованным человеком, дружил с философами П. Е. Астафьевым и К. Н. Леонтьевым, оставив о последнем краткие воспоминания, живо интересовался изящной словесностью (уже на первом курсе написал статью о А. Майкове) и искусством (очень ценил В. Васнецова), владел несколькими иностранными языками, встречался со многими известными современниками, т. е. принадлежал к элите русской интеллигенции. И как православный христианин, с детства почувствовал великую силу веры, молитвы и Церкви, Поселянин с горечью писал о состоянии громадного большинства этой интеллигенции: «Сколько книг, сколько органов печати, где все из области религии широко подводится под презренную кличку «суеверий»... сплошной почти пример безверия «интеллигенции»...»

Лучшие произведения Поселянина, собранные в несколько сборников, вышедших в последнее десятилетие перед русской катастрофой, были посвящены его размышлениям об истинах веры и опыте жизни в Церкви, наблюдениям над религиозными идеалами нашего народа и их претворению в истории, а также психологической апологетике Православия. В них множество интересных проникновений, тонких замечаний, выразительных сравнений, но главным остается благочестивая душа самого автора. Хотя Поселянин испытывал влияние западного богословия и социальных идей, он, благодаря своей страстной любви к «отечественной вере», родному Православию и его святым, благодаря тому, что видел, как верит русский человек, сумел на своем журналистском уровне запечатлеть то благочестие, которое, несмотря на свои изъязы и отклонения, выглядит сегодня далеким и прекрасным образцом.

С конца прошлого века Поселянин трудился в нашем городе, жил на Литейной стороне, отдыхал в Шувалове. Во время мировой войны он писал в газетах о подвигах русских солдат, продолжая активно сотрудничать в православных изданиях. Октябрь 1917 обозначил резкий перелом в жизни популярного литератора — книги и статьи его печатать было больше негде. Пока не удалось выяснить, что делал Поселянин последние пятнадцать лет своей жизни до трагического февраля 1931 года. Ясно только одно — он по-прежнему продолжал жить жизнью Церкви, которой, как верный ее сын, посвятил столько труда.

Несомненно, вскоре наступит время, когда лучшие произведения Поселянина будут переизданы после долгого забвения, ибо в них нуждается и современный читатель. И пусть предлагаемая публикация станет первым шагом в этом необходимом деле.

В. Антонов

Глава I

ДУША — ХРИСТИАНКА *

В области всех высших движений человеческого духа мы встречаемся с одним ярким явлением — прирожденною способностью известных людей к какой-нибудь особой деятельности духа.

Что, повидимому, сложнее, отвлеченнее, недоступнее для ребенка, как мир звуков, гармонии — музыка.

Между тем — встречаются постоянно дети, которые в еще бессознательные годы как-то невольно тянутся к звукам, точно отыскивают в мире таящуюся в нем гармонию.

Разве слышна она в мире? Разве природа сама по себе дает слышать людям те изумительные сочетания звуков, какие великие музыканты улавливают откуда-то внутренним таинственным слухом своим, и облачают в ту красоту, которая потом веками трогает, утешает, восхищает людей?

Кто научил, кто объяснил в заброшенной глуши, хотя и богатой помещичьей усадьбе, какому-нибудь неповоротливому ребенку, Глинке, будущему создателю русской национальной музыки, что есть известные сочетания звуков, которые погружают душу в какое-то счастливое созерцание, дают ей то прилив бодрости, веселья, то навевают сладкую грусть, то дают радостное предчувствие, то вызывают картины далекого и милого прошлого.

Ребенок и говорить еще не умеет. Но он уже чувствует какое-то волшебство звуков. Звон металлической посуды привлекает его внимание с той же полнотой, как пленяет внимание другого, обыкновенного ребенка, вид блестящих каких-нибудь золотых часов, которые он схватит на чьей-нибудь груди и не желает выпустить из рук.

В окно ворвется песня крестьянок, возвращающихся в село из лугов, с покоса — и маленький дичок весь насторожился. Он живо ловит новые для него и, в то же время, словно знакомые ему звуки.

Он слов еще не знает, а звуки понимает, и они говорят ему. А позже он сам заговорит такими звуками, которые примет, полюбит, поймет вся его родная страна, потому что в этих звуках выражена будет народная душа.

Мне пришлось слышать маленького замечательного скрипача, венгерца Франца Вечая. Этот восьми-девятилетний мальчик в первых годах нашего века восхищал весь музыкальный Петербург и Москву.

В жизни своей в то время он был общительным, живым, шумливым ребенком. Он с радостью играл с детьми своих лет и моложе. Когда на одном концерте одно лицо исключительно высокого положения подарило ему превосходную замысловатую игрушку — паровоз с вагонами, ходивший по рельсам: родители боялись, что вторая часть концерта пропадет: так мальчик был увлечен новой игрушкой.

С ним обходились настолько по-детски, что его приносили на концерт на руках, из гостиницы, находившейся против той залы Дворянского Собрания, где он играл. Зима была холодная; его обертывали в большую мужскую шубу и переносили на руках через улицу.

Одним словом, это был настоящий ребенок, не испытывавший в жизни ничего ни тяжелого, ни сложного, что могло бы сильно толкнуть вперед его душевное развитие, дать внутреннему миру его ту зрелость, какую дает напряженное страдание даже детям.

И вот однако, когда этот ребенок брал свою скрипку и начинал играть: вы слышали пред собой игру взрослого человека.

В игре его изумительна была не одна техника. Замечательно было то выражение, какое он придавал звукам, лившимся из-под смычка.

Под этой детской рукой струны то плакали горькими слезами о чем-то нужном для жизни, кровном и милом, безвозвратно ушедшем; то слышался тихий шепот затаенной, робкой, ушедшей в себя любви; то дышали гордым торжеством, упоением покоя; то рвались крики страсти; то одинокая душа грезилась золотыми смелыми грезами, то грустили над изменчивостью и непрочностью жизни и счастья.

Перед вами стоял ребенок со скрипкой в слабых руках. И в этих детских руках, еле её державших, скрипка пела о всем разнообразии человеческого горя и радости, о всей шире людского бытия, вскрывала все тайники бездонной и неохватной души человеческой.

Откуда бралось все это у беззаботного веселого ребенка, который за какой-нибудь час перед тем шумно резвился с такими же, как он детьми, — они отличались от него только тем, что на них не легла эта особая печать...

Это была душа музыканта, помимо всякого земного опыта несшая миру в звуках разом все то, о чем звуки вообще могут рассказать и рассказывают человечеству.

И как и почему эта душа вместила в себе богатство звуков и широко открывала это богатство миру: не изъяснить и не понять.

Согласиться ли со светлым видением, которое Лермонтов в юности своей низвел на землю, — думать, что душа, несомая в мир ангелом, прельстилась гармонией его песни и на земле старалась уловить, а потом и сама создать ту же гармонию?

Но в нем дышало что-то помимо него, высшее его самого и ему недоступное, и чрез него открывалось людям.

В великолепном рассказе (в одной исторической хронике Островского) Козьма Минин восклицает великолепные слова:

Сегодня мной владеет Бог...

И как часто эти слова можно приложить ко многим случаям жизни, когда человек чувствует себя, действительно, в чьей-то чудной высшей власти, когда им, действительно, владеет Бог...

Владеет Бог и музыкантом, который уже с колыбели слышит недосказанные другим людям мелодии, — те самые мелодии, которые он потом принесет в мир и которые будут напоминать людям об их вечной отчизне и поддерживать в них святую тоску по небу.

Владеет Бог и тем будущим художником, который, бедный деревенский мальчик, чертит куском угля на

* Сохраняется орфография автора.

белой стене с изумительной верностью поражающие его вещи — прежде чем научиться держать в руке кисть и творить те полотна, на которые веками потом будут дивиться люди.

И, если, мы уверены, что Бог владеет душою человеческою в этих её проявлениях, как же, с еще большею несомненностью, не думать, что, тем более, владеет Бог душою человеческою со стороны её религиозных постижений...

Душа инстинктивно чувствует Бога, часто тоскует по Нему и всегда готова повернуться к Нему, как подсолнечник поворачивает свой крупный цветок к солнцу.

Это неопровержимая истина, которая чрезвычайно облегчает религиозную пропаганду.

Именно, этой истиной — неутомимой религиозной жаждой души объясняется то, как человек, только что гнавший религию, или издевавшийся над нею, вдруг становится её защитником и навсегда преклоняет перед нею колени.

Жажда религиозной истины может томить и такую душу, которая, повидимому, или совершенно не склонна к религии или стоит в своих стремлениях на совершенно ложном пути.

Вспомнить великого учителя вселенной, в столь пламенной, столь убедительной, столь покоряющей проповеди пронесшего по тогдашнему миру весть о Христе и Его заветах: первоверховного Павла...

Он гнал Христа — гнал Его не так, как гнали бы Его и презирали бы Его гонители всякой религии, — только потому, что она есть религия; он гнал Христа, потому что Христос казался Ему врагом религии, которую он тогда исповедывал и которой служил...

И вот по пути в Дамаск слышит он зов:

— Савл, Савл, зачем ты гонишь Меня!

Быть может образ Богочеловека, о Котором он, столь близко принимавший к сердцу религиозные вопросы, не мог не слышать, — этот образ втайне уже покорил Савла, и он уже боролся внутри себя с этой начавшейся для него чудной и необъяснимой властью.

И тогда этот зов стал для него поражением в нем ветхого человека и рождением в нем христианина. Так — с пути религиозного, но ложного, стал Савл на путь религии истинной.

А вот другой пример: рождения веры в человеке, который повидимому, был совершенно лишен каких бы то ни было религиозных переживаний.

В царствование императора Александра Николаевича был приставлен к церковным делам князь Александр Николаевич Голицын.

С детства он был близко знаком Государю, будучи его сверстником и товарищем. Но по всему строю его жизни никак нельзя было в нем предположить убежденного защитника веры. Назначению его к церковным делам удивлялись.

Как-то пришлось ему где-то отстаивать церковные интересы, и кто-то ему заметил: — Странно слышать эти речи от вас, равнодушного к учению церкви.

— Нет, — воскликнул тогда князь; я верю всему, как учит церковь!

И точно в ту минуту сошла на него вера, и больше никогда не покидала его.

До какой степени душа — христианка по самому существу своему, доказывает ещё следующий случай, в свое время занесенный в повременную печать.

Дочь известного русского эмигранта и писателя Герцена, жившего в Лондоне, была воспитана совер-

шенно вне церкви и не имела понятия о православном богослужении.

Ей было уже лет четырнадцать, когда проездом через Париж, ей случилось зайти в русскую православную церковь. Она входила в православную церковь в первый раз в жизни. И то, что она там увидела, почувствовала — её потрясло.

Очевидно, душа её была особенно восприимчива к впечатлениям религиозным. А тут вся полнота этих впечатлений, к которым другие дети православных семей привыкали исподволь, нахлынула на неё разом. И то, что она тут пережила, было так значительно, так сложно, так сильно, что организм её не выдержал такого напора мыслей и чувств: она зарыдала и упала в истерике.

Знаменитое поэтическое создание немецкого всемирного гения Гёте, Миньона, прекрасно передает смутные мечты ребёнка, похищенного во младенчестве цыганами, — о далекой прекрасной отчизне.

Такая же Миньона — душа всякого из нас. Даже далекая от Бога душа томится по Богу и жаждет Его: жаждет потому что, нося в себе масштаб бесконечности, только на Бесконечном может успокоиться...

Даже самая острота ненависти ко Христу иных людей показывает их веру.

Вот, теперь французское правительство борется со Христом, как боролся с Ним некогда Иулиан Богоотступник.

В этой борьбе есть какое-то безумие и бешенство злобы.

Желают изъять имя Христа из уст граждан, охранить слух детей от звуков этого имени, воспитывать вне всякого религиозного воздействия. Армия шпионов следит за служащими людьми, не порывающими с церковью, и офицер, который посещает храм и приступает к таинствам, попадает на дурной счет, и служебное движение его замедляется.

Не то же ли было тогда, когда Иулиан Отступник посылал в изгнание христиан, всячески издевался над христианством, завалил храм гроба Господня и другие святыни Иерусалима, чтобы истребить на земле все следы Христовой жизни. Но против одного следа пришествия Христова был он бессилён: против следа, оставленного Христом в сердцах человеческих.

И, если казалось из всех действий Иулиана, что он не признает Христа, это могло казаться только человеку близорукому.

И та власть, которую имел над Иулианом преследуемый им Христос, выразилась в предсмертном его восклицании, которое является одним из самых торжественных исповеданий, вылетавших когда-либо из уст людей гибнущих за Христа и которое было теперь тем более знаменательно, что являлось последним признанием человека, посветившего всю свою жизнь на ненависть ко Христу:

— Ты победил, Галилеянин!

Христа Иулиан считал страшным призраком, который надо отогнать от человечества... Теперь же Христос вставал пред ним во всей своей реальности, во всей несомненности Своей вечной власти и Своей неприходящей победы и над ним, над Иулианом.

Ожесточенная борьба кончилась торжественным признанием побежденного...

Мог ли с мертвым так страстно бороться Иулиан!.. Жизненность власти Христа над миром, это чудотворное слово, через ничтожных рыбаков проникавшее в глубь семей, к недоступным тайникам семейных

очагов, в ряды непоколебимого римского войска, к скамьям сенаторов, гордым сановникам и в самые дворцы цезарей и склонившее, наконец, к ногам Христа равноапостольного Константина, — постоянно жгла и мучала Иулиана.

Христа не признавать нельзя. Можно с Ним бороться или Ему поклониться. Но чувствует Его всякая душа.

И сколько среди нас, в нашей обыденщине, таких Иулианов, которые кричат о своем неверии и своим беспокойным отношением ко Христу только доказывают, какую власть имеет над их душою Этот, отрицаемый ими Христос.

Если я считал Магомета ложным пророком, я говорю о нем спокойно, потому что для меня Магомет — величина не существующая, не имеющая для меня ровно никакого значения. Я могу его поклонников, учеников его ложного учения, жалеть. — Но могу ли относиться к самому Магомету с проклятием, или с ненавистью к заблуждающимся его ученикам?

Я просто прохожу мимо них, как мимо людей совершенно мне чуждых по духу.

Но посмотрите на другого невера.

С каким жаром станет он говорить вам против Христа и христианства, каким горит он чувством злобы и ненависти...

Мечта, обман?.. Но отчего же эта самая мечта, если это только одна мечта, так его тревожит...

Нет! Его ненависть — это только обратная сторона той любви, которую возбуждает к Себе Христос в других людях... Это только любовь мучительная и мучающая, вместо той, чтоб давать счастье и покой.

Замечали ли вы в земных отношениях проявления глубокой ненависти лиц к тем людям, к которым их тянет, но которые не идут на сближение с ними?

Бывает также, что человек чем-нибудь страстно восхищается, но видит, как предмет его восхищения от него далек и для него не доступен, и из-за этой недоступности начинает его ненавидеть.

Так же приблизительно бывает у некоторого разряда людей относительно Бога...

Божество стоит перед ними несомненной реальностью. А они, ослепленные этой несомненностью, чувствуя Его, но не постигая Его, а по своему складу стремящиеся всё себе объяснить и всё, так сказать, ощупать руками, — раздражаются и, неспособные признать и преклониться, в то же время — неспособные, по крайней мере, наедине с собою, не на людях — неспособные отрицать, — страдая от этой двойственности, начинают ненавидеть источник своего страдания.

Душе нашей необходимы известные экстазы. Душе нашей необходимо найти что-нибудь бесконечно высокое, совершенное, верховное, чтоб перед этим преклониться. И мудр и счастлив тот, кто в этой жажде находит Божество, и Ему отдает весь жар нерастранных восторгов, все удивление и всю любовь свежей непорочной души.

А есть люди, отворачивающиеся от Бога из гордости, и становящиеся добровольными рабами других людей.

Я раз слышал спор двух молодых людей, одинаково талантливых и искренних и с сочувствием относящихся друг к другу.

Один был человек свободный, потому что был верующий, и в вере находил полное удовлетворение всем душевным запросам. Другой был неверующий,

и гордился своим неверием. С этой мнимой своей высоты он строго судил другого.

— Удивляюсь, говорил он, такому характеру, как ваш, который нуждается в том, чтоб создать себе какого-нибудь идола и бултыхаться перед ним на колени... Прямо, унижительное состояние!.. Не могу спокойно думать о таком раболепстве.

— А я думаю, — отвечал другой, что тот, кто дорожит именем «раб Божий», тот самый свободный в мире человек... Он в полноте чувств подчинил себя великому Божеству, и в Нем нашел свободу от тех земных мелочей и земных уз, в которых бьется человек, вами называемый свободным, а попросту раболепствующий перед миром, когда мнил освободиться от Божества.

И это было правда... Тот, кто называл себя свободным, потому что не служил Богу, был, на самом деле, совершенно заверченный миром и опутанный разными узами человек.

— Поймите нелепость вашего отрицания Бога, говорил другой: — неужели разумный человек может утверждать, что мир произошел и поддерживается в своей стройности без единой объединяющей творческой и промыслительной мысли? И ваше отрицание Бога также бессмысленно и странно, как если бы вы стали «отрицать» ваших родителей. Вы от них произошли. Ведь вы можете говорить все, что угодно. Но ваш отец — есть ваш отец, а ваша мать есть ваша мать...

— А Бог!.. Говоря против Него, вы вдыхаете в себя Его воздух; звуками вашего голоса и всяким вашим движением вы осуществляете жизнь, которую вложил в вас Он... Для отрицания Его вы напрягаете ту мысль, которую пробудил в вас Он... Одним словом, отрицая Бога, вы совершенно подобны тому человеку, который, ныряя в волны моря, кричал бы, что он не знает, что такое море, что он этого моря никогда не видел и не чувствовал...

Ведь мы купаемся в море того, что Богом задумано, создано и нам вручено; вокруг нас непрерываемая цепь Божьих благодетелей; и мы вдруг пускаемся отрицать!.. — Но откуда тогда это ожесточение и злоба!.. В этом ожесточении слышна тогда мучающая этих людей борьба против самих себя.

Они внутренним чувством, тем прозорливым внутренним взором, которым мы воспринимаем все самое важное в жизни — этим чувством они ясно чувствуют Бога, и это же чувство говорит им о том, что человек Богу обязан, и как неблагородно ничем Богу за все не воздавать.

А гордость ума и какая-то ошибочно понимаемая свобода мешает им склониться перед Христом, припасть к Его кресту... Они «отрицают» угрюмо, подзадоривая самих себя, и вместе с тем, в то же время, опасно на себя оглядываясь.

Да, в душе нашей есть что-то влекущее нас к Богу какою-то бессознательною силою.

Как подсолнечник так уж создан, что поворачивает к солнцу свою шапку, так и душа наша поворачивается к Богу, — и иногда в те именно дни, когда мы этого всего менее ожидаем.

И тогда вдруг становится ей понятным то, что было до того непонятным. И слезы умиления сменяют собою ожесточенную сухость.

Христос, Христос, к Тебе влекутся сердца, которые бы хотели Тебя ненавидеть. И на Тебя оглядываются те, которые бы хотели Тебя забыть.

Среди общей смены, общей гибели и крушения, один неподвижно стоит Твой образ. И над ним горит двумя звездами, непостижимо слитыми в одну, Твоя незаходимая слава Божества и мученичества.

К жалящему тернию Твоего венца жадно тянутся люди, распаленные страшною и священной грёзой пить с Тобой Твою муку.

И преследуемый, осмеянный, вновь и вновь заушаемый и отрицаемый — один, один Ты владеешь веками: не как мечта, созданная человечеством, а как единая действительность, воплотившая свою мечту творчества и жертвы.

Мудрецы жаждали детской в Тебе веры, цари оставляли престолы, чтоб обнимать Твои сочащиеся кровью ноги и замирать в верности Тебе, смотря на безмолвие Твоей крестной муки.

И так стоишь Ты, веруемый и теми, кто Тебя отрицает, чаемый и теми, кто от Тебя отвернулся — вечный, непоколебимый, неустранимый.

Глава II

ОБЛАСТЬ ВЕРЫ. ЕЯ СУЖЕНИЕ И РАСШИРЕНИЕ

В общежитии, когда говорят о вере и о религии, имеют обыкновенно в виду только одну ограниченную часть жизни.

Область веры подразумевают тогда, когда говорят о церковных таинствах, о храмах, иконах, мощах, богослужениях, говении, молебнах: панихидах. Но многие ли дают себе отчет в том, что вера должна проникать всю решительно жизнь человека, — все его интересы, мысли, поступки, надежды, мечты и расчеты.

К религии истинно религиозного человека можно приложить слова, сказанные одним поэтом любимой и далекой женщине:

Везде и всегда ты со мною:
Ты со мной невидимка в мечтах,
В размышленьи, в радости, в скуке,
В дуновеньи весны и в цветах,
И в звезде на ночных небесах,
В аромате и свете и звуке...

Вот, когда первые христиане из язычества обращались ко Христу, они ведь не всегда уходили в пещеры, к аскетическим подвигам, в отшельничество. Не все из них также гибли на аренах. Многие оставались жить в миру, не прерывая своих прежних занятий. Сколько, например, известно великих святых, которые до своего крещения служили в войсках и, обратившись ко Христу, продолжали быть воинами, служа честно прежнему своему делу и отказываясь от повиновения только тогда, когда их принуждали отречься от Христа...

И Иоанн Креститель, когда к нему приходил креститься народ с исповедыванием грехов своих, — не отрывал народ от прежнего его быта, не приказывал бросать своих прежних занятий, но старался вносить новую струю благообразия, мира, доброты и добросовестности в эти занятия людей грубых и темных, но не лишенных светлых стремлений, что доказывалось уже самым их приходом к иорданскому пророку.

И наученный им воин помнил, что он не должен обижать беззащитных жителей, мытарь — сборщик податей — помнил, что он не должен брать больше положенного... Новое что-то и лучшее входило в жизнь этих людей и незаметно ее преобразовывало.

Повидимому, какое христианству дело до того, что я купец, и каково может быть воздействие христианства на меня в моем купеческом деле?

Воздействие может быть громадно: и воздействие как по приемам, которые внесет в дело моя христианская совесть, так и по целям, которые будет преследовать моя торговля.

Истинный христианин, например, никогда не позволит торговать себе таким товаром, который вредит людям, как бы этот товар не был прибылен для купца.

В последние годы, например, многие получали крупные барыши от издания соблазнительных книг и таких же картинок.

По развращенности своей, люди жадно бросаются на такого рода издания, которые непременно склоняют их к соответствующим действиям. Попадая в руки юношества, порою еще чистого, эти проклятые книги и картинки возбуждают в них нечистые пожелания и бывают причиною их падений.

Так неужели же возможно, чтобы верующий человек решился на такое прибыльное и легкое, но предосудительное, занятие?

Есть очень много занятий, которые ведут к верному и скорому обогащению, но о которых христианин даже страшится думать.

Будет ли, например, христианин, который по тому уже самому является народолюбцем, — будет ли он, например, содержать кабак, зная, какое развращающее влияние имеет кабак на всю округу повсеместно, и особенно, вследствие слабости русского характера, подрывая народный труд, семью, благосостояние населения, вызывая разорения, преступления? Кабатчик, можно сказать, пьет кровь народную — и этой крови христианин пить не будет.

Только полное недомыслие или, хуже всего, постыднейшее из лицемерий — лицемерие пред самим собой и преступная неискренность пред Богом: только эти прискорбные явления могут объяснить то, что находятся люди, считающие себя верующими и разглагольствующие о высоких предметах и, вместе с тем, в своих имениях занимающиеся перегонкой хлеба в спирт, превращаемый в водку, в волнах которой тонет и гибнет сила великого русского племени.

Мне пришлось видеть обратное: как христианская совесть заставила владелицу одного крупного имения, женщину умную и направляющую свою жизнь по Евангелию, заставить закрыть подобное заведение, давно существовавшее в имении.

В этом имении изстари работал пивной завод. За аренду его платилась хорошая сумма, представлявшая собою самый верный источник дохода. Как известно, пиво гораздо менее опасно для здоровья и для благосостояния населения, чем водка.

Но владелица имения вообще старалась об улучшении условий жизни окрестного крестьянства. В этих целях она завела церковное общество трезвости, устроила около церкви дом для чтения крестьянам с показыванием теневых картинок, украшала местные церкви, поддерживала школы...

И, как женщина умная и искренняя, она поняла, что нахождение в ее имении завода идет вразрез с ее

деятельностью для крестьянства. Она не стала успокаивать себя, как сделали бы другие, всякими натянутыми рассуждениями: что все равно — кто бы вино не выделявал: нужное количество его будет пьяницами выпито, и, если не у нея в имении, то у кого-нибудь другого выгонит это пиво этот самый арендатор завода, так что она, причиняя себе ущерб, не отнимает ни от чьих уст ни одной кружки этого довольно невинного напитка.

Она скорее решила пойти на убытки, чем заглушать тихий голос совести, советовавший ей прикончить это дело. И она прикончила.

Далее, христианин никогда не позволит себе вносить в свою торговлю тех сомнительных приемов, на которых у некоторых торговцев вертится весь расчет: надуть в известной местности товаром дурного качества, но «показанным лицом» наибольшее количество народу, и затем перебраться в другое место для той же плутни.

Будет ли христианин набирать товару или денег в долг с затаенною, но ему самому заведомою целью, не заплатить и объявить себя несостоятельным должником, припрятав деньги и переведя имущество на жену?

А, ведь, многие богатели такими мнимыми банкротствами, причем бывали случаи, что человек намеренно банкротился два-три раза, присваивая или, вернее сказать, ворюя доверенные ему деньги, причиняя расстройство дел у доверившихся ему лиц,— быть может, пуская некоторых по миру.

И потом, как ни в чем ни бывало, эти люди гордо жертвовали часть награбленных ими денег на храмы, как будто эта цена народной крови и народного несчастья могла быть угодной Богу!

Может ли христианин заниматься ростовщицеством, наживаясь на несчастьях или пороках людей, выдавая им такие суммы, которые страшным ростом в несколько лет увеличиваются в несколько раз?

Таким образом, вот пример того, какую чистоту внесет христианство в главное занятие, которому посвятил себя человек.

Насколько можно во всякое занятие вносить струю христианства, мы поймем, если только вспомним обращение с нами хотя бы разных лиц, с которыми мы сталкиваемся по делам.

В железнодорожной кассе на наш вопрос нам отвечают нетерпеливо, грубо: тут у этих людей в отправлении их служебных обязанностей нет и тени христианского настроения.

Нас сочувственно выслушивают, дают все нужные указания, предлагают такие удобные поезда, о которых мы и не знали: это человек христианского настроения.

А начальник в отношении своих подчиненных; если он ко всем равен, смотрит на усердие и знание людей, а не на заискивания пред собой, никогда не покривит душой и из-за личной выгоды не предаст казенного интереса — это христианское поведение.

Насколько может далеко идти христианская заботливость о своих подчиненных, вот тому пример.

Один господин, управлявший казенным местом, представил к награде одного из мелких чиновников. Он его еле знал, но непосредственный его начальник свидетельствовал о его усердии.

Представление не было уважено. Тогда управляющий объявил, что или его подчиненного наградят или он уходит в отставку, так как не потерпит, чтоб

достойного человека лишали награды. Управляющим дорожили, и потому дело уладилось.

Из всех приведенных примеров ясно, насколько широко применение веры к жизни, как во всяком деле своим человек всегда может отдать себе отчет, со Христом ли он в этом деле или нет.

И вот, почему области жизни, освящаемые верою, гораздо шире, чем принято думать.

Напрасно полагают, что только храм и обряды религиозные составляют область жизни, освещаемую верою.

Все, что в быту человеческом достойно и чисто: все то благословляется Богом.

Если я добрый православный, и исполняю тщательно все церковные предписания, для меня этого еще мало.

Мне мало того, что с Богом на молитве, с Богом в храме, что я с Богом в те минуты, когда надо мной совершаются таинства Церкви.

Я хочу, чтоб в моей жизни не оставалось ни одной минуты, когда бы я не чувствовал и не сознавал себя с Богом.

Для меня было бы обидою и горем, если б меня стали уверять, что я только тогда с Богом, когда исполняю свои чисто религиозные обязанности, а все остальные часы моего существования принадлежат только миру.

Нет, я хочу знать, что Бог при мне, и я в Нем, когда я занимаюсь главным жизненным делом своим.

Вот, если я чернорабочий, и занимаюсь, положим, мощением улицы,— я в то самое время, как сижу у груды камней и разбиваю молотком камни, зажимая их между ногами, обутыми в лапти и обернутыми под лаптями в толстые портянки: в это самое время я служу Богу, совершаю дело Богоугодное.

Во-первых, я исполняю заповедь, данную Богом Адаму при изгнании его из рая «в поте лица твоего ты будешь есть хлеб» — и зарабатываю этот хлеб, действительно, в поте лица. Труд мой тяжел, а оплачивается скудно. Труд мой опасен. Я сижу на припеке солнца, глядя на светлые, раскаленные камни, и, при слабости головы, меня может поразить солнечный удар. При раздроблении камней молотком, осколок легко может попасть мне в глаз, причиняя глазу по моему невежеству и по неумению найтись в беде и скорее хорошенько промыть его — значительную болезнь. Спина больно ноет у меня, когда я, разогнувшись после нескольких часов этой скучной однообразной работы, подымусь на ноги, и ноги еле держат меня.

Но я работаю и не ропщу. Я утешаю себя в работе мыслию, что Господу угодно было дать мне именно этот, а не какой-нибудь другой удел в жизни.

Я подкрепляю еще себя мыслию, что другие сидят голодные, вовсе не находя работы, которую мне послал Бог.

Наконец, если я семейный, то я, прокармливая своих детей трудом своим, из-за них не доедая, исполняя тем заповедь Божию «раститесь и множитесь, населяя землю».

И поэтому все время работы моей я буду считать проведением времени не менее религиозным, как если бы проводил это время в молитве.

Я молюсь Богу трудом моим.

Еще большее религиозное значение приобретает мой труд тогда, когда он не только кормит меня, но и заключает сам в себе высокую цель.

Если я учу юношество добру, вселяю в него ясность знаний и благородство понятий, то разве всякая минута моего труда не будет в то же время и служением Богу?

Или, если я избрал себе трудное и высокое звание врача, и, подвергая свою жизнь опасности заразы, помогаю больным, бесстрашно еду на борьбу с какою-нибудь эпидемией, где есть много вероятий заразиться мне самому и погибнуть: разве тогда всяким дыханием своим во всякую минуту врачебной деятельности моей, я не служу всеми силами моими Богу, воплощая на деле величайший из заветов Христовых: «больше сея любви никтоже имеет, да кто душу свою положит за други своя».

Некоторые люди, строгие приверженцы буквы закона, могут сказать: всякое доброе дело религиозно только тогда, когда оно и творится на религиозной основе. Поэтому всякое хорошее дело только религиозно, когда оно совершается во имя Христа.

Тут предстоит разобраться в очень важном вопросе о том, как можно, с именем Христа на устах, быть во всем врагом Христовым и, как, стоя, повидимому, далеко от Христа, дышать Христовым духом, жить заветами Христовыми.

Представим себе двух людей, из которых один считает себя верующим и выказывает себя таким; другой же никогда ничего не говорит о вере, и его считают не верующим.

Но в чем у первого выражается вовне его вера?

Он посещает богослужения, преимущественно в тех храмах, где можно видеть службу торжественную, благолепную, богато обставленную, послушать хороших певчих, голосистых диаконов.

Вернувшись домой после такой службы, где он, в сущности, только услаждал свое зрение и слух, он весь преисполняется гордости, что он, мол, такой усердный до Бога человек. Точно так же, с тем же самодовольством, он исполняет совне религиозные обязанности: вяло пересказывает духовнику на исповеди какие-нибудь мелкие грешки, умалчивая о преступлении своей гордости, жестокости, тщеславия, самолюбия и строгого осуждения людей; с холодным сердцем приступает к святой Чаше, и, опять-таки, кичится тем, что, вот, он такой замечательный христианин.

И в ожидании смертного часа своего он точно так же исполнит все положенно: примет соборование маслом и причастится. И, может быть, над гробом его, в храме, будет сказано о нем похвальное слово: о том, какой это был примерный «сын церкви», и какое назидание можно почерпнуть из его жизни.

А на деле, это был никому не нужный и нравственно ничтожный человек. Он на своем веку не подошел близко ни к одной человеческой душе, никому не стал дорог, нужен, необходим. Он не только не страдал горем людей, но тщательно отвертывался там, где от него ждали участия, и резко отказывал тем, кто его о чем-либо просил.

Это был человек, который приближался к Богу только устами своими, и устами чтил Его. Сердце его далеко отстояло от Бога, и тщетно было почитание его.

Он не сделал главного, что Господь поставил при знаком близости к Нему: он не творил волю Божию, не любил людей и не приносил себя в жертву им.

Когда пред ним люди утопали в море житейском, и довольно было протянуть им руку, чтобы спасти их: он не двигал пальцем, и к скудным жертвам, которые

Преподобный Серафим Саровский Чудотворец.

он скрепя сердце — более из тщеславия, чем из сердечного расположения, — делал для храмов, можно приложить слова: «Милости хочу, а не жертвы».

И, если спросить: да в чем он разнится от язычника, который прожил, исполняя внешние обязанности своей религии, и никогда ничего не слышал об учении Христа — на этот вопрос можно ответить лишь: «Этот человек в жизни своей ничем не разнился от такого язычника. Благодать Христа ничем на нем не отразилась. На нем не видно было печати Христовой, — Он только совне принадлежал Христову стаду, совсем непричастный его духу».

Теперь, как противоположность только что описанному человеку, возьмем человека, во всем ему противоположного.

Пусть это будет пылкий молодой человек, весь поглощенный внешним миром, и еще сам не уяснивший себе своих религиозных верований.

Он слишком прямодушен, чтобы исполнять, религиозные обряды, когда в душе его нет соответствующего религиозного чувства, а поэтому он не приступает к этим обрядам.

Но в нем кипят горячие благородные чувства, порывы к добру, возмущение всякой несправедливостью и всяким злом, которое он пред собою видит.

Для него увидеть кого-нибудь в горе — значит пожалеть этого человека, а пожалеть для него —

значит помочь. И он от скудных средств, которые еле дают ему существовать, готов оторвать «лишнее», самому не быть вполне сытым, чтоб поделиться с другим человеком, который совсем голоден.

Даже не сознавая, как прекрасно его поведение, — он, может быть, своим трудом содержит старую мать или учащихся братьев и сестер... Наступает какое-нибудь общественное бедствие, которое задевает чувствительные струны его души, например, сильная эпидемия, и он бросается на помощь, забывая себя.

Весело напевая, далекий от мысли корчить из себя героя, он, точно делая самое простое, обыкновенное и незначительное дело, отправляется туда, где царствует ужас и смерть, где неумоимо косит свою жатву смерть, и в борьбе с нею погибает.

И вот, теперь спросим себя: кто по духу ближе Христу, кто полнее исполнил Его завет: тот ли человек, у которого для человечества был в груди немой и холодный камень, которого никакие развертывающиеся пред ним горя человеческие, никакие громкие стоны не могли вывести из неподвижного равнодушия и который поставил себе в жизни одного идола, себя самого, и этому идолу служил, хотя часто имел на устах имя Христово и внешне казался в общении со Христом?.. Или человек, который не злоупотреблял именем Христовым и казался совне далеким от Христа, но на деле до крайних последствий и до лучезарного конца довел то, чему учил Христос?

Ведь корень познается по дереву. Корень жизни первого — чисто языческий, корень жизни второго — христианский; и первый дышал язычеством, второй — Христовым духом.

Ведь — не тот мой, кто на словах распространяется о любви ко мне, а на деле действует во всем совершенно противоположно моей воле. Мой тот, кто настойчиво творит самую дорогую и близкую мне дела. И Христу близок не тот, кто пустосвятно твердит на людях, — быть может, наедине и не упоминаемое им никогда — имя «Христос, Христос» и ничего не делает из заветов Христовых; а дорог тот, кто молча, не ожидая и не требуя себе за то небесной награды, как нечто простое и естественное, с горящим сердцем и веселым видом соблюдает величайшую заповедь любви...

Нельзя не задуматься над словами Христа о том, что спросится с нас, главным образом, на страшном суде.

Тогда Господь Христос скажет:

— Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царствие, уготованное вам от сложения мира. Ибо Я алкал, и вы дали Мне есть, жаждал, и вы напоили Меня, наг был, и вы одели Меня, болен и в темнице, и вы также посетили Меня.

И они спросят:

— Господи, когда мы видели Тебя алчущим, и накормили Тебя, жаждущим и напоили Тебя, нагим, и одели Тебя, больным или в темнице, и послужили Тебе?

И скажет им:

— Так как вы сделали это для одного из братьев Моих меньших, то для Меня сделали.

Итак, из этого следует, что Христос принимает всякое добро, оказанное человеку другим человеком, так, как будто это добро было оказано непосредственно Ему Самому, причем даже не сказано тут, чтоб это добро должно было быть сделано во имя Христово: просто только сделано.

Равным образом, отсутствие любви к ближнему, проявленное человеком в воздержании от деятельной помощи ближним, — принимается Христом, как преступное равнодушие к Нему Самому, как измена и отречение от Него Самого.

И выходит, что первый, с лицемерным образом своего благочестия, был изменником Христу. Вторым, со своей кажущейся далекостью от Него, был Христов верный раб и работник.

«Дух дышет идеже хошет», часто бессознательно для самого человека, и чудом Божией мудрости и промысления, человек, считающий себя неверующим, прославляет Бога делами, которые внушает ему Бог, и он покорно слушает внушения этого тайного гласа Божественного...

Мало размышляющие и грубые люди не понимают также, какое могучее орудие для прославления Себя людьми — и не только для душевного возвышения их, но и для привлечения их к Себе, Господь избрал в том искусстве, произведения которого являюся часто громчайшими и славнейшими органами Божьей славы, тем высочайшим и бессмертным языком, каким душа человеческая поет Богу свою заветную песню.

Кто стоял в той тихой обособленной комнате дрезденской картинной галереи, где хранится величайшее произведение кисти Рафаэля, — Сикстинская Мадонна, кто робко и с восторгом, как человек, без прав на то залетевший в небо, всматривался в это небесное явление, в это торжество материнства и девства на лице Пречистой, в это изумительное искусство, которое дало возможность Рафаэлю изобразить Богоматерь так, словно Она не стоит пред нами, а тихо-торжественно-величаво движется на облаках, кто созерцал на высоком челе Ея и сияние непорочности и ту высокую ясность мысли, с которой Она несет миру Младенца Христа, кто трепетал пред этим величием взора Младенца, в котором чудным образом невинности и беспечная радость детства сочетались с творческим величием и вдумчивостью; кто видел этого святого Сикста и великомученицу в радости безмолвного созерцания и упоения тою невыразимой святыней, которой они предстоят; кому сияли эти два херувима с мечтательностью во взорах, с проникающим их блаженством бесплотных духов: тот понимает, как высоко может подбросить душу в надземные области истинное искусство.

Редко кто входит в эту одинокую обособленную комнату, где стоит эта великая картина: редко кто входит наскоро и недолго в ней остается.

Еще только приближаясь к этой заветной комнате, вы чувствуете необъяснимое волнение; вас уже охватило, встало пред вами все, что вы слышали и читали об этом удивительном полотне.

Сколько бы народу там ни было, голосов не слышно. Если изредка кто и перемолвится словом, то это слово произнесено шопотом, как во время богослужения в алтаре... И те, кто стоят, и те, кто сидят на единственной длинной скамье по стене, не сводят глаз с поднятой высоко от пола картиной. Не смотрят, а созерцают...

Такое же молчание умиления было бы, верно, и в те мгновения, когда бы Пресвятая, спустившись с небес с предвечным Младенцем, тихо пронеслась пред людьми на облаке над землей лучезарным видением...

Так что же: когда Рафаэль творил это вдохновенное произведение, в красках отражая святую мечту, жившую в его душе — мечту о Деве и о Младенце Христе: не было ли тогда его дело — одним из высших дел, доступных человеку, не служил ли он тогда Богу, извлекая из души своей и оставляя на веки людям такую святую и красоту, пред которой люди переживают нечто высшее, чем молитву, которая дает им видение живого неба.

А трогательный Мурильо, с его картинами Приснодевы, в облаке ангельского ополчения возносимой к тому небесному Царству, где Она будет Царицей, со Младенцем Христом, то пьющим воду из черепка, который подносит к Его устам маленький Иоанн, то стоящим рядом с барашком — агнцем: Мурильо, весь какой-то небесный, с безбрежной детской верой, точно руками освящавший вечность с надземными областями.

А наш Васнецов!

Если человек, способный к религиозному восприятию, входит впервые в Киевский Князь-Владимирский собор, на стенах которого собраны произведения Васнецова во всем расцвете его гения: его охватывает необычайное чувство — близости и действительности того, что изображено на этих стенах, этих потолках и столбах.

Вот «Богоматерь, несущая миру спасение» — знаменитая Богоматерь, столь распространенная во своих воспроизведениях.

Вот — великолепное изображение равноапостольной великой княгини Ольги, праматери русского православия. Как зорко глядят вдаль ее вещая очи, какво могучею силою дышит вся она, прозревшая истину и всенародно поклонившаяся Распятому Христу.

Вот, вверху изображения ветхозаветных пророков в священном изступлении — вот, и потрясающее видение по поясу купола «блаженство святых о Господе».

Святые разных ликов, словно с силою снаряда, выпущенного из орудия, стремятся к отверстым дверям рая. Какое ликование, какое счастье! Вот — награда за тяжкий подвиг жизни, за верность Христу, засвидетельствованную у кого вольным уничтожением, ежедневным самораспятием, у кого — кровию и муками казни... Вот — они, прошедшие жизнь свою «скитающиеся, скорбяще, лишени, озлоблени», ютятся в пещерах и «в пропастях земных» — вот они будут все увенчаны сейчас стеленными венцами славы — цари, князья, дети, старые иноки, юные мученицы, юродивые и вельможи... Какое разнообразие лиц и выражений! Вот, крепко прижимая к груди крест, изсохшая телом, с седыми космами преподобная Мария Египетская. Вот, с выражением невинной радости во взоре, весь светленький в ореоле своего непорочного детства и своей святости, первый киевский отрок-мученик, сын Феодора-варяга, Иоанн, со своим отцом.

Но кто это одна, среди общего стремления, тиха, задумчива, неподвижна? Уронив руки на колени, всматриваясь перед собою широко открытыми очами, она откинулась на руки несущих ее ангелов и замерла. На ней одежда царской дочери, украшенная самоцветными камнями... Это великомученица Варвара, в которой, хочется думать, художник отразил живший в нем близкий и дорогой образ — великой Богоисследовательницы России.

Тихо и торжественно среди общего счастливого смятения возносится она в то небо, которое давно, с того дня, как она познала и унеслась Христу, спустилось в ее душу...

Неотразимое видение, возносящее человека «горе»!

А вот, в самом потолке чудесные изображения Христа Распятого и над Ним — скорбящего Бога-Отца.

О, эта склоненная на грудь с невыразимой мукою глава; эти распростертые по крестному древу и прободенные гвоздями руки! О, эта мертвенная бледность, надвигающаяся на ланиты «Краснейшего из сынов человеческих», эти уста, вешавшие миру новое слово, которые теперь раскроются только единый и последний раз, чтобы произнести последний возглас: «Отче, в руки Твои предаю дух Мой!».

Волнующий, незабываемый образ!

А над Ним — еще, быть может, более скорбный образ: Бог-Отец, вззирающий на крестную муку Сына. На простом каменном престоле возсел величественный седоволосый Старец, и все в Нем и в воздухе вокруг говорит о Его неодолимой силе... Чувствуется, что одной мысли Его довольно для того, чтобы легионы ангелов слетали на землю, сняли со креста Единородного Сына Божия, облекли Его в царскую порфиру и вознесли на небо для сидения одесную Отца.

Но Он безмолвно смотрит на Страдающего и страдает.

И это сочетание скорби и безграничного могущества потрясает... Эти руки, из ничего сотворившие вселенную, теперь не дрогнут, чтобы помочь распятому Сыну. Все окаменело, и застыли неподвижно верные Серафимы, готовые творить волю Посылающего, и с ужасом вззирающие на муку Голгофы и на оставление Сына... И вы, замерев, взираете на эту величайшую в мире трагедию.

А вот, обернитесь ко входным дверям. Над ними по западной стене встает видение Страшного Суда.

Эти поднимающиеся из недр земли, воскресшие по звуку трубы архангелов люди, эти кости, одевающие плоть, эти возсевшие на престолах апостолы, этот ангел суда в зеленом хитоне, с запечатанным тяжелою печатью страшным свитком дел человеческих в руках — все полно ужаса и угрозы... И там, вверху, утвердился престол Грозного Судии — Христос в белом хитоне протягивает пред собой книгу благовестия Своего, которая и будет судить мир. Коленопреклоненный Иоанн Предтеча, крепко зажимая в руке хоругвь своей проповеди, стоит с понурой головой; а «Предстательство христиан непостыдное, ходатайство ко Творцу непреложное», Пресвятая Дева, склонясь к плечу Сына, просит милости к тому роду человеческому, который сам же Божественный Судия Ей усыновил...

И пред этим видением неизбежного часа страхом содрагается душа, и так хочется жизни светлой, чистой, в творении воли Господней. И, когда вы долго побродите в соборе во внебогослужбное время, вы выйдете из него в таком настроении, словно вы, как некогда отрок во время землетрясения в Царьграде, были занесены на небо.

Вот, что дала кисть вдохновенного Васнецова людям. Можно ли поэтому отрицать, что всякий взмах его кисти при создании этих бессмертных творений был делом молитвенным?

Но есть полотна чутких мастеров, хотя и не посвященные творчеству непосредственно религиозному, но производящие высокое впечатление, пробуждающие в душе лучшие христианские чувства.

Возьмите, например, известную, небольших размеров, картину Перова «Похороны». Серым зимним днем едут лесной дорогой дровни, запряженные скверной лошадейкой. Простой деревянный, некрашенный и ничем не покрытый гроб. На дровнях сидит мальчуган в плохенькой одежонке. Вот, и все. Но в это простое бедное событие художник вложил такую остроту безысходного и беспомощного горя, столько тоски, что вы стоите пред этим маленьким полотном, как пред куском живой жизни. Вам хочется идти за этим гробом безвестного труженика, который так же убого отправляется к последнему покою, как прожил свой печальный и трудный век. И потом вы говорите себе, что, если ничего нельзя сделать для этого мальчика, потому что его не существует, то нужно найти других таких же несчастных и помочь им.

Или вот, картина известного художника Лебедева, изображающая крестьянку, которая пришла в город проведать своего сына, обучающегося мастерству. Вид этого забитого, одетого в отрепья, голодного мальчугана, на которого с безграничным горем смотрит мать, производит такое впечатление, что так и хочется подойти поближе к этой среде, сделать что-нибудь для облегчения участи этих несчастных мастеровых детей.

А литература, истинная литература, произведения тех писателей, которые имеют право вслед за Пушкиным повторить о себе:

Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что прелестью живой стихов я был полезен
И милость к падшим призывал.

Разве эти страницы, которые являются для вас любящим другом, советчиком, учителем и утешителем, над которыми вы то прольете теплую слезу умиления, то исполнитесь желанием подражать благородству героев, то постигнете всю низость своей жизни, и вам безконечно захочется жизни новой, сильной и чистой: разве эти страницы, пробуждающие в вас высокие порывы и тем самым возвышающие вас до Бога — не суть дело христианское, и не внушены тому человеку, который их начертал, единственным Источником правды и света?..

А великие музыканты!

Не говоря уже о таких творениях чисто церковной музыки, как знаменитая «Седьмая Херувимская» Бортнянского, в которой в тихом, сладостном и таинственном распеве вы чувствуете величие и недоступную тайну приближающегося чуда, и слышите поступь наполняющих храм и готовых послужить при принесении безкровной жертвы ангелов, — не говоря о таких чисто церковных произведениях, как часто музыкальные отрывки настраивают душу высочайше религиозным образом.

Вот, например, развертывается пред нами великое вступление в оперу «Тангейзер» Вагнера, которая представляет собою борьбу в человеке земного и небесного начала. Какая тоска по небу слышится в этих звуках, какое сознание ничтожества земли.

И как утверждает веру в загробный мир и в ликующую вечность развитие последней темы.

Очищенная страданием, получив прощение ценою крестной жертвы, душа вступает в вечность...

Пред вами разверзается небо. Звуки, все усиливающиеся и нарастающие, — волны жизни, стремящейся в высоту, прорвали, наконец, преграду, отделяющую землю от неба, торжествуя втекли в берега бессмертия и плещут у самого Престола Господа славы...

Какое величие, какая красота, какой охват!

Тут не «вера» уже, ибо земное, с возможностью муки и сомнения, уже миновало. Тут же «видение» «лицом к лицу», с несомненностью, тут уже ненарушимое блаженство обладания...

Вагнер сумел взять робкую, сомневающуюся душу человеческую и поднять ее до небес...

Из всех приведенных примеров видно, как ошибаемся мы, когда думаем ограничить область религии одними явлениями чисто церковного характера.

Нет, Бог решительно во всяком честном и чистом труде человеческом. Бог в нашем здоровом и чистом веселии, Бог во всем, где мы не идем против Его воли.

Среди американского юношества развит обычай — предпринимать многочисленным обществом прогулки по прекрасным американским озерам. И тишина вод, дремлющих под нависшими скалами, нарушается вдруг пением религиозных гимнов. Какое великолепное слияние торжественной красоты природы с восторженным излиянием юной человеческой души.

И, если я радуюсь чему, если я праздную что-нибудь, в чем выразилось Божье ко мне благодеяние: пусть не говорят мне, что я в радости моей вне Бога. Таким представителям мрачного христианства, для которых христианство все состоит из мрака подземных пещер, — я укажу на Христа, озаряющего сиянием Своим пир на браке в Кане Галилейской.

Не должно быть в жизни христианина той минуты, когда бы он не чувствовал своей связи с Богом. И не в одних лишь храмах должны мы искать и видеть Христа, а повсюду в жизни. Он стоит за тем бедным, который возбудил к себе наше сострадание; Он внушил писателю ту мысль, которая нас волнует; Он одел красотой тот мир, который нас так восхищает.

И, когда вы, помолясь с утра Богу словами тех молитв, каким вас еще в детстве научили, выйдете наружу, и пред вами заблестит сияние дня, и радость бытия наполнит душу, тогда своими словами, от себя, поговорите с Творцом — скажите Ему:

«Как рвется душа моя благодарить Тебя!.. Не за одно только то, что Ты осыпал меня Своими благодеяниями, но за то, что Ты дал и мне и всем людям: за все, за все!

За Твое изумительное творчество, за силу роста, заложенную в Твои творения, за блеск Твоих звезд, за радость Твоего солнца, за сверкание Твоей росы на изумрудах лугов, за бодрость и свежесть этого утра, за это сознание, которым я поклоняюсь Тебе, за эту жажду и стремление к Тебе, за Твое всепрощение, за встреченных мною людей, в которых мне сияли Твои искры, за мою жизнь, за счастье и за муку, за надежды, за вечность!»

СОДЕРЖАНИЕ

Официальная часть

ЖИЗНЬ ЕПАРХИИ

Послание Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II	58
Сообщение Патриаршей комиссии	60

Неофициальная часть

МЕСЯЦЕСЛОВ

Сретенье Господне	63
-----------------------------	----

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

Преп. Симеон Новый Богослов. Слова (продолжение)	65
--	----

ПРОПОВЕДЬ

Свят. Игнатий Брянчанинов

Духовные наставления. Грех соблазна осуждения ближнего	67
Свящ. Анатолий Жураковский. Благодарим Господа	70

ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТИЯ

Н. А. Яковлев. Реконьский пустынник	73
---	----

НАШИ ХРАМЫ

И. В. Попов. Князь—Владимирский собор	79
---	----

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Е. Поселянин. Идеалы христианской жизни (продолжение)	82
Стихи: «Он был именем и духом Серафим...»	96
А. Коринфский. Звезда Вифлеема	96

ЖИЗНЬ ЕПАРХИИ

ФЕВРАЛЬ

2 февраля, в субботу, Высокопреосвященнейший Митрополит Иоанн Ленинградский и Ладожский совершил всенощное бдение в церкви Владимирской Божией Матери, а в воскресенье, 3 февраля, служил Божественную литургию в Князь-Владимирском соборе на Петроградской Стороне. В тот же день Владыка встретился с семинаристами Ленинградской Духовной Семинарии и ответил на их вопросы.

5 февраля, во вторник, в наш город прибыл Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II. Днем в гостинице «Ленинград» состоялся прием, на котором присутствовали Святейший Патриарх Алексий II, Высокопреосвященнейший Митрополит Иоанн, епархиальное духовенство и гости. Вечером, накануне праздника блаж. Ксении Петербургской, Святейший Патриарх Алексий II прибыл в храм Смоленской Божией Матери на Смоленском кладбище, где им в сослужении духовенства было совершено всенощное бдение.

За Божественной литургией в церкви Смоленской Божией Матери.

Утром 6 февраля, в праздник блаж. Ксении Петербургской, в том же храме Святейший Патриарх Алексий II в сослужении Митрополита Ленинградского и Ладожского Иоанна, Архиепископа Нижегородского и Арзамасского Николая, Архиепископа Корсунского Валентина, Архиепископа Калужского и Боровского Климента, Епископа Тамбовского и Мичуринского Евгения, Епископа Ульяновского и Мелекесского Прокла, Епископа Истринского Арсения, Епископа Подольского Виктора и духовенства епархии совершил Божественную литургию, за которой им в сан диакона был рукоположен преподаватель Политехнического института Александр Чистяков (назначен на Казанское подворье Спасо-Преображенского Валаамского монастыря). После литургии Святейшим Патриархом в сослужении Владыки Иоанна, прибывших в наш город архиереев и духовенства епархии был свершен молебен Небесной заступнице града Святого Петра блаженной Ксении.

Вечером состоялось торжественное перенесение мощей преп. Серафима Саровского из города на Неве, где они были чудесно обретены, в Москву.

После вечерни в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры, молящиеся остались в храме, ожидая приезда Святейшего Патриарха. В полумраке, под сводами собора, раздавалось тихое молитвенное пение, когда в 21 час в храм прибыл Святейший. Его сопровождали архиереи, прибывшие со всех концов России, и духовенство епархии. Патриарх отслужил молебен преп. Серафиму Саровскому перед его честными мощами. Многие тысячи молились вместе со Святейшим в храме.

По окончании молебна Святейший Патриарх Алексий II, Митрополит Иоанн и духовенство под звон лаврских колоколов вышли из собора, сопровождая ковчег с мощами преподобного Серафима. Над Лаврой стояла ясная и морозная звездная ночь. За духовенством стали выходить богомольцы, держа в руках зажженные свечи. Дойдя до Святых Врат монастыря, крестный ход, насчитывавший около пяти тысяч человек, двинулся по Невскому проспекту в сторону Московского вокзала. Это был первый после 67-летнего перерыва крестный ход по главной магистрали города на Неве. Впереди медленно дви-

Свято-Троицкий собор Александро-Невской Лавры. Св. мощи преп. Серафима, Саровского Чудотворца.

гавшейся по заснеженному проспекту процессии несли большую икону преподобного, колыхались хоругви. За ними, поодаль, над головами людей, несомая духовенством, плыла серебристая рака с мощами преподобного Серафима. За нею шествовал Святейший Патриарх Алексий и архиереи. Охваченный молитвенным подъемом, народ все время пути пел: «Ублажаем тя, преподобный отче наш Серафиме и чтем святую память твою...» Весь православный Петербург пришел проводить преподобного Саровского Чудотворца.

С Невского крестный ход свернул на Полтавскую, а затем на Гончарную улицу, и по ней достиг Московского вокзала. Заполнив перрон, богомольцы продолжали тихо петь величание. Незадолго до полуночи рака с мощами преподобного была внесена в особый вагон и св. Серафим, Саровский Чудотворец, покинул град Святого Петра.

В родительскую субботу, 9 февраля, Владыка Иоанн служил Божественную литургию в домовом храме во имя Тихвинской иконы Божией Матери в своей Резиденции на Каменном острове. Вечером того же дня им было совершено всенощное бдение в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры.

В воскресенье, 10 февраля, Высокопреосвященный Митрополит Иоанн служил Божественную литургию в Свято-Троицком соборе Лавры, после чего отслужил на Никольском кладбище Лавры панихиду по всем православным, погибшим во время гонений от безбожников. Их память должна совершаться в неделю, ближайшую к 25 января (7 февраля н. ст.), но долгие годы этого не делалось в России.

В этот же день, в 154-ю годовщину трагической гибели А. С. Пушкина, в Спасо-Конюшенной церкви, где его отпевали, состоялась панихида по поэту. Служил ее протоиерей Борис Глебов, при участии хора Спасо-Преображенского собора.

Вечером 11 февраля, в понедельник, накануне праздника Трех Святителей — свв. Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста — Митрополит Иоанн возглавил в Спасо-Преображенском соборе всенощное бдение, а во вторник, в самый праздник, им в том же соборе была отслужена Божественная литургия, за которой Владыка рукоположил в сан иерея диакона Евгения Постникова, определенного в Екатерининский собор города Кингисеппа.

Вечером в среду, 13 февраля, в кинотеатре «Зна-ние» на Невском проспекте состоялся просмотр фильма о Митрополите Мануиле (в миру — В. В. Лемешевском). Перед сеансом Митрополит Иоанн рассказал о жизни и трудах покойного Митрополита Мануила, которого он близко знал. После просмотра фильма Владыка ответил на многочис-ленные вопросы зрителей.

14 февраля, в четверг, накануне праздника Сретения Господня Митрополит Иоанн служил все-нощное бдение в Николо-Богоявленском кафедраль-ном соборе, а в самый праздник там же Владыка совершил Божественную литургию, после которой, произнося слово, поздравил клир храма и мирян со светлым праздником Сретения.

16 февраля, в субботу, вечером, в день свв. Си-меона Богоприимца и Анны Пророчицы, накануне отдания праздника Сретения Господня, Митрополит Иоанн совершил в Николо-Богоявленском кафе-дральном соборе всенощное бдение. В этот же день о. Олег Скобля, назначенный настоятелем Симео-

новской церкви, отслужил на паперти не возвра-щенного пока Церкви храма свв. Симеония и Анны молебен по случаю его престольного праздника.

На следующий день, 17 февраля, в Прощенное воскресенье, Владыка совершил в том же соборе Бо-жественную литургию.

Вечером Митрополит Иоанн прибыл в Николо-Богоявленский кафедральный собор, где совершил чин прощения перед началом Великого Поста.

В Чистый понедельник, 18 февраля, Владыка Иоанн читал вечером в Николо-Богоявленском ка-федральном соборе Великий покаянный канон преп. Андрея Критского, а на следующий день продолжил чтение его в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры.

В среду, 20 февраля, Владыкой Иоанном в Ни-коло-Богоявленском кафедральном соборе была совершена литургия Преждеосвященных Даров, а вечером он читал в Спасо-Преображенском собо-ре, на великом повечерии канон преп. Андрея Крит-ского.

Крестный ход со св. мощами преп. Серафима Саровского по Невскому проспекту от Александро-Невской Лавры к Московскому вокзалу.

Митрополит Иоанн отвечает на вопросы зрителей после просмотра фильма «Митрополит Лемешевский».

В четверг, 21 февраля Владыка завершил чтение канона в Князь-Владимирском соборе.

Утром 22 февраля, в пятницу, в Николо-Богоявленском кафедральном соборе Митрополитом Иоанном была совершена литургия Преждеосвященных Даров.

23 февраля, в субботу первой седмицы Великого Поста, в Николо-Богоявленском кафедральном соборе Владыка Иоанн служил Божественную литургию, а вечером там же — всенощное бдение.

В воскресенье, 25 февраля, в праздник Иверской Божией Матери и свт. Алексия Московского и Всея России Чудотворца, Митрополит Ленинградский и Ладожский Иоанн совершил поездку в Москву, где вместе со Святейшим Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II в день его тезоименитства служил Божественную литургию в Патриаршем Богоявленском соборе в Елохове.

ПОСЛАНИЕ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II

АРХИПАСТЫРЯМ, ПАСТЫРЯМ, МОНАШЕСТВУЮЩИМ И ВСЕМ ЧАДАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Возлюбленные о Господе Преосвященные архипастыри, честные пастыри, боголюбивые иноки, инокини и все верные чада Святой Русской Православной Церкви!

Среди многих печалей и испытаний, омрачающих сейчас жизнь нашу, Всемилющий Господь даровал нам великое духовное утешение: 11 января сего года в городе на Неве после долгих лет сокрытия возвращены были нашей Святой Церкви честные мощи Преподобного и Богоносного отца нашего Серафима Саровского: всея России Чудотворца, а 7 февраля они торжественно перенесены в Москву, в Богоявленский патриарший собор.

Никогда не могли мы свыкнуться с мыслью о том, что бесценная святыня эта безвозвратно утрачена, и мы навсегда лишены возможности прикоснуться к ней и иметь ее пред своими очами.

По историческим меркам Церкви прошло совсем немного времени — чуть более 150 лет — с тех пор, как Преподобный Серафим завершил свой земной подвиг. И еще только в 1903 году Саровский подвижник был всенародно прославлен. Чутко и быстро народное сердце угадало в этом старце самые дорогие и сокровенные черты Православия. В церковном сознании он навсегда стал в один ряд с другим печальником и молитвенником Земли Русской — Преподобным Сергием Радонежским. Поэтому, даже когда бесследно исчезли мощи Преподобного Серафима, а проповедь о его жизни и подвигах стала небезопасна, любовь русского народа к нему продолжала возрастать и углубляться.

И в иных странах представление о русском православном монашестве неразрывно связывается с именем Саровского Чудотворца.

В эти святые дни вспомним еще раз, чем так дорог нам Преподобный Серафим.

Преподобный Серафим дивен своим великим молитвенным подвигом. В его лике, в его наставлениях, в его житии воплощена такая духовная целостность, такая чистота и такое духовное здоровье, что поистине он сравним со светильником, что стоит пред Богом, устремляясь к Нему своим горением, и в то же время ярко светя миру.

Преподобный Серафим напомнил нам о великом счастье служить Христу в Его Святой Церкви — счастье, которого мы сами себя так часто лишаем, совершая грехи и противясь церковным наставлениям и церковному многовековому опыту.

Преподобный Серафим вновь подтвердил нам великую истину учения Церкви о том, что единственная подлинная радость — это радость освящения во Христе и что губительный грех не желать такого освящения.

Будем же идти за Христом тем путем, о котором неустанно напоминал нам Преподобный Серафим. Примем любовно все церковные установления, которые направлены на духовное устройство человеческой души, которые учат нас доверяться Богу и отдаваться Его святой воле даже тогда, когда она расходится с нашими человеческими желаниями.

И так важно нам сегодня, во времена обмирщения жизни и мысли, обратиться к духовному опыту Преподобного и помнить, что главное призвание христианина — в стяжании благодати Святого Духа и мира Христова.

В Преподобном Серафиме нам явлена истинность слов Христа о том, что Царствие Божие внутри вас (Лк. 17, 21). Но входит это Царство в нас лишь крестной дорогой. Мы сами должны очистить в себе место для горней радости. Не будем забывать, что серафимовская духовная радость явилась плодом многолетнего и тяжелого подвига. И серафимовский мирный дух, и его радость

о Воскресении Христа Спасителя были приобретены через сораспинание Господу, через перенесение многих испытаний и скорбей.

Но будем помнить и другое: у Преподобного Серафима был свой, особый духовный путь. И подражать ему надо не во внешних формах подвига, а через поиск внутренне схожего устройства духа.

Подлинное следование Преподобному Серафиму возможно для нас только в том случае, если мы в нашей собственной жизни увидим свой особый крест, возложенный на нас Господом, и станем искренне, целомудренно и честно исполнять свой христианский и человеческий долг. Не будем уstraшаться выпадающими на нашу долю испытаниями. Если мы научимся во всех обстоятельствах жизни не роптать на Господа за то, что Он посещает нас не только благами, но и скорбями, значит мы уже недалеко от причастия серафимовской радости, мудрости и цельности.

Не будем отчаиваться в нашей духовной брани — ведь у нас есть наш Господь, Спаситель, Промышляющий о нас, и есть наш дивный молитвенник, Великий Серафим, подвижник и предстатель наш.

Вступая в спасительное поприще Великого Поста, будем перед своими духовными очами иметь образ Преподобного Серафима Саровского и назидаться его наставлениями о стяжании благодати Святого Духа, мира и радости о Господе.

В церковном предании имя Саровского Чудотворца и судьба его мощей тесно связываются с судьбами всей России. И потому с еще большей верой, горячей молитвой припадем ко вновь обретенным мощам Преподобного с мольбой: «Преподобне отче Серафиме, укрепи нас во всех испытаниях! Преподобне отче Серафиме, моли Бога о нас!».

АЛЕКСИЙ II,

Патриарх Московский и всея Руси

7 февраля 1991 года, Москва

СООБЩЕНИЕ ПАТРИАРШЕЙ КОМИССИИ

о втором обретении мощей преподобного СЕРАФИМА САРОВСКОГО, всея России чудотворца

25 декабря 1990 г., Ленинград

На протяжении почти 70 лет вопрос о местонахождении святых мощей великого угодника Божия — преподобного и богоносного отца нашего Серафима Саровского, всея России чудотворца, волновал умы и сердца православного мира. Слагались и бытовали различного рода легенды о месте их пребывания. Всякая такая легенда казалась правдоподобной, но ни одна из них не приносила радости.

По одной — святые мощи бережно хранятся у благочестивых монахинь; по другой — достойно захоронены от поругания; по третьей — преданы сожжению, как и многие другие святыни.

Однако христианское сознание не мирилось с мыслью, что великий угодник навсегда покинул Церковь, помня его обещание, что он еще явит себя миру и «летом воспоют Пасху». Народ Божий жил надеждой, веря в непреложность обещания великого старца и чудотворца Серафима.

Патриаршество пятнадцатого первосвятителя Всероссийского — Святейшего Патриарха АЛЕКСИЯ II ознаменовалось великими событиями в жизни Русской Православной Церкви: Казанский собор в граде святого Петра на Неве (бывший музей истории религии и атеизма) из своих запасников вернул Церкви святые мощи подвижников Соловецких — Германа, Зосимы и Савватия. Ранее, когда Святейший Патриарх, будучи митрополитом, окормлял кафедру на Неве, древняя ее святыня — Александро-Невская Лавра торжественно прославила второе обретение и вхождение под своды Свято-Троицкого собора из тех же запасников музея благоверного и великого князя Александра Невского.

Казалось, что из недр бывшего атеистического музея возвращены все, хранившиеся доселе в неизвестности, мощи угодников Божиих, привезенные сюда, в Ленинград, в годы печальной истории Отечества нашего, когда отнимались святыни у верующего народа и превращались в склады или музеи, как это было и с Казанским собором.

Однако Всемилостивый Господь в это сложное для Церкви и Отечества нашего время даровал нам великую неизреченную радость и духовное утешение: из того же Казанского собора (освободившегося в настоящее время своим фронтоном от надписи: «Музей истории религии и атеизма») Русской Православной Церкви были возвращены честные

мощи Преподобного и Богоносного отца нашего Серафима Саровского, всея России чудотворца.

Произошло это так:

Прежде, чем состоялась 11 января сего года официальная передача Его Святейшеству дирекцией музея святых мощей великого чудотворца, Святейший Патриарх АЛЕКСИЙ II, как только получил сообщение, что обнаружены мощи преподобного Серафима Саровского, направил 25 декабря 1990 года в град святого Петра комиссию для освидетельствования.

В состав комиссии входили: епископ Тамбовский и Мичуринский ЕВГЕНИЙ (Ждан) (ныне архиепископ) и епископ Истринский АРСЕНИЙ (Епифанов) — викарий и личный секретарь ЕГО СВАТЕЙШЕСТВА.

В сопровождении келейника епископа АРСЕНИЯ — Игоря БЕЛОВЕНЦЕВА, воспитанника Московской духовной семинарии, члены комиссии прибыли в город на Неве, имея фото и машинописные копии архивных материалов о вскрытии и освидетельствовании мощей преподобного Серафима Саровского в Саровском монастыре, Темниковского уезда, Тамбовской губернии в 1920 году.

Вот эти документы:

1. Выписка из протокола № 121 Президиума Темниковского Уисполкома от 8 декабря 1920 года об образовании организационной тройки по вскрытию мощей Серафима Саровского.

Основание: ГАТО — ф. Р—394, оп. I, д. 476.

2. Протокол № 1. Заседания организационной тройки по вскрытию мощей Серафима Саровского, согласно постановлению 9-го съезда Советов, резолюции Предгубисполкома Шлихтера и Постановления Президиума Уисполкома от 3 декабря 1920 года.

Основание: ГАТО, ф. Р—394, оп. I, д. 476, л. 24—25.

3. Протокол № 1. Заседания комиссии по вскрытию мощей Серафима Саровского. Монастырь. Саров. Темниковского уезда Тамбовской губернии. 1920 года, декабря 17 дня в 11 часов.

Основание: ГАТО, ф. Р—394, оп. I, д. 476, л. 22.

4. Заявления. Комиссии по вскрытию мощей преподобного Серафима 17 декабря 1920 г. в Саровской пустыне.

(Заявление подписали священник Павел Борятинский и иеромонах Мефодий, отказавшиеся принять участие во вскрытии мощей.)

Основание: ГАТО, ф. Р—394, оп. I, д. 476, л. 23.

5. Акт. Закрытия мощей Серафима Саровского в Сарове, Темниковского уезда, Тамбовской губернии 16 августа 1921 года.

Основание: ГАТО, Р—I № 303, с. 698.

6. Выписка. В народный комиссариат Юстиции (VIII отдел ликвидационный) по поводу мощей, имеющихся в Тамбовской губернии.

Основание: ГАТО, ф. Р—394, оп. I, д. 476, л. 6—7.

7. Заметка из «Известий» Тамбовского Губернского Совета от 13 января 1921 г. за № 6 «К вскрытию мощей Серафима Саровского» (заключение врачей).

В имеющихся документах подробно изложен весь процесс подготовки к вскрытию мощей преподобного старца и чудотворца Серафима. Документы свидетельствуют о реакции духовенства Темникова и Сарова на постановление о вскрытии раки с мощами великого угодника земли Русской. В этих же документах имеются сообщения органов власти о проведенном вскрытии и освидетельствовании.

25 декабря 1990 года комиссия проводила освидетельствование честных останков на основании двух документов:

1. Акта закрытия мощей Серафима Саровского в Сарове, Темниковского уезда, Тамбовской губернии, 16 августа 1921 года.

2. Заключения врачей («Известия» Тамбовского губернского Совета от 13 января 1921 года, за № 6).

В первом документе (akte закрытия) сообщается, что закрытие мощей Серафима Саровского в Сарове было произведено 16 августа 1921 года в 7—8 часов официального времени по истечении срока обозрения после их вскрытия 17 декабря 1920 года. В акте перечисляются члены комиссии как представители Саровского духовенства, так и властей, а также указывается на присутствие 100 человек (зрителей).

Указанный документ был весьма важным для комиссии, производящей второе освидетельствование, поскольку в нем описана не только последовательность процесса закрытия, но указывается расположение всех частей святых останков (костей скелета), а также вата, в которую заворачивались мощи, белые шелковые варежки и такие же туфельки, подушечка зеленого цвета, черная шапочка (куколь) с круглым отверстием в середине и медный крест с цепочкой. Кроме того в документе говорится о покрытии святых мощей белой и черной материей, ленте, их пеленающей, нитках, которыми зашивалась материя, мантии и епитрахиле, «воздухе» и др...

Второй документ также имел важное значение, поскольку давал медицинское заключение о состоянии святых останков и их количестве.

Во время освидетельствования присутствовали: директор музея КУЧИНСКИЙ Станислав Алексеевич; заведующий сектором «Православие в СССР» — Сергей Николаевич ПАВЛОВ; главный хранитель музея Ирина Александровна МАРТЫНЧУК; заместитель директора по науке — Мария Николаевна ПРИНЦЕВА.

Что же предстало взору комиссии, когда она поднялась с сотрудниками музея под своды Казанского собора в бывшую ризницу (ныне хранилище, фонды)?

Деревянная трапециевидной формы подставка размером 161 см × 51 см и на ней в виде человеческого тела сверток, покрытый синей плотной бумагой, приклеенной к деревянному основанию липкой лентой, а из-под бумаги просматриваются вата и марля.

После снятия бумаги, раскрытия марли и ваты, обнажились святые останки... Едва уловимый запах благовония... запах, который ни с чем не сравним..., подобный запах уже был ощутим, как засвидетельствовал преосвященный епископ Тамбовский ЕВГЕНИЙ, когда древняя святыня Тамбовская — святитель Питирим, в славный год 1000-летнего юбилея Крещения Руси, был вторично обретен и возвращен тамбовчанам.

При дальнейшем осмотре святых мощей в сравнении со свидетельством вышеуказанных документов комиссия установила, что покоящиеся в запасниках Казанского собора святые останки, и чудом обретенные, являются святыми мощами великого угодника земли нашей — преподобного и богоносного отца нашего Серафима Саровского, всея России чудотворца.

И вот за многие десятилетия молчания пред честными мощами великого угодника Божия, под сводами Казанского собора зазвучало: «Ублажаем, ублажаем Тя, преподобне отче наш Серафиме, и чтим Святую

Келия преп. Серафима Саровского в Серафимовском храме Саровской пустыни.

память Твою, наставниче монахов и собеседниче ангелов». Этим не мощным по составу, но преисполненным глубокого духовного трепета и благодарения Господу «хором», члены комиссии пропели величание Саровскому чудотворцу.

Через некоторое время члены комиссии по телефону сообщили ЕГО СВАТЕЙШЕСТВУ, СВАТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ АЛЕКСИЮ II, что проведенное ими освидетельствование подтверждает принадлежность святых мощей преподобному и богоносному отцу нашему Серафиму Саровскому.

Комиссия доложила Святейшему Патриарху, что, согласно акту закрытия мощей в 1921 году и заключению врачей в том же году, до наших дней сохранились практически все части честных мощей (костный скелет). Время разрушило некоторые из них. К неопровержимым доказательствам принадлежности честных мощей великому Серафиму Саровскому чудотворцу явились: 1. Сохранившийся черный куколь, с отверстием в лобной части, в котором находился череп с нижней челюстью. На затылочной кости черепа сохранилась частица кожи и волос седовато-рыжеватого цвета. Волосы головы в значительном количестве находились в куколе. (Цвет волос совпадает с описанием в акте освидетельствования, произведенного в 1903 году 11 января и подписанного: Владимиром, митрополитом Московским и Коломенским; Дмитрием, епископом Тамбовским и Шацким; Назарием, епископом Нижегородским и Арзамасским; Суздальским архимандритом Серафимом (Чичаговым); настоятелем Саровской пустыни игуменом Иерофеем; казначеем Саровской пустыни иеромонахом Климентом; ключарем Тамбовского кафедрального собора священником Тихоном Поспеловым; прокурором Московского Священного Синода конторы князем Алексеем Ширинским-Шахматовым. (Перепечатан из № 25 Церковных Ведомостей, изданных при Св. Синоде за 1903 год. Основание для выписки: Тамбовские Епархиальные Ведомости. Тамбов. 1903 г., № 27, стр. 481—484.)

2. Сохранившаяся зеленого цвета подушечка, на которой полагалась честная глава Преподобного (цвет соответствует описанию в акте закрытия мощей 1921 г.).

3. Иерейский медный крест с цепочкой (соответствует акту закрытия).

4. В области груди крестообразно сложенные руки в шелковых белого цвета varejках (что соответствует описанию в акте закрытия). На правой вышита золотой ниткой надпись: «Преподобне Отче Серафим», а на левой: «Моли Бога о нас».

5. В рукавках, в вате, кости рук (в правой имеется разрушенный зуб из нижней челюсти, что соответствует врачебному заключению 1921 г.).

6. Кости предплечий в вате и в поручах из золотой парчи с тремя позолоченными пуговицами в каждой.

7. Из ступней ног сохранилась правая белая туфелька с ватой и вложенными в нее косточками. Левая отсутствует.

Остатки материи под святыми мощами с обрывками ниток на ней и на куколе, вата, указанные в акте закрытия, также явились неопровержимым подтверждением.

ЕГО СВАТЕЙШЕСТВО, СВАТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ II определил день торжественной передачи и переноса честных, многоцелебных мощей преподобного Серафима Саровского из Казанского собора в Свято-Троицкий собор Александро-Невской Лавры на 11 января сего года.

Накануне, 10 января с. г., комиссия в том же составе прибыла из Москвы в святой град Петра на Неве, чтобы подготовить святые мощи к торжественному перенесению. В город святого Петра была доставлена бронзовая рака, изготовленная в художественных мастерских Московской Патриархии. Пресвященные епископы ЕВГЕНИЙ и АРСЕНИЙ, наместник Свято-Троицкого собора Александро-Невской Лавры протоиерей Игорь МАЗУР, ключарь того же собора протоиерей Иоанн ВАРЛАМОВ, ктитор Свято-Троицкого собора диакон Георгий МИНАЕВ и келейник епископа АРСЕНИЯ Игорь БЕЛОВЕНЦЕВ доставили раку в Казанский собор.

При чтении акафиста преподобному Серафиму Саровскому чудотворцу, его честные мощи святителями и священнослужителями омывались Святой водой, помазывались Святым елеем от Гроба Господня, а затем покрывались пеленами от преподобного аввы Сергия Радонежского и древней земли Тамбовской, и полагались в освященную раку. Честная глава великого чудотворца была положена в схимонашеский куколь, сшитый в Лавре великого аввы Сергия, и водружена на ту же зеленую подушечку. Поверх вновь сшитой епитрахили крестообразно сложены были в тех же рукавках руки великого старца Серафима, а честную грудь его венчал тот же иерейский крест (по преданию, благословение его матери).

В завершение члены комиссии воздали последнее поклонение в этот день великому угоднику Божию — чудотворцу Серафиму, пропели Величание, и, испросив его благословения, отбыли из Казанского собора в ожидании утра 11 января 1991 года, когда прибудет ЕГО СВАТЕЙШЕСТВО, СВАТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЙ II в святой град апостола Петра на Неве, хранивший на протяжении многих десятилетий всемирную святую — цельбоносные мощи преподобного Серафима, дабы принять их на свои руки и перенести в Свято-Троицкий собор Александро-Невской Лавры, где в течение месяца воздадут ему молитвенную похвалу в граде на Неве перед тем, как великий угодник Божий прибудет в стольный град Москву.

Настоящая справка составлена
архиепископом Тамбовским и Мичуринским ЕВГЕНИЕМ

МЕСЯЦЕСЛОВ

СРЕТЕНЬЕ ГОСПОДНЕ

Современному русскому человеку слово «Сретенье» кажется архаично-непонятным, хотя его основа легко узнается: сретенье — это встреча, а в православном календаре — встреча Господа, Который на 40-й день после Своего рождения был принесен, согласно еврейскому обычаю, в иерусалимский храм для посвящения Богу как первенец. Обычай этот был установлен в память об исходе евреев из египетского рабства, когда от гибели были спасены первенцы в еврейских семьях. Исполняя этот старинный обычай, и пришла Божья Матерь с Иосифом в храм, принесла младенца Христа и двух голубиных птенцов как установленную жертву благодарности Богу за рождение первенца. Так Божья Матерь и Господь поступали всегда, выполняя со смирением не только нравственные, но и обрядовые установления Ветхого Завета, хотя позже Господь отменил его через Своих апостолов.

В храме их встретил праведный старец Симеон, которому, по преданию, было около 300 лет. Некогда он по приказу фараона Птолемея занимался переводом Библии на греческий язык, но, переводя пророчество о рождении будущего Спасителя от Девы, усомнился в последнем, и тогда Ангелом ему было предсказано, что он не умрет, не увидев Христа Господня. Долго ждал праведник исполнения этого обетования, служа в храме, этом месте ветхозаветного благочестия.

Наконец, обещанный день наступил. Следуя не привычке, а голосу Св. Духа, уже одряхлевший Симеон явился в этот день в храм, «чающий утешения Израилева» (Лк. 2, 25), т. е. встречи со Спасителем. В храме он увидел Богородицу и благочестивого Иосифа, берет на руки Божественного Младенца, принимает посвящение Божьей Матерью Сына Богу, Отец Которого — Он Сам. В этом посвящении узнается начало будущего за нас жертвоприношения Христа Богу-Отцу. Обет посвящения завершится на Голгофе и посему, входя в мир, Христос произнес: «жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне... вот иду, как в начале книги написано о Мне, исполнить волю Твою, Боже» (Евр. 10, 5. 7).

С великой радостью исповедует Симеон перед Господом: «видели очи мои спасение Твое». С радостью, потому что исполнились пророчества, данные не только ему, но и всему израильскому народу. Теперь ему нечего делать на земле — Спасение пришло на неё, причём не для одного народа Израилева, как надеялись иудеи, но и «свет к просвещению язычников» (Лк.

2, 32), т. е. для всего человечества. Отныне Ветхому Завету суждено умяться, и начало тому положила его встреча в лице Симеона со Христом, Который принес миру Новый Завет.

И своим духовным взором Симеон видит это будущее, как Свет не просвещает, а омрачает очи Израиля, как краеугольный камень отвергается строителями (Мф. 21, 42), как о Него спотыкаются и разбиваются многие. И радость Симеона о пришедшем в мир Спасителе завершается горьким для израильского народа предсказанием, что Христу предначертано быть «на падение и восстание многих» (Лк. 2, 34). Оно и исполнилось в точности со временем.

С сокрушенным сердцем предрекает Симеон — будучи не в состоянии сдержать действие пророческого дара — Божьей Матери скорби и напасти. Предрекает в день, когда вроде бы следовало радоваться, ликовать и благословлять! И Божья Мать смиренно принимает это пророчество о Своем кресте и Голгофском, ибо знает, что Отец Небесный не подает камня вместо хлеба. «Се раба Господня» был, очевидно, ее ответ и в этот раз.

Священнодействие в иерусалимском храме, казалось бы, могло завершиться на этом пророчестве Симеона. Но точно описывая всё случившееся, Евангелист Лука рассказывает нам о другом участнике Сретенья — пророчице Анне, уснащая свой рассказ подробностями о её происхождении, возрасте и даже отмечая, что в браке она прожила всего «семь лет». Овдовев, Анна полностью посвятила себя служению Богу и «не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь» (Лк. 2, 37). Живя столько времени праведной жизнью и награжденная свыше даром прозрения, она не могла не увидеть Солнце правды, прославить Его и возвещать затем об этом

всем жаждавшим спасения. Симеону вскоре суждено было умереть, напоминать о происшедшем Сретении пришлось Анне, потому в священной истории оба имени оказались неотделимы, и на Руси храмы почти всегда освящались в честь обоих ветхозаветных праведников.

В день Сретенья Господь — беспомощный младенец; Он не говорит, не действует и пройдет еще много времени, прежде чем Он выйдет на Свое служение людям, начнет творить великие чудеса и наставлять на путь спасения Своим словом и делом. Но сколько и в день Сретенья свершено для нашего спасения! В этот день встретились Бог и человечество. Как первенец человечества Христос приносится в очистительную жертву Богу; Он предстает перед лицом Божиим не только за Себя, но и за нас, чтобы следуя за Ним, и мы полностью принесли себя Богу. Христос приносится в храм как жертва Богу от грешного человечества, но одновременно он является начатком, основателем посвященного Богу и действительно освященного и святого человечества, ибо в Нем в единой ипостаси впервые в мире встретились Бог и человек.

Поэтому, когда, по примеру Спасителя, родители на 40-й день приносят новорожденного в храм, они приносят его Богу, чтобы, согласно церковной молитве, «явиться Богу, всех Творцу». Ныне однако воцерковление чаще всего следует тотчас за крещением, так что оба священнодействия не разнесены, как прежде, по времени, но воцерковление в значении от этого даже усиливается — родители и крестные сразу видят его связь с таинством крещения. Для них первая встреча новокрещаемого с Богом в Его доме бывает зачастую тоже первой и с нее начинается их возвращение в Отчий дом.

В. Антонов

Саров. Общий вид с реки Сатис.

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

Преп. Симеон Новый Богослов

СЛОВА

(продолжение)

СЛОВО ВТОРОЕ

1. О том, что естество человеческое чрез воплощение Сына и Бога-Слова приходит опять в благобытие, т. е. в то доброе и божественное состояние, в каком было оно до преступления Адамова.

2. Также о законе естественном, писанном и духовном.

3. Еще о том, каким способом может кто придти в благобытие.

4. И какая дела делая можем мы войти в царствие небесное.

1. Поскольку естество человеческое потеряло свое благобытие, чрез преступление Адамова, то необходимо узнать нам, что такое был Адам прежде потери благобытия, и в чем состояло это благобытие, или то доброе и божественное состояние, какое имел человек прежде преступления. Св. отцы говорят нам, что Бог соделался человеком для того, чтобы чрез вочеловечение свое опять возвесть естество человеческое в благобытие. Почему надобно нам узнать, каким это образом чрез воплощенное домостроительство Христова, человек опять приходит в благобытие.

Бог в начале, когда создал человека, создал его святым, безстрастным и безгрешным, по образу и подобию своему; и человек точно был тогда подобен Богу, создавшему его. Ибо святой, безгрешный и безстрастный Бог и творения творит святыми, безстрастными и безгрешными. Но поскольку непременимость и неизменяемость есть свойство одного безначального

и несозданного Божества, то созданный человек естественно был премежаем и изменяем, хотя имел способ и возможность, при помощи Божией, не подвергнуться пременению и изменению.

Так свят был человек и, как святой, не имел нужды ни в каком законе: ибо для праведника закон не нужен. Какая нужда в законе для святого, безстрастного и чистаго? Закон повелевает делать добро и не делать зла. Но писание говорит, что в иде Бог вся, елика сотвори, и се добра зело (*Быт. 1, 31*). Итак поскольку все было добро зело, то какая была нужда человеку в научении, что хорошо, и что не хорошо? Поскольку не было ничего, что не было бы крайне хорошо, то и не имел нужды в законе божественный оный человек.

2. Впрочем поскольку в его власти было вкушать от всякаго древа райскаго, еще же и от самаго древа жизни, то ему дана была заповедь не вкушать от одного только древа, чтобы знал, что он премежаем и изменяем, и остерегался, и пребыл навсегда в том добром и божественном состоянии. Бог теми словами, какия сказал ему, давая заповедь, что если вкусит, умрет, давал ему разуметь, что он премежаем и изменяем.

Так — тогда, в раю, не нужен был закон ни писанный, ни духовный. Но после того, как человек вкусил от того запрещенного древа и умер горькою смертию, т. е. отпал от Бога и подвергся растлению, — тогда, чтобы совсем не отпал он от всякаго добра (так как зло сильно распространилось в роде человеческом и тиранило его насильственно, по причине бедственного расслабления, какому подвергся он вследствие растления), дан был ему закон, чтоб показывал, что хорошо, и что худо. Ибо человек стал слеп, вышел из ума и обезмыслел; почему и имел нужду в науче-

нии, как написано в Псалмах: *откры очь мои и уразумею чудеса от закона твоего (Пс. 188, 18)*. Вразуми мя и научуся заповедем твоим (— 73). Видишь, в какое жалкое состояние пришел человек, и как потому имел нужду в писанном законе? Ибо после того, как пал он, не мог уже ведать даже и этого мира, если б прежде не был свыше от Бога просвещен ведением относительно его.

После же, когда пришел Христос и так тесно соединил в себе божество с человечеством, что два сии, крайне разстоящиеся, т. е. божество и человечество, стали единым лицом, хотя пребывали неслиянными и несмешанными, — с того времени человек сделался уже как бы светом, чрез соединение с оным, первым и невечерним светом Божиим, и не имеет более нужды ни в каком писанном законе, потому что божественная благодать Иисуса Христа, пребывающая с ним и в нем, плодоприносит ему благобытие, т. е. любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость и воздержание. Почему Апостол Павел, перечислив такие плоды Св. Духа, и говорит в конце: *на таковых несть закона (Гал. 5, 22, 23)*: ибо для праведника не требуется закон. Кто же не имеет еще таковых плодов св. Духа, тот и не Христов, как говорит Апостол: *аще кто Духа Христова не имать, сей несть Его (Рим. 8, 9)*. Такому надлежит подвизаться и постараться о том, чтобы соделаться Христовым, да не тщетно верует во Христа, — в каком случае Христос не пользует ему ничтоже. Все старание и весь подвиг его должен быть обращен на то, чтобы стяжать Духа Христова, и таким образом приносить плоды Духа святаго: ибо в этом и состоит духовных закон и благобытие.

3. Если же человеческое естество приходит опять в благобытие, как было первоначально, чрез воплощение Христово, и нет никакого другого способа и никакой другой силы, или мудрости, или труда и подвига, чтоб человеческое естество опять пришло в благобытие и стало как было первоначально сотворено, но находится единственно в руке Бога, давшего ему бытие, и то, чтоб даровать ему благобытие, и другим способом этому быть никак нельзя: то какая нужда тщетно трудиться, подвизаясь ради сего одними своими подвигами, чтениями, злостраданиями, томлением себя алчною, жаждою и бдениями? И если такие и толикия злострадания бывают тщетны и бесполезны для того, кто не ведает великаго онаго таинства (спасения), то на каждом христианине лежит долг научиться ему и познать его, чтобы не потрудиться напрасну в тех злостраданиях и не попустить погибнуть (и при них) душе своей, что бедственнее всякаго другого бедствия. Ибо все такие и толикия злострадания должны быть подъяемы не для того, чтоб придти в благобытие, но для того, чтобы сохранить благобытие, какое приняли мы прежде чрез святое крещение, так как сокровище сие трудно-хранительно, и нам надлежит доброе внимать, да сохраним оное, как сказали св. отцы. И в будущей жизни христианин не будет испытует, отрекся ли он мира, постился ли, совершал ли бдения, молился ли, плакал ли

и другая какая совершал ли в настоящей жизни дела добрая, но будет тщательно испытует, имеет ли он какое-либо подобие Христу, как сын отцу, как говорит и Павел: *чадца мои, ими же паки болезную, дондеже вообразится в вас Христос (Гал. 4, 19)*. Ибо которые во Христа крестятся, во Христа облачаются (Гал. 3, 27).

4. Те, которые хранят врата царствия небеснаго, если не увидят в христианине подобия Христу, как сына отцу, никак не отворят ему их и не дадут войти. Ибо как подобные ветхому Адаму, преступившему заповедь Божию, пребывают вне царствия небеснаго, не смотря на то, что они нисколько не виновны в том, что подобны праотцу Адаму: так и христиане, подобные новому Адаму, отцу их Христу, входят в царствие небесное, при всем том, что то, что они подобны Христу, не есть собственное их дело; так как это совершается посредством веры, какую восприимлют они во Христа.

Подобие же Христу составляют истина, кротость, правда, и вместе с ними смирение и человеколюбие. Истина зрится во всех словах, а кротость во всех противословиях; потому что кроткий, похвалами ли окружен или порицаниями, хранит себя безстрастным, и ни похвалами не превозносится, ни порицаниями не огорчается. Правда зрится во всех делах: ибо как определяем мы тяжесть вещей посредством весов, и как узнаем качество золота чрез потирание его о камень, так ни в каком начинании не выходим мы из пределов правды, если при этом содержим в памяти те меры (способы измерения, или весы), какия даровал нам Господь наш (заповеди). Смирение есть как бы неокрадомая сокровищница, устрояемая в том уме, который носит убеждение, что только силою благодати, приемлемой от Христа, имеются в нем показанныя добрая качества, т. е. истина, кротость и правда. Человеколюбие есть подобие Богу, так как оно благоденствует всем людям, и благочестивым и нечестивым, и добрым и злым, и известным и неизвестным, как и сам Бог всем благоденствует, возсиявает солнце праведным и неправедным, дождит не злых и благия. И так те, которые прияли сие от Христа, от Него имеют подобие Ему, как сын от отца имеет подобие отцу, потому что сын не бывает иначе, как из естества отца своего. Для того Бог соделался человеком, и чрез такое соединение Божества с человеческим естеством царствует Божество над естеством человеческим, как написано: *наляцы, и успевай, и царствуй истины ради и кротости и правды (Пс. 44, 5)*. Таким образом, над кем не возцарствовал Христос чрез те добродетели, о которых мы сказали, тот неподобен Христу, как отцу, и недостоин внити в царствие небесное. Воистину так есть. Почему излишни все прочие подвиги, если не бывают ради их. Постараемся же и мы, братие, соделаться подобными Христу посредством тех добродетелей, да сподобимся царствия Его. Ему слава и держава во веки. Аминь.*

* Слова преподобного Симеона Нового Богослова. Вып. 1. М., 1882.

ПРОПОВЕДЬ

Свят. Игнатий Брянчанинов

Духовные наставления

Грех соблазна осуждения ближнего

(в сокращении)

Братия! у подножия креста Христова, сложим и погребем все понятия мира о чести, о обидах, о оскорблениях, о убытках, о несправедливости, о человеческих законах и о человеческом правосудии. Соделаемся юродивыми ради Христа! поставим ланиты наши заплеваниям, заучениям! наша честь земная, ветхая, да посыплется прахом унижений! не взглянем с пощадением и участием на тленное имущество наше: да расхищают и разносят его вихри, когда они будут попущены! не пошадим плоти нашей в подвигах вольных и в страданиях невольных! научимся у Господа Иисуса Христа Его таинственному молчанию, которое есть возвышеннейшее Богословие и красноречие, удивляющее Ангелов! Ему, Богу воплощенному, мир не воздал справедливости: нам ли искать ее от мира? Отречемся от нее у подножия креста

Христова! Не будем зверями, которые ловцов и других зверей, на них нападающих, угрызают и язвят! уподобимся Агнцу Божию здесь на земле, во время кратковременного нашего странствования земного, — и Он соделает нас подобными Себе в вечности, где нашему блаженству не будет конца и меры. И здесь, в земном изгнании, к верному ученику Иисуса приходит Дух Святой, Утешитель, навевает на его душу несказанное блаженство будущей жизни, которое отъемлет от него чувство страданий, которое вводит его в невидимое, святое наслаждение, независящее от людей и обстоятельств. Пред этим наслаждением все земные наслаждения, даже законные, — ничтожны.

Главный отличительный признак лицемера, первая стрела, пускаемая им на ближнего, есть соблазн

и истекающее из соблазна осуждение ближнего. Соблазн в намеренных злодеях часто бывает притворным, сочиненным, как бы правильный предлог к злодеянию, заблаговременно приготовляющий и злодеяние и оправдание злодеяния; соблазн в зараженных еще ветхостию Адама, хотя бы они были благонамеренны и стремились к спасению, есть признак ветхости и недуг весьма важный и упорный. Недуг этот противодействует покаянию, от которого — очищение. Соблазн есть исчадие самолюбия, вселяющееся в душу, чуждую любви к ближнему и правильной любви к себе. Господь уподобил этот недуг бревну, в сравнении с которым всякое явное согрешение ближнего есть только сучец. «Не судите, — сказал Господь, — да не судимы будете. Имже бо судом судите, судят вам; и в нюже меру мерите, возмерится вам... Лицемере, изми первое бревно из очесе твоего: и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего» (*Мф. VII, 1—5*). Должно с насилием отвлекать себя от осуждения ближних, ограждаясь от него страхом Божиим и смирением. Чтоб ослабить и, с Божиею помощию, совершенно искоренить из сердца своего соблазн на ближнего, должно при свете Евангелия углубляться в себя, наблюдать за своими немощами, исследовать свои греховные стремления, движения и состояния. Когда грех наш привлечет к себе наши взоры, — некогда нам будет наблюдать за недостатками ближнего, замечать их. Тогда все ближние покажутся нам прекрасными, святыми, тогда каждый из нас признает себя величайшим грешником в мире, единственным грешником в мире; тогда широко отверзутся для нас врата, объятия истинного, действительного покаяния.

• Великий Пимен говорил: «Мы и братия наши как бы две картины. Если человек, смотря на себя, находит в себе недостатки: то в брате своем он видит совершенства. Если же сам себе кажется совершенным: то, сравнивая с собою брата, находит его худым» (*Алфавитный Патерик*). Величайшие угодники Божии особенно заботились узреть себя грешными, и столько грешными, чтоб согрешения ближних, явные и великие, казались им ничтожными, извинительными. Преподобный Сисой сказал авве Ору: «Дай мне наставление». — «Имеешь ли ты ко мне доверенность?» — спросил его авва Ор. «Имею», — отвечал Сисой. — Поди же, — сказал ему авва Ор, и делай то, что делаю я. — В чем состоит твое делание, Отец? — спросил его авва Сисой. Старец сказал: «Я вижу себя хуже всех людей» (*Алфавитный Патерик*).

Если человек достигнет того состояния, говорил Пимен Великий, о котором Апостол сказал «вся чиста чистым» (*Тит. 1, 15*), то увидит, что он хуже всякой твари. Брат спросил старца: «Как могу думать о себе, что я хуже убийцы?» Пимен отвечал: «Если человек дойдет до состояния, указанного Апостолом, и увидит человека, сделавшего убийство, то скажет: он однажды сделал этот грех, а я убиваю себя ежедневно». Брат пересказал слова Пимена другому старцу. Старец отвечал: «Если человек дойдет до состояния такой чистоты, и увидит грехи брата, то праведность его поглотит этот грех». Брат спросил: «Какая праведность его?». Старец отвечал: «Всегодашнее обвинение себя» (*Алфавитный Патерик*).

Вот истинные слышатели и творцы Закона евангельского! Изгнав из сердец своих осуждение и соблазн, они исполнились святой любви к ближнему, изливая на всех милость, и милостию врачуя греш-

ников. Сказано святыми Отцами о великом Макарии Египетском, что он был как бог земной, — с таким могущественным милосердием сносил он недостатки ближних. Авва Аммон, вникая непрестанно в себя и обличая душу свою в ее недостатках, пришел в глубокое смирение и святую простоту. От множества любви к ближнему, он не видел в нем зла, забыл о существовании зла. Однажды привели к нему — так как он был епископом — девицу, зачавшую во чреве, и сказали: «такой-то сделал это, наложи на них эпитимию». Аммон, знаменав крестом чрево ея, велел ей дать шесть пар полотен, сказав: «Когда придет ей время родить, не умерла бы она сама, или дитя ея, и было бы в чем похоронить их». Обвинявшие девицу сказали ему: «Что ты делаешь? наложи на них эпитимию!». Он отвечал: «Братия! она близка к смерти! что ж делать с нею?» — и отпустил ее. Пришел однажды авва Аммон в некоторое местопребывание иноков, чтобы разделить с братиею трапезу. Один из братии того места очень расстроился в поведении: его посещала женщина. Это сделалось известным прочим братиям; они смутились и, собравшись на совещание, положили изгнать брата из его хижины. Узнав, что епископ Аммон находится тут, они пришли к нему, и просили его, чтоб и он пошел с ними для осмотра келлии брата. Узнал об этом и брат, и скрыл женщину под большим деревянным сосудом, обратив сосуд дном кверху. Авва Аммон понял это, и ради Бога, покрыл согрешение брата. Пришедши со множеством братий в келлию, он сел на деревянном сосуде и приказал обыскать келлию. Келлия была обыскана, женщина не была найдена. «Что это? — сказал авва Аммон братиям. — Бог да простит вам согрешение ваше».

После этого он помолился, и велел всем выдти. За братиею пошел и сам. Выходя, он взял милостиво за руку обвиненного брата, и сказал ему с любовью: «Брат! внимай себе!». Так святой Аммон удалялся от осуждения кого-либо, и врачевал грешников, смягчая милостию сердца их, приводя милостию к покаянию.

Сколько Господь отводит нас от пропасти соблазна и осуждения; сколько истинные рабы Господни удаляются от этой страшной, губительной пропасти: столько, напротив того, диавол влечет нас в нее, прикрывая ее различными оправданиями. Одно из сатанинских оправданий есть безрассудная ревность, принимаемая многими за ревность по благочестию, за святую ревность. «Человек, водимый безрассудною ревностию, — говорит святой Исаак Сирский, — никогда не возможет достигнуть мира мыслей. Чуждый же этого мира, чужд радости. Если мир мысли есть совершенное здравие, а ревность противна миру: то имеющий ревность лукавою, недугует великим недугом. О человек! полагая, что разжигаешься справедливою ревностию против чужих недостатков, ты отгоняешь здравие души твоей. Потрудишься, потрудишься о здравии души твоей! Если же желаешь врачевать немощных, то пойми, что больные нуждаются более во внимательной заботливости, нежели жестокости. Притом, в то время, как не помогаешь другим, себя ввергаешь в тяжкую болезнь. Такая ревность в человеке принадлежит не к признакам премудрости, но к недугам души, к недостатку духовного разума, к большому невежеству.

Начало премудрости Божией — тихость и кротость, качества великой и крепкой души, являющиеся

в ней от основательного образа мыслей, и носящие немощи человеческие» (*Слово 89*).

Грех соблазна и осуждения так удобен к погублению человеков и потому так возлюблен диаволу, что он не довольствуется возбуждением в сердце нашем ревности лукавой и чуждой евангельского разума, возбуждением гордостных помыслов, соединенных всегда с уничижением и презрением ближнего; но устраивает и явные козни для уловления невнимательных в соблазн и осуждение. Авва Пимен говорил: «В Писании сказано: «яже видеста очи твои, глаголи» (*Прит. XXV, 8*). Но я советую вам не говорить даже и о том, что осязали вы своими руками. Один брат был обманут таким образом: представилось ему, что брат его грешит с женщиною. Долго он боролся сам с собою; наконец, подошедши, толкнул их ногою, думая, что это точно они, и сказал: полно вам, долго ли еще? Но оказалось, что то были снопы пшеницы. Поэтому-то я и сказал вам: не обличайте, если даже и осязаете своими руками» (*Алфавитный Патерик*).

Грех осуждения так противен Богу, что Он прогневляется, отвращается от самих угодников своих, когда они позволяют себе осуждение ближнего: Он отъемлет от них благодать Свою, как это видно из многочисленных примеров, сохраненных церковными писателями для пользы и назидания христианских поколений. Никакая праведность не дает права осуждать грешащего брата, которому Господь весьма удобно может даровать праведность существенную, несравненно большую той, которую мы думаем находить в себе. Мы можем быть праведными собственно правдою Божиею; когда же осуждаем ближнего, то этим самым отвергаем правду Божию, заменяем ее правдою своею, или правильнее, недугом фарисейства. Осуждающий ближнего восхищает сан Бога, Которому Единому принадлежит суд над тварями Его,—восхищает сан Христа, имеющего судить живых и мертвых в последний день (*Житие преп. Василия Нового, март, 26 день*).

Дивный Иоанн Савваит поведал о себе: «в то время, как я жил в пустыне невядалеке от монастыря, пришел брат из монастыря навестить меня. Я спросил его: «Как живут отцы и братия?»—«Хорошо, за твои молитвы»,— отвечал он. Потом я спросил об одном из братии, о котором ходила худая молва. Он отвечал мне: «Поверь, отец, этот брат продолжает жить по-прежнему». Услышав это, я сказал: «Ох!»—и немедленно пришел в исступление. Я увидел себя стоящим пред Голгофою во Иерусалиме. Господь наш Иисус Христос стоял на Голгофе между двумя разбойниками. Я устремился на поклонение Ему. В это время—вижу—Господь обратился к предстоявшим Ему Ангелам, и сказал им: «Выгоните его вон, потому что он в отношении ко Мне антихрист: предваряя суд Мой, он осудил брата своего. В то время, как

С.-Петербург. Новодевичий монастырь
(Московский пр., 100).

изгоняли меня, и я выходил из дверей, запуталась в них моя мантия, и была удержана ими. Там я оставил ее. Немедленно пришедши в себя, я сказал посетившему меня брату: «Лют для меня этот день». Он спросил: «Почему так, отец?». Я поведал ему виденное мною, присовокупив, что снятая мантия означает отнятие от меня покрова Божия и помощи Божией. С этого дня я углубился в пустыню, и скитался в ней в течение семи лет, не употребляя хлеба, не входя под крышу и не беседуя ни с кем из человеков. По прошествии этого времени я снова увидел Господа: Он возвратил мне мантию мою (*Алфавитный Патерик*).

Братия! будем внимательны к себе! Потщимся очистить себя не только от страстей телесных, но и от страстей душевных, от тщеславия, неверия, лукавства, зависти, ненависти, сребролюбия и прочих подобных недугов, которые движутся и действуют повидимому в одной душе, без участия тела, и потому называются душевными. Сказал я «повидимому»: они имеют влияние и на тело, но тонкое, не для многих приметное и постижимое. При внимании себе и при очищении себя от этих страстей, насеется постепенно в нас любовь к ближнему, а от нее ослабеет и уничтожится чувство соблазна на ближнего и осуждение его. Будем непрестанно помнить, что нет правды, угодной Богу, вне нищеты духа. Будем оправдывать ближних, а осуждать себя, чтоб Бог даровал нам благодать и милость Свою, которые Он дарует единым смиренным и милостивым. Аминь.

Е. Игнатий, соч. т. 1, стр. 422—427.

Свящ. Анатолий Жураковский

БЛАГОДАРИМ ГОСПОДА

В жизни каждого человека бывают такие мгновения, когда внезапно воскресает в памяти вся жизнь. В один миг проносятся в сознании долгие прожитые годы, годы печалей и радостей, годы трудовой борьбы, мгновения восхождений и падений, восторгов и отчаяния — все воплощается тогда в душе в едином мгновении, в одной точке времени.

В эти минуты со дна души встает, вырастает самое затаенное, самое сокровенное, что-то такое, чего сам человек в себе не знал и не видел. И даже в каком-то страшном предчувствии самое будущее поднимает тогда свою завесу, и человек как будто видит свои грядущие судьбы, прозревает то, что ожидает его там, впереди.

Трудно, невозможно рассказать другому об этих минутах. Нужно было бы говорить многие часы, многие дни, рисовать перед сознанием другого целые вереницы событий, воспоминаний, и все-таки самое главное, самое важное осталось бы и нерассказанным, и непонятым.

Таковыми минутами, когда время как будто бы свивается, сосредотачивается в одной точке, являются мгновения, когда совершается Божественное Таинство, когда возглашается в храме Евхаристический канон, когда священник читает перед престолом молитву святого возношения, так наз. анафору.

Ведь все так называемые молитвы Евхаристического канона со всеми их возглашениями и с ответами ликов на эти возглашения составляют одну молитву, и эта молитва есть самое великое, самое таинственное в христианском богослужении. Это живое сосредоточие, сердце сердец христианской жизни.

В миг, когда возглашается анафора, проходит перед сознанием верующих, раскрывается перед благоговейными взорами «желающих проникнуть» к таинству ангелов целая жизнь. Но это не маленькая жизнь одного маленького человека, это жизнь всей вселенной, всего космоса от первого мгновения, когда прозвучало творческое «да будет» и до последнего страшного дня, когда «времени уже не будет», и откроется бездна вечности от светоносных ангельских сфер и до последнего атома, до последней пылинки, затерянной в бесконечных просторах мироздания. Все собирается здесь, все смыкается в этой молитве, в этих таинственных и тайносовершительных глаголах.

В церковной сокровищнице, в церковном богослужении немало таких моментов, в которых церковь обращается к Богу от лица одинокой, верующей души. Вслушайтесь в молитвы и песнопения постной триоды или октиоха, и там, и здесь часто говорит

церковь в первом лице... Я, меня, мои прегрешения, моя жизнь, моя нужда. Как будто кто-то подслушал и воплотил в эти неумирающие слова самую затаенную боль, самую несказанную надежду одинокого человеческого сердца, в его сокровенных неведомых ни для какого постороннего взора, глубинах.

Не то в божественной литургии. Здесь молится церковь не от лица отдельной верующей души, но от лица всей Церкви. Здесь нет этих «я», «мое», «моя», здесь постоянно звучит — мы, наше. — Потому Литургия и называется литургией, т. е. общим делом, что здесь в ее главном тайносовершительном моменте, маленькое человеческое сердце перерастает, разбивает узкие грани своей самозаклученности и сливается воедино с бесконечным сердцем вселенной, бьется с ним единым биением. И когда священник произносит святыя слова, то в его слабом и немощном голосе сливаются воедино голоса бесчисленных ангельских ликов, голоса всего возрожденного человечества, голоса всей спасенной твари, всего, что потонуло в прошедших тысячелетиях, и что еще должно открыться в даях грядущего.

Каково же внутреннее содержание, внутреннее настроение этих великих мгновений, открывающихся в каноне святой Евхаристии?

Ведь наши переживания так различны, так непохожи друг на друга. Минуты скорби сменяются минутами утешения, восторг переходит в отчаяние, грусть, уныние, покаяние, радость, — все это проносится в нашей душе, окрашивает своим цветом наш опыт.

Каковы же по своему внутреннему содержанию, по своему настроению эти мгновения, величайшие мгновения литургии, мгновения анафоры, Евхаристического канона. Если нужно выразить их содержание совсем кратко, одним, двумя словами, то эти два слова будут — благодарение и славословие. Печаль, просьба, скорбь, раскаяние, все то, что живет и трепещет в нашей душе, что так часто поет и звучит в церковных молитвах и песнопениях, все умолкает здесь и остается только один восторг, одна хвала Творцу миров, одно умиление души, глянувшей в вечность.

И когда возникает вопрос о том, печально или радостно христианство, пессимистично оно или оптимистично, благословляет оно или проклинает жизнь, достаточно вспомнить об анафоре, этой величайшей молитве христианства, воплотившей в себе самую его душу.

Она, эта молитва, сплошной гимн, славословие, хвала, благословление.

В разных литургических чинах, дошедших до нас, анафоры различны во многом, слова Евхаристического канона далеко не тождественны, но всюду и всегда благодарение занимает первое место, проникает собою каждое слово молитвы, все пронизывает собою. И исследователи канона соглашались в том, что благодарение, хвала и славословие составляют его существенную первоначальную часть.

Да ведь и само священнодействие называется не иначе как-нибудь, а именно Евхаристией, что значит благодарение.

К каждому важному моменту литургии Церковь особым образом подготавливает молящихся словами диакона или просвитера. Так, перед «входом», важнейшим священнодействием вечера, диакон возглашает «премудрость, прости», т. е. — вот открывается премудрость, будем стоять прямо. Перед чтением апостола тоже возглашения и еще чтение прокимена. Чтение Евангелия предваряется торжественным аллилуарием и особой молитвой...

К Евхаристическому канону, к величайшему моменту богослужения церковь подготавливает верующих особыми благословениями, особыми призывами.

Диакон возглашает — станем добре, станем со страхом святое возношение в мире приносить, т. е. будем стоять хорошо, стоять со страхом (а не с ужасом, от которого замирает душа, а именно со страхом или опасением, как бы что не помешало достойному участию в тайне Божией), чтобы в мире приносить святое возношение».

Верующие отвечают на этот призыв готовностью приносить «милость мира, жертву хвалы». Чтобы понять смысл этих слов, надо знать, что в древнейших литургических чинах, например в литургии ап. Иакова здесь вместо слов — милость мира, стоит елей мира. Можно думать, что «милость мира» — это позднейшая неточность, первоначально же стояло именно — елей мира. Ведь елей был именно одним из тех веществ, которые верующие приносили к алтарю, как дар, в то же время он был символом мира. Значит, верующие своими словами исповедывали готовность приносить Господу дар мира и дар жертву хвалы. Ведь и апостол заповедует верующим приносить Богу жертву хвалы, т. е. плод уст. прославляющих имя Его (*Евр. XIII, 15*).

Священник обращается к молящимся вместо обычного — мир всем, — с молитвенным апостольским призывом Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца и причастия св. Духа буди со всеми нами. — И склонив голову принимает от верующих ответный дар их любви — и со духом твоим.

И снова призывает священник — к горю имеем сердца, — т. е. будем иметь сердце к небу, горе. И верующие исповедуют свою готовность — имамы ко Господу — т. е. имеем ко Господу. Это великое обещание, великий обет, это исповедание своей отрешенности от земного и совершившегося уже в сердце восхождения в горния. Как нужно нам в этот момент опасаться того, чтобы не сказать неправды перед Лицом Божиим, не оказаться лживыми перед самым святым возношением. А так именно и будет, если сердце наше вопреки нашим словам будет не в горних, а в дольних. «Что творишь, о брат мой, — говорил некогда св. Ефрем Сирин. — Не обещался ли, верно горе иметь сердце и не страшишься ли в час сей обретаться лживым.»

И, наконец, последний призыв священника — благодарим Господа — будем благодарить Господа. Вот что нам предлежит совершать — благодарить. Благодарение — вот наше служение, вот наша жертва.

Благодарение... Славословие... Хвала... радость, восторг.

Но ведь они бывают различны, не похожи друг на друга.

Тихим, ясным, летним утром выходим мы в сад. И в прозрачной тишине, в свежести покрытой росой зелени, в аромате струящихся благоуханий, в трепете первых солнечных лучей, растворяется, тает, исчезает куда-то, бесследно и безвозвратно, всякая грусть, всякая печаль, мы забываем о всем скорбном, и зло кажется нам призрачным и несуществующим.

На душе только восторг, только радость, только хвала.

Это славословие, это благодарение.

Но есть другое благодарение, другое славословие.

Где-нибудь на дне смрадной темницы, где не умолкает человеческий ропот и не иссякает человеческое страдание, или на поле сражения, или в больнице, среди отчаяния и стонов, там нельзя забыть о скорби, нельзя отрешиться памятью от зла, — они властно напоминают о себе, обстоит кругом темными призраками.

Однако и там, среди печали, ужасов и злобы бывают минуты, когда в той или иной душе неожиданно вырывается наперекор хулениям и проклятиям гимн хвалы и благодарения...

Не похожи друг на друга хваления и славословия человеческие.

Еще не знающий всей тяготы, всего мрака жизни юноша слагает свое благословение жизни, свой гимн радости и слова этого гимна полны наивным неведением, пламенной уверенностью в силу добра и красоты, в незыблемость и прочность того, что называется счастьем и довольством.

Но вот наш великий писатель, переживший мгновения, когда он стоял на эшафоте лицом к лицу со смертью, обреченный потом на годы каторги, заглянувший в самую бездну человеческого страдания и человеческого преступления, принес оттуда, из этих страшных недр, слова благословения жизни и Богу, пропел свою «осанну», но в этой «осанне» прозвучало и звучит для мира не наивность неведения, а торжество победы и преодоления.

Великий святитель, оставивший Церкви и миру непревзойденный пример любви к Единому Чистому и Непорочному, переживший всю полноту возможного для человека несчастья и телесные болезни и скорби, и изгнания, и одиночество, ненависть врагов, малодушие и измену друзей, крушение любимого дела, видевший мерзость запустения, воцарившуюся на святом месте, как свой последний дар миру и Богу, оставил свои произнесенные в минуты смерти слова, величайшие из всех сказанных им — Слава Богу за все.

Именно таков и гимн христианства, таковы его хвалы и его славословие.

Христианству чуждо наивное неведение, легкомысленная недооценка зла и его силы. Вопреки многим другим религиозным системам, считающим зло за что-то случайное, поверхностное, за какой-то внешний количественный недостаток добра, христи-

анство усматривает во зле какую-то реальную силу, яд отравляющий собою глубины бытия, подтачивающий древо жизни у самого его корня. Христианство учит о реальном существовании диавола с его легионами, оно открывает тайну первородного греха, оно говорит, что «мир во зле лежит» и что «все, что в мире — похоть плоти, похоть очей, гордость житейская».

И все же, несмотря на все это христианство — религия радости, света, несущая в себе благословение жизни. Она открывает миру глубину зла и страдания, но она вместе с тем указывает путь к преодолению их. Оно утверждает, что зло побеждено, что смерть поправа смертью, оно — религия искупления и воскресения.

В его лучах сияет миру Лик Начальника Жизни, Спасителя, Воскресителя, Первенца из мертвых.

Евхаристический канон, анафора, это величайшая молитва христианства говорит о преодоленном зле и торжествует над ним победу. В мгновение, когда совершается таинство, мы как будто бы заглядываем в самую глубину мировой катастрофы, как будто бы созерцаем неизбежную гибель мира, но неожиданно в чуде божественной любви, в таинстве голгофской жертвы, мрак становится светом, и вместо гибели открывается спасение.

Так из горнила тысячелетних страданий человечества, заглушая стоны и ропот веков, несется к престолу Божию все покрывающее и все заглушающее «о с а н а».

«Достоин и праведно Тя пети, Тя благословити, Тя хвалити, Тя благодарити...»

«Благодарим Тя... о всех их же вемы и их же не вемы, явленных и неявленных благодеяниях, бывших на нас...»

«Твоя от Твоих, Тебе приносяще о всех и за вся...»

«Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим...»

Понять смысл Литургического канона это и значит открыть, продумать начертанный в нем путь от бездн мировой гибели через Голгофу и крест к Воскресению и обожествлению спасенного человека и твари.

Но прежде чем продумать и совершить мысленно этот путь, надо понять и усвоить твердо: — это путь торжества и победы, анафора, это гимн хвалы и благодарения.

Патмоский тайнозритель рассказывает в своем откровении о пронесшихся перед ним видениях, и как страшны порою эти видения. Перед ним открываются грозящие миру ужасы, тайны семи печатей, семи труб, семи чаш, из которых каждая заключает в себе целое скопище язв и страданий. Он видит зверя, выходящего из бездн, и его лжепророков, город Вавилон — великую блудницу — мать всех земных мерзостей, видит дракона, пытающегося победить жену, облеченную в солнце.

Но высоко над ужасом этих скорбей, язв и страданий открывается иное видение там, в горних высотах. Видит он Сидящего на престоле, Держащего в деснице книгу, запечатанную семью печатями,

окруженного двадцатью четырьмя старцами и четырьмя таинственными животными с ликами льва, тельца, человека и орла виденными еще Иезекиилем при Ховаре.

«Я взглянул и вот посреди престола и четырех животных и посреди старцев стоял Агнец, как бы закланный... И Он пришел и взял книгу из десницы Сидящего на престоле и когда он взял книгу, четыре животных и двадцать четыре старца перед Агнцем, имея каждый гусли и золотые чаши, полные фимиама, которые суть — молитва святых. И поют новую песнь говоря, достоин Ты взять книгу и снять с нея печати, ибо Ты был заклан и Кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа, и племени, и сделал нас царями и священниками Богу нашему; и мы будем царствовать на земле. И я видел и слышал голос многих ангелов вокруг престола и животных и старцев и число их было тьмы тем и тысячи тысяч, которые говорили громким голосом: достоин Агнец закланный принять силу и богатство и премудрость, и крепость, и честь, и славу, и благословение. И всякое создание, находящееся на небе и на земле, и под землею и на море, и все, что в них, слышал я, говорило: Сидящему на престоле и Агнцу благословение и честь, и держава во веки веков. И четыре животных говорили: аминь. И двадцать четыре старца пали и поклонились Живущему во веки веков» (Откр. V, 6—14).

Исследователи говорят справедливо о каком-то таинственном соответствии апокалиптических видений и литургического чуда.

Престол... Сидящий на нем Тот, к Кому возносятся молитвы... Агнец, как бы закланный... Окружающие престол старцы и ангельские сонмы... Здесь как будто открывается перед нами какая-то небесная Евхаристия, воплощающая в себе таинственный смысл мировой истории. Таково, по-видимому, значение этого возносящегося над мировым хаосом видения.

Не живем ли мы теперь в мире каких-то страшных апокалипсических призраков. Они обступают нас отовсюду, принимают гигантские размеры, заставляют трепетать испуганные сердца.

Но превыше всех этих ужасов там, где совершается литургия, в час Евхаристического чуда, там иное видение.

Престол... Сидящий на нем Тот, к Кому направляется Агнец, как бы закланный... Старцы и ангельские сонмы окрест престола...

Там торжество вечной правды, там волны несказанного света...

И заглушая вопли несущихся от земли к небу хулений, проклятий, ропота и стонов звучат слова хвалы и славословия «достоин и праведно Тя пети, Тя благословити, Тя благодарити».

И земной гимн сливается с гимном небесным «Сидящему на престоле и Агнцу благословение и честь, и слава, и держава во веки веков».

И земному «Аминь» вторят голоса тьмы тем и тысячи тысяч ангелов, голоса всей твари и всякого создания...

ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТИЯ

Н. А. Яковлев

РЕКОНЬСКИЙ ПУСТЫННИК

Вера без дел мертва (Иак 2, 26)

История Русского Православия знает немало подвижников, уходивших в глухие леса окраин России и стяжавших неустанными молитвами и тру-

дами славу истинных радетелей за нашу Отчизну. Там, где когда-то рубились первые кельи и церковь, вырастали монастыри и города, крепла Вера. Мы помним имена Кирилла Белозерского, Зосимы и Савватия Соловецких, Артемия Веркольского, Александра Свирского и многих, многих других. Но мало кто знает в наши дни о жизни удивительного человека, который не тогда, много столетий назад, а сравнительно недавно, в прошлом веке совершил подобный подвиг. Имя этого человека, воссоздавшего центр Православия в далеком Тихвинском уезде, — Свято-Троицкий Реконьский монастырь — Андрей Иванович Шапошников, или как чаще его называли — старец Амфилохий. В свое время, жизнь его была хорошо известна в Петербургской и Новгородской губерниях. Сейчас, когда после долгих темных лет забвения возвращаются святые для нас имена и судьбы, пришла пора поведать и о Реконьском пустыннике.

О своем происхождении и годах, прожитых до прихода в Тихвинский край, старец рассказывал всегда очень скупно. Известно лишь, что родом он был из Риги, по происхождению, вероятно, латыш (это замечалось знавшими старца по выговору). Отец Амфилохия, причетник в лютеранской кирхе, готовил и сына к церковной службе. Но Господь, определив юноше другое предназначение, просветил его разум светом Православия, и тот, после многочисленных встреч и бесед с русскими священниками, перешел в лоно Православной Церкви. Считается, что именно тогда, при крещении, он получил имя своего восприемника — Андрея Ивановича Шапошникова. Проводившееся в Тихвине с 1831 по 1839 год дознание установило личность настоящего обладателя этого имени — псковского мещанина, к старцу никакого отношения не имевшего. Опасаясь насильного возвращения к лютеранам, Шапошников так и не открыл своего подлинного происхождения.

В других свидетельствах авторы, отмечая образованность и знание старцем военной службы, считали его дворянином, удалившимся от мира в 1812 году, когда во время войны можно было достать паспорт. Так ли это было — неизвестно.

Остался неизвестным и точный год его рождения. Уже на склоне жизни отец Амфилохий писал в ноябре 1855 года в прошении императору Александру II: «...находясь в преклонных летах — около 85 лет...». По этому единственному документу, в котором старец сам указывает свой возраст, можно предположить, что родился он около 1770 года. Некоторые свидетельства подтверждают эту дату. Например, настоятель Тихвинского Успенского монастыря архимандрит Владимир (Кобылин), видевший отца Амфилохия в 1855 году, отметил: «...теперь ему около 90 лет». В большинстве других источников назывались более ранние годы рождения; и в 1865 году, после кончины подвижника, на надгробной плите было начертано: «...от роду ему было более 120 лет».

После ухода из отчего дома в Россию приходилось Андрею и крестьянствовать, и торговать, и батрачить. Он много странствовал по святым местам Земли Русской, был на Афоне, а по утверждениям некоторых и в Иерусалиме. Последние годы перед приходом в Тихвин он провел в многочисленных обителях Новгородской епархии, ненадолго задерживаясь в каждой из них. Около года он прожил в Спасо-Оскупской пустыни («У Спаса во мхах» Новгородского уезда) с отшельником Емельяном. Известия о подвигах двух пустынников стали распространяться среди окрестных жителей, и старцы, искавшие уединения, ушли из монастыря.

В 1812 году жажда поклониться Тихвинской иконе Божией Матери, святыне нашего Северо-Западного края, привела Шапошникова в Тихвин. Здесь живший при Успенском Большом монастыре блаженный Борис посоветовал ему сходить в Реконь — «чудное место» в 40 верстах от города, где находилась древняя Троицкая пустынь. Ко времени прихода туда Шапошникова пустынь представляла собой одну деревянную Троицкую церковь, стоявшую на берегу реки в окружении бескрайних лесов и болот. Ни келий, ни даже их фундаментов нельзя было отыскать в буйной растительности. О седой старине говорили лишь оплывшие могильные холмы усопшей братии. Кем и когда была основана обитель не знал никто. Известно было только, что в давние времена на берегу Реконьки зашедшим в глухие леса охотникам явилась на камне икона Святой Живоначальной Троицы. Весть об этом чуде и многочисленных исцелениях, совершавшихся от иконы, разнеслась по окрестностям, и на месте обретения Святого образа был построен скит. Здесь находили приют, а потом и место вечного упокоения истинные ревнители христианского благочестия, спасавшиеся от соблазнов грешного мира, молитвенники за родную землю. Легенды говорили, что первые отшельники появились в Рекони еще в XIII веке. Скорее всего, эти события произошли позже — в XV—XVI веках, когда вокруг Тихвина возникали и другие обители — Троицкая Ругуйская, Антониево-Дымская. В Рекони же сохранившаяся Троицкая церковь была срублена в 1672 году и, как свидетельствует надпись на закладном кресте, освящена в уже существовавшем монастыре по благославлению Преподобного Питирима митрополита Новгородского в 1676 году строителем Арсением. К тому же времени — царствования Алексея Михайловича — относятся самые ранние документальные упоминания Реконьской пустыни в описях и переписных книгах. Есть несколько косвенных подтверждений

древней истории обители — два Евангелия 1607 и 1631 годов, «весьма ветхих по причине частого использования причтом» и сама явленная икона Троицы, которая по описанию видевших ее была «писана по левкасу дикими красками... древнее церкви». В документах 1862 года автор определяет икону как греческого письма, причем указывает, что из трех Ангелов изображение лишь одного осталось неповрежденным. Мгла, опустившаяся на нашу землю уже в этом веке, поглотила безвозвратно святыни Реконьской пустыни. Сквозь войны и лихолетье чудом сохранился до сегодняшнего дня только Троицкий храм — он находится сейчас в Витославицах — Новгородском музее деревянного зодчества.

В 1685 году по грамоте Новгородского митрополита Корнилия Реконьская пустынь была приписана «...с 13 душами крестьян и 2 четвертями земли» к Тихвинскому Успенскому монастырю. По описи в ней значились в те годы: «церковь, две кельи да конюшен коровий двор ...святые воротцы покрыты тесом». Позже были построены «келия строителская деревянная с сенями... анбарец хлебный», «...все сие строение самое ветхое». По штатам 1764 года монастырь был упразднен и обращен в приходскую церковь. Собственных прихожан не было, но в храмовый день к Божественной службе собиралось «довольно богомольцев... из жителей ближайших селений и из отдаленных мест России» поклониться чудесно явленному образу. Служба совершалась священниками соседних погостов или монашествующими из Тихвина.

При храме жил только пономарь Михаил Захаров, у которого и попросил приюта Шапошников по приходе в Реконь. Уединенность пустыни, ее недоступность для праздных людей и удивительная тишина, царившая потому в необозримых лесах и болотах вокруг, пленили раз и навсегда сердце подвижника. Здесь он мог всего себя отдать на особое служение Богу — пустынножительство.

Насколько это было в его силах, старец помогал хозяину по дому и огороду, но большую часть времени проводил в молитвах в церкви или в лесу, куда он надолго уходил. Известия о таком благочестии разнеслись по окрестностям, и в Реконь стали приходить крестьяне отдохнуть душой рядом с ним, помолиться, да и посоветоваться о своих бедах и горестях, благо старец, выдавший многое в странствованиях и многоопытный, давал всегда дельный совет. Уже тогда крестьяне полюбили подвижника, считали его покровителем и просили благословения на уборку и другие сельские работы, замечая, что без этого дела не удаются.

Казалось, старец нашел после долгих лет лишений покой и отдых, но и здесь, в пустыни, ему пришлось невинно пострадать. В 1814 году местные власти, заинтересовавшись поселившимся в Рекони странником и не обнаружив в городском Духовном правлении паспорт, оставленный там Шапошниковым, вызвали его в Тихвин. Здесь его обвинили в бродяжничестве и, до выяснения подлинного звания и имени посадили в тюремный замок, где он провел 9 месяцев. Но старец не унывал, понимая, что все совершается Божьим соизволением, много молился и не только сам. В полночь и рано утром он поднимал узников и уговорами, а когда и насильно, убеждал помолиться Создателю. Сначала заключенные оказывали всяческое сопротивление, но потом вразумившись, настолько полюбили старца, что, когда того отпускали

из тюрьмы, не хотели с ним расставаться. Своим мужественным поведением в тюрьме, беседами-проповедями, наставляющими на праведный путь заключенных и, конечно, известиями об отшельничестве в Рекони Шапошников привлек к себе внимание церковного начальства, и через некоторое время был освобожден.

По некоторым сведениям именно тогда он пишет первое прошение императору Александру I с просьбой разрешить поселиться при Реконьской церкви в качестве сторожа. Документальных подтверждений этому нет. Но освобождение после столь серьезного обвинения в бродяжничестве, за что его могли сослать в Сибирь, говорит о высоком покровительстве, а, возможно, и последовавшей в ответ на прошение Шапошникова Высочайшей милости.

Воспринято это было как чудо, и, полный радости, старец вернулся в Реконь. Но здесь его ждала неожиданность. Пономарь Михаил Захаров, опасаясь наказания за укрывательство беспаспортного, прогнал Шапошникова от себя. При этом он не позволил старцу даже жить где-нибудь поблизости, и тот с посохом и котомкой, как и три года назад, стоял уже на Новгородской дороге, когда крестьяне соседней деревни Заозерье задержали его. Они предложили старцу поселиться в нескольких верстах от церкви, на сопке, вырыли ему землянку. Рядом с ней был водружен большой деревянный крест. По кончине пономаря старец возвратился в Реконь, теперь уже надолго.

В 1816 году по дозволению Новгородского епископа Амвросия он был «определен на вечное при той пустыне жительство», ему же поручили и смотрение за церковью. Старец принялся ревностно выполнять новые и, безусловно, приятные его сердцу обязанности. Он высказывает недовольство о том, что соседние приходы «лгся на церковное имущество... разоряют пустынь», пытаясь вывезти колокола и утварь. Сам Шапошников, наоборот, принимал всяческое участие в исправлении и починке ветхой уже тогда Троицкой церкви.

Именно в те годы, проживая сначала в землянке на сопке, а потом при церкви, Шапошников положил начало своему первому подвигу — подвигу пустынножительства. Со смирением он принял все тяготы бытия в полузаброшенной пустыньке. Лишение себя элементарных удобств было не вынужденным подчинением суровым условиям жизни. Это была продуманная система умерщвления плоти, любых мирских, а значит греховных, желаний для постижения истинного Богопознания. Удаляясь в пустынь, старец не искал земной славы, тем более мы, спасенные его молитвами и заступничеством перед Создателем, обязаны воздать должное подвигу его.

Сохранилось много достоверных описаний, а также и легенд о его праведной жизни. Следуя примеру древних отшельников, старец всячески умерщвлял свою плоть. Еще до прихода в Реконь он обморозил на Ильмень-озере ногу, и, несмотря на то, что ступня постоянно болела, не лечил ее, а, наоборот, до сильных морозов ходил часто босым. В своей землянке, потом в домике рядом с церковью почти никогда не топил печь; при этом он и дома бывал редко, удаляясь в лес, а чаще в самые топкие места болот для молитвы и размышлений. Зимой, когда пустынь отрезывало глубокими снегами от всего остального мира, старец на долгие месяцы оставался

в Рекони один. Питался он очень скудно, довольствуясь плохо пропеченным хлебом, овсянкой, а чаще грибами, ягодами, кореньями и даже корой и мхом. Хлеб он пек сам. Одевался скромно, и грела старца больше не одежда, а удивительная душевная сила, которая таилась в его щедедушном теле. Эта сила сохранила старца и от искушений и козней лукавого: то дверь в жилище старца открывалась в самые лютые морозы, то некто в человеческом обличье появлялся рядом во время молитвы старца и уверял, что он неверно справляет службу. Старец уходил на болото, но и там ему слышались крики, насмешки, угрозы. Из жизни Святых Отцов мы знаем подобные случаи, знал их и старец и всегда обращался с проникновенной молитвой к Господу, Царице Небесной и находил у них поддержку.

Первое время жительства в Рекони Шапошников, конечно, не решался уходить далеко в бескрайние лесные дебри тихвинских лесов. Громадную опасность представляли и моховые болота с бездонными окнами. Но, постепенно освоившись, он уже не боялся ни зверей, ни мрачного безмолвия лесной чащи и надолго уходил в самую глушь для уединенной молитвы. В своих воспоминаниях келейник старца приводил его слова: «Леса были огромные, срублю сухое и полое дерево, зажгу и горит оно неделю и две».

Даже проживая в домике у Троицкой церкви, старец изнурял себя всячески: спал очень мало, да и сон не приносил ему покоя, так как ложе было из досок, а под голову он подкладывал камень. Становясь на молитву, а молился старец с 12 ночи до 7 утра и несколько часов днем, он подсыпал под колени песок. И, наконец, самыми мучительными для него, старого и больного, были железный обруч, надеваемый на голову, проволоочная срачица и тяжелые вериги.

Несмотря на то, что старец никогда не показывал своих христианских добродетелей публично, о его чистой и светлой жизни знали. Ближайший его духовный друг в Тихвинском Успенском монастыре иеромонах Мартирий (известен своей благочестивой жизнью также под именем Петр из Грузин, впоследствии строитель Филиппо-Ирапского монастыря) предложил Шапошникову тайно постричься. И 26 августа 1822 года его облекли в иноческий чин с малым пострижением, переименовав в Андриана. 25 ноября 1832 года старец был облечен в схиму. При этом он получил имя Амфилохия. Так как пострижение было тайным, то внешне старец ничем его не проявлял, по-прежнему одеваясь в свое мирское рубище. Лишь избранным он открывал истинное состояние. Поэтому и во многих документах вплоть до самой кончины он фигурирует в основном как А. И. Шапошников, а не как схимонах Амфилохий.

Но Божий Промысел готовил старца к совершению второго подвига — подвижнического, благодаря чему имя Амфилохия навечно останется в летописях церковной истории Северо-Западной России. Узнав о бывшем когда-то в Рекони монастыре, старец проникся идеей восстановить его. По словам Амфилохия, тогда же во сне ему явился преподобный Александр Свирский и обязал его хлопотать об этом. Интересно, что в дальнейшем события развивались настолько необычно, что рассказ старца не вызывает сомнений. Только покровительством Святых угодников можно объяснить счастливое окончание этой

истории. Желание старца и начавшиеся хлопоты удивительным образом совпадают с неожиданно всплывшим в Тихвинском уездном суде фактом того, что почти 2 тысячи десятин земли, отписанные Реконьской пустыни по Генеральному межеванию 1783 года, вследствие ряда недоразумений и бюрократических манипуляций не только перешли в Казенное ведомство, но и были отданы в частное владение, а затем, после продажи, перешли совсем в третьи руки. Суд определил пустыни лишь малую часть из когда-то принадлежавших ей земель. Но отец Амфилохий «...по делу Реконьской пустыни объявил неудовольствие, так как определение сделано незаконно». Воспользовавшись этим, старец подает апелляцию, в которой требует не только вернуть отнятое, но и восстановить монастырь. В своих хлопотах Амфилохий встречает как помощь, так и противодействие. После подачи прошения императору Александру I он едет в Новгород, в Губернский суд, возвращается в Тихвин и, наконец, добирается до Петербурга. Здесь ему удается заручиться поддержкой Министра Духовных дел князя Голицына, и других, известных своей христианской ревностью, людей. В Новгородской духовной консистории он получает благословление на «неослабое старание и ходатайство о принадлежащей к Реконьской пустыни земли» и удваивает свое усердие. В свою очередь, новые владельцы земельных угодий не сидели сложа руки, и их происками отец Амфилохий вторично попадает в Тихвинский острог. Врагами невинного старца было извлечено на свет старое дело о его, якобы, бродяжничестве. Решением Новгородской палаты уголовного суда от 23 декабря 1839 года постановлено было «Шапошникова... сослать как бродягу в

Сибирь». Только преклонные годы спасли его от наказания плетьюми.

Но Господь Бог, подвигнув Своего избранника на подвижничество, не оставил его Своей милостью. Содержание посланного еще в 1837 году и не попавшего по назначению прошения императору с изложением всех злоключений старца стало известно Обер-прокурору Святейшего Синода Н. А. Протасову. Наведя справки по этому делу, Обер-прокурор ходатайствовал за Шапошникова перед Николаем I, и тот не только даровал старцу свободу, но и позволил «...согласно желанию его оставить жить при Реконьской пустыни».

А через некоторое время Церковные власти Новгородской епархии по указу от 14 октября 1841 года предписали считать старца «принадлежащим Духовному ведомству».

Между тем, судебная тяжба шла с переменным успехом. По очередному решению Гражданской палаты Шапошникову опять было отказано как истцу. Тогда он весной 1854 года подает апелляционную жалобу уже в Правительствующий Сенат. Но дело не смогли разрешить и там, и только после передачи его в Государственный Совет, тяжба, наконец, завершилась в пользу монастыря и А. И. Шапошникова. Так как отдать землю, ставшую давно уже частным владением, было невозможно, то Государственный Совет Высочайше утвержденным решением от 20 октября 1858 года присудил выдать Духовному ведомству компенсацию в размере 43 тысяч рублей. 13 мая 1860 года вышел императорский указ о «назначении пустыни в самостоятельную монашескую обитель, с наименованием ее заштатным общежительным монастырем».

Вид Троицкой Реконьской пустыни.

Чудо Господне свершилось. Да и как иначе воспринимать удивительную историю торжества Православия в далеком Тихвинском уезде. Мало кто верил, что старцу Амфилохию удастся восстановить монастырь. Пример этот должен служить и нам, так как он показывает, что место, однажды прославленное явлением чудотворного образа — особое. Оно не должно принадлежать ни государству, ни частным владельцам, и право на него есть только у Церкви.

Только чудом можно объяснить неожиданное возникновение в Тихвине судебной тяжбы, и появление одновременно с этим в городе именно того человека, который смог благополучно решить ее. 40 лет тянулось дело, на троне сменилось три императора, а старец все ходил по судам, ездил в столицу и губернию, пока, наконец, не довел его до конца. Там, где другие давно бы отступили, он медленно, но неуклонно шел к своей цели. Келейник старца вспоминал: «Любимая его мысль — видеть в пустыни восстановление монастыря и братии». Окружавшие отца Амфилохия отмечали удивительную душевную силу, которой он был как бы осенен свыше и благодаря которой смиренно переносил бесчисленные лишения, тюрьму и унижения, выпавшие на долю его.

В Реконь Шапошников пришел почти 70-летним старцем. Тяжелая жизнь отшельника, конечно, наложила отпечаток на его внешность. Но и в 1855 году, когда старцу было под 90, видевший его Тихвинский архимандрит вспоминал: «...при всем том он бодр и крепок». Показывая чудеса благочестия в духовной жизни, старец в общении был очень добр и приветлив. В тех же воспоминаниях читаем: «...Шапошников разговорчив, даже весел, не высказывает ни излишней набожности, ни ханжества, ведет себя открыто и просто».

Но старец Амфилохий прославился не только своей деятельностью по восстановлению пустыни. Неустомимыми трудами по возобновлению обители в месте, определенном Богом, истязаниями плоти в глуши, благочестием и мудростью он привлек к себе внимание многих. Долгие годы, проведенные в скитаниях по всей России, опыт общения с самыми разными людьми, приобретенный во время судебной тяжбы, сделали Шапошникова блестящим знатоком человеческой души, дали право судить человека. К нему шли: «...знатные и низкие, старые и юные... миряне и иноки». Зная, что старца трудно застать дома, добирались с трудом не только в Реконь, но находили его подчас посреди топких болот, чтобы получить драгоценные совет, утешение или благословение. В изданиях о Реконьской пустыни описываются приемы, подобные тем, что делал старец Зосима в «Братьях Карамазовых» Достоевского. Когда посетители приходили вечером, Амфилохий, всегда радовавшийся им, оставлял ночевать, кормил чем мог, а утром беседовал, молился вместе с ними, одаривая теплом своего сердца. С особенною любовью он встречал сирых, больных, вдов, нищих, то есть тех, кто более всех нуждался в совете и помощи. Им старец отдавал те средства, что оставляли в пустынке ему богатые купцы и крестьяне. Библию отец Амфилохий знал наизусть, и, обладая хорошей памятью, любую беседу начинал с подходящего отрывка из Писания. Читал он с удовольствием, книги были его единственным имуществом в убогом жилище. Посетители не раз замечали, что Писание открывалось при чтении на тех местах, которые от-

носились к происходящему разговору. Приходили к старцу и для излечения, и в этом случае он помогал: молился, поил святой водой, советовал, в какую обитель, на поклонение каким мощам надо сходиться — и облегчение страдающего наступало.

За особые заслуги в пустынножительстве Господь даровал старцу Амфилохию дар прозорливости. Среди старожилов тех мест уже второе столетие передаются из уст в уста рассказы о всевозможных предсказаниях подвижника. Предупреждал он крестьян и о неурожае, о падеже скота, пожарах. Еще до восстановления монастыря Амфилохий знал, что Господь не оставит его, справедливость восторжествует. А убежден старец был, так как открылось ему видение: великолепный храм на месте ветхой деревянной церквушки. Другой раз сквозь пол церкви проросла сочная зеленая трава. Было это накануне последнего решающего суда, и старец уверенно истолковал чудесный знак успешным окончанием дела. Сохранились свидетельства предсказания баронессе Розен, что она будет править двумя жезлами. И действительно, впоследствии баронесса стала игуменьей Серпуховского монастыря и начальницей женского института. Интересно еще одно пророчество старца Амфилохия. В начале 60-х годов, когда старец начал строить новый скит близ Реконьской пустыни, он заявил, что там будет построен каменный храм. Старец надеялся дожить до этого и стал завозить на сопку камень. Предсказанию не суждено было сбыться ни в те годы, ни позже; и сейчас только ямы и фундаменты, да россыпь валунов напоминают об этих событиях. Но кто знает, быть может, теперь слова старца сбудутся? И как память о его подвигах и как знак для потомков здесь будет красоваться прекрасный храм?

21 мая 1860 года при большом стечении народа из ближних и дальних деревень, Тихвина, Новгорода и Петербурга было торжественно отпраздновано открытие Свято-Троицкой Реконьской пустыни с крестным ходом, пением канона Святой Троице и Божественной литургии в Троицкой церкви. Новый настоятель иеромонах Даниил, прежде заведовавший в столице часовой Валаамского монастыря, приехал в Реконь с тремя монахами с Валаама, посланием настоятеля Спасо-Преображенского монастыря знаменитого игумена Дамаскина и иконами, подаренными им же. Тем самым в Рекони утверждался Валаамский устав, известный как самый суровый, запрещавший любые мирские радости и предписывавший ежедневный и беспрекословный труд на благо обители. Шапошников принимает деятельное участие в закипевшей работе — надо было строить новую церковь, кельи, службы, проводить строгу. Старец, проживший в этих местах почти 50 лет, составляет подробнейшее донесение Новгородскому епископу о предполагаемой дальнейшей жизни в монастыре: статья дохода, числе монахов и послушников, возможностях каменного строительства, в том числе точно указывает, где и сколько можно произвести кирпича, где залежи глины, песка, камня, кто из окрестных помещиков поможет с известью. Но через некоторое время старец отходит от всех дел. Причинами этого были, скорее всего, две: возраст, дававший себя знать, и появившиеся разногласия с новым настоятелем. Кипучая деятельность старца, его живой, неунывающий характер, по-видимому, не устраивали Даниила, прошедшего школу сильного

руководства у Дамаскина на Валааме. Трения со старцем должны были возникнуть. Даниила вполне устраивала роль Амфилохия, как подвижника, восстановителя монастыря и, конечно, старца — духовного наставника сотен прихожан, но и только.

Между тем, слава о Реконьском пустыннике распространялась все дальше. Драгоценным подарком для него была икона, присланная с благословением от Московского митрополита Филарета. Помнил о благочестивом старце и Петербургский митрополит Исидор. Как и прежде, его келейку посещало множество народа. Вот одно из воспоминаний: «Все неудовольствия и скорби забуду после свидания со старцем... дух мой делается радостным и спокойным». Но приходили к нему и просто любопытные, надоедали пустыми беседами, и тогда старец решил удалиться из Реконьской пустыни. В 3-х верстах от нее строится сначала скит с кельей для него и послушника и маленькой церковью во имя св. Тихона Задонского. Сюда он взял только икону Знамения Божией Матери, которую считал чудотворной и никогда не расставался. Тогда же у старца возникает мысль устроить здесь особый, женский скит, и богадельню. Он начинает хлопоты, завозит строительные материалы, но и здесь сталкивается с человеческой неблагодарностью. Тихвинский архимандрит Владимир и настоятель Реконьский Даниил запрещают все работы и разгоняют живших в скиту странниц.

Уставший и больной, Амфилохий удаляется еще дальше от Рекони. В 15 верстах на сопке, окруженной со всех сторон болотом, ему рубят последнюю келью. И отсюда он несколько раз уходит в глубь леса, чтобы никто не мог помешать ему в молитвах. Старец настолько ослабел, что без сил падал, возвращаясь в скит. Келейник, обеспокоенный долгим его отсутствием, отыскивал старца и приводил его, измученного, но шепчущего Псалмы, домой к огоньку. Летом 1865 года старец слег и более уже не поднимался. Последние 30 дней жизни он ничего не ел, выпивал лишь «для утolenия внутреннего жара» по капле святую воду. После исповеди и приобщения Тела и Крови Христовых 9 августа в 7 часов вечера замечательный подвижник тихо угас. Кончина его была мирной и покойной, как и теплый августовский вечер за дверьми кельи. Старец ждал будущую смерть с радостью, ибо жил праведно и не боялся возмездия в загробной своей судьбе.

Прах отца Амфилохия был перенесен в монастырь. На следующий день после погребения над могилой была устроена часовня. Через несколько лет в Реконьской пустыни развернулось грандиозное строительство. На пожертвования и вклады благочестивых людей были возведены пятиглавый Троицкий собор, колокольня, Святые ворота, камен-

ная ограда с башнями, многочисленные службы и корпуса. На кладбище рядом с почитаемой древней деревянной церковью была построена новая каменная, Покровская. В ней и покоились останки схимонаха Амфилохия. На могилу его положили вериги, обруч и цепь, которые он носил. По обычаю каждый богомолец, поцеловав их, мог одеть на себя и, поклонившись, помянуть старца. Были установлены дни почитания его — 9/22 августа — день преставления и 23 ноября / 6 декабря — день памяти. Особенно много народу приходило в монастырь в Троицу — приложиться к явленной иконе, которая была установлена в новом каменном соборе. Шли из дальних и из ближних губерний, шли со всей России, ибо известия о праведнике и о чудесно воскрешенном древнем монастыре распространились быстро. И можно представить себе, что чувствовали богомольцы, подходя к монастырю, когда после долгого пути через суровые новгородские леса им открывалась пленительная картина возрожденной обители: величественный собор и удивительно стройная колокольня, окруженные башенками и главками других церквей, серыми крышами келий и служб, нарядные разноцветные башни ограды, золоченые кресты, колокола в гигантских, наполненных голубым небом проемах звона и за всем этим бескрайние лесные просторы.

Увы, в нашем веке монастырю была уготована печальная судьба. В 1921 году он был закрыт, чуть позже разграблен. Осиротевшие строения оказались отданными на волю стихии. Покровская церковь уцелела, но погребение старца Амфилохия разрыто и опоганено. Ничего не сохранилось и от двух скитов, где жил старец. В 1859 году он, горячо молясь перед иконой Божией Матери, отвратил этим гибель пустыни от страшного лесного пожара, бушевавшего вокруг. В 1868 году по молитвенному предстательству старца Амфилохия перед Царицей Небесной пустынь была снова спасена от еще большего огня, когда вокруг выгорели почти все леса и деревни, и братия не знала, удастся ли ей спастись в огненном океане. Кто знает, быть может, и сейчас на небесах свершается чудо, и мы увидим воскресший во второй раз монастырь?

Несмотря на то, что годы уничтожения русского крестьянства и политика «неперспективных» деревень привели к страшным потерям в населении Тихвинского края, память об Амфилохии живет. Старушки помнят, как девочками они ходили в пустынь и с благоговением одевали на голову железный обруч старца, помнят его предсказания, рассказы о его доброте и мудрости.

Будем же помнить старца и мы.

НАШИ ХРАМЫ

И. В. Попов

Князь-Владимирский собор

В 1988 году вся Россия и весь православный мир отметили тысячелетие крещения Руси. В городе на Неве центром проведения торжеств, посвященных этому знаменательному событию, был Свято-Троицкий собор Александро-Невской Лавры. Столетием раньше, когда праздновалось девятисотлетие крещения св. князем Владимиром киевлян в водах Днепра, весь православный Петербург пришел в расположенный на Петербургской стороне собор, посвященный святому крестителю Руси, который и стал центром торжеств.

Грандиозный крестный ход из Князь-Владимирского собора прошел через центр города на Дворцовую площадь, где был отслужен благодарственный молебен по случаю праздника.

Возникновение этого замечательного собора, одного из самых старых и знаменитых в Петербурге, относится к самому началу XVIII века. Было это в 1712 году вскоре после основания нашего города. На Петербургском острове, за Кронверком, недалеко от берега Малой Невы, приблизительно там, где за четыре года до того построили деревянную Успенскую церковь, по указанию петербургского вице-губернатора Я. Корсакова была заложена мазанковая, с тем же названием, но с двумя приделами—св. Иоанна Предтечи и свт. Николая Чудотворца. Приделы были освящены в 1717 году, а сам храм—5 апреля 1719 года Митрополитом Рязанским и Муромским Стефаном (Яворским), подворье которого стояло поблизости. Вскоре по освящении храм был наименован собором и по значению занял четвертое место в Петербурге, после Троицкого, Петропавловского и Исаакиевского соборов.

В народе его именовали Успенским собором на Мокруше (из-за того, что это место часто затоплялось), или по приделу — Николы Мокрого.

К 1735 году здание обветшало, и Императрица Анна Иоанновна повелела выстроить рядом новый каменный собор и посвятить его св. Иоанну Предтече, имя которого носили ее отец и внук. Возведение нового храма было начато в 1740 году по проекту архитектора Пьетро Трезини, шло быстро и уже через два года было вчерне окончено.

Год спустя из-за неправильной ориентации храма строительство было приостановлено и возобновлено

лишь в 1747 году. По повелению Императрицы Елизаветы Петровны из Москвы были затребованы чертежи знаменитых Кремлевских соборов, чтобы достроить храм «о пяти главах по древнему российскому обычаю». Завершение строительства собора велось по образу Успенского Кремлевского собора, с добавлением колокольни.

Затянувшаяся из-за недостатка средств перестройка окончилась лишь при Императрице Екатерине Второй, которая, по преданию, увидела собор из окон Зимнего дворца и, узнав печальную его историю, по-

велела поспешить с достройкой. Из представленных проектов достройки, авторами которых были известные архитекторы того времени, был выбран самый простой, красивый и дешевый — архитектора А. Ринальди, получивший в 1766 году утверждение Императрицы.

Хотя летом 1772 года пожар уничтожил старый деревянный, окончательно обветшавший Успенский собор и сильно повредил новый, почти уже законченный, 8 сентября 1773 года в нем был все-таки освящен Успенский придел. Указом от 31 мая 1783 года завершение строительных работ было велено передать Конторе строений Александро-Невского монастыря, а общее руководство работ поручено архитектору И. Е. Старову.

1 октября 1789 года новый храм, строившийся почти полвека, был освящен, но уже не в честь Успения Божией Матери, но в память св. равноапостольного князя Владимира, 800-летие крещения которым Руси, отмечалось годом ранее. Правый Никольский придел освящен в 1799 году.

По Указу Императора Николая Первого от 22 июля 1845 года собор стал собором кавалеров ордена св. кн. Владимира. В день его учреждения, 22 сентября, в храме ежегодно служилась литургия с молебным пением св. крестителю Руси, а модель ордена была укреплена над главным входом в храм.

В 1802 году в соборе были устроены хоры, а в 1859 году по инициативе настоятеля прот. В. Полисадова весь собор стал теплым. В 1866 году Успенский и Никольский приделы были перенесены к главному алтарю и освящены снова. На этом достройки и перестройки собора закончились, и он приобрел вид, который сохраняет в настоящее время.

С мая 1856 года к собору приписали каменную Троицкую часовню, а в 1882—86 гг. по проекту Н. Н. Ковригина на углу Большого проспекта Петербургской стороны построили каменную часовню в память Императора Александра Второго — Казанскую, сохранившуюся и донныне на углу Владимирского сквера, близ Тучкова моста. Сейчас рассматривается вопрос о ее возвращении собору.

С 1806 года при храме действовало Князь-Владимирское духовное училище, одно из четырех бывших в ту пору в епархии, а с 1875 года в приходе начало работать благотворительное общество и основан приходский приют для сирот, полусирот и детей беднейших семей, где они не только призревались, но и обучались ремеслам. С 1902 года при нем работала церковно-приходская школа.

В прошлом веке большие реставрационные работы в соборе проводились не раз: в 1882 году, к 100-летию основания ордена св. Владимира, в 1888 году — к празднованию 900-летия Крещения Руси и в 1889 — по случаю 100-летия собора.

Когда в 1922 году собор захватили «живоцерковники», возглавляемые прот. В. Красницким, прихожане почти не ходили в храм; он вскоре от сырости и промерзания он стал разрушаться и потому постановлением Президиума Ленсовета от 30 октября 1926 года был закрыт как «угрожающий по своему техническому состоянию общественной безопасности». Год собор стоял закрытый, а затем был возвращен православным. Его настоятелем в 1930—32 гг. был известный проповедник прот. Александр Медведский.

В дни блокады собор продолжал действовать. Духовенство во главе с настоятелем прот. М. Славнит-

Центральный иконостас Князь-Владимирского собора.

ским, по примеру Митрополита Алексия (Симанского), разделяло со своей паствой военные тяготы и ободряло верующих в тяжелые годы. В храме ежедневно совершались богослужения, не прекращавшиеся даже при налетах немецкой авиации. Здесь же шел сбор пожертвований на танковую колонну им. Дмитрия Донского.

Послевоенная реставрация 1951—52 гг. вернула зданию прежнее благолепие, и ныне Князь-Владимирский собор является одной из главных православных святынь города, памятником русского зодчества XVIII века и одним из наиболее величественных петербургских храмов.

В 1988 году Князь-Владимирский собор стал одним из главных центров юбилейных торжеств во время празднования 1000-летия Крещения Руси, а год спустя отметил свое 200-летие. По этому случаю Митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием (ныне Святейший Патриарх Московский и Всея Руси) было совершено торжественное богослужение.

Стиль здания характерен для переходной эпохи от барокко к классицизму. Это — базилика, которая внешне напоминает Троицкий собор Александро-Невской Лавры. Над алтарной частью возвышается пятиглавие, главный вход завершен стройной трехъярусной колокольной высотой более 57 метров. На ней 7 колоколов, самый большой из них весит около 5 тонн и отлит в 1779 году.

Собор изнутри довольно обширен и может вместить до трех тысяч человек. Росписей ни на стенах, ни на сводах, ни в куполе нет, кроме изображения

в парусах храма четырех Евангелистов, написанных, вероятно, К. П. Брюлловым. В центре висит паникадило в византийском стиле — удачная стилизация под древность.

Алтари отделены невысокими иконостасами. Первоначальный проект принадлежит И. Е. Старову, но в 1823 году иконостасы были заменены новыми. Выполнены они в ампирином стиле и являются замечательными образцами художественной резьбы по дереву. Образа в иконостасах размещены в два яруса, в нижнем — местные, в верхнем — праздничные. Посредине каждого из иконостасов — дополнительный ярус, где представлены: в центральном приделе — Господь Саваоф в медальоне, а над Ним — Распятие с предстоящими Божией Матерью и св. Иоанном Богословом, в боковых — изображение Тайной Вечери. Живопись в иконостасах — XVIII—XIX столетий.

В главном приделе интересны местные иконы Спасителя и Успения Божией Матери. Некоторые сюжеты выполнены в духе итальянского Возрождения, например, «Бегство в Египет». В алтаре, на стене апсиды висит грандиозная композиция «Св. Евхаристия», копия росписи В. М. Васнецова в Киевском Владимирском соборе. Там же находится большой за престольный поясной образ Спасителя, витраж, исполненный в 1910 году.

На западной стене храма размещены копии с картин европейских художников: «Оплакивание Христа» П. Веронезе и «Преображение» Рафаэля, а также с неизвестных авторов: «Уверение ап. Фомы», «Богородица с Младенцем Иисусом и св. Иоанном Предтечей», «Рождество Христово» и копия с картины «Моление о Чаше» русского художника Ф. Бруни.

Главная святыня — чудотворная икона Казанской Божией Матери — принесена в него в 1932 году из закрытого Казанского собора. Она — старинный список с явленного в Казани чудотворного образа.

С переездом Царской семьи из Москвы в Петербург в 1710 году вдовствующая Царица Прасковья Федоровна привезла икону в град святого Петра, поместив ее вначале в Казанскую часовню недалеко от домика Петра Великого, откуда она была перенесена затем в церковь Рождества Богородицы, стоявшую на месте нынешнего Казанского собора. Когда собор был окончен, икону поместили в нем на самом почетном месте. Оправленный в новую ризу, старинный образ находится в малахитовом киоте у правого клироса центрального придела. Митрополит Гор Ливанских Илия Караме, все годы Второй Мировой войны моливший Матерь Божию о спасении России, возложил 11 ноября 1947 года на Казанскую икону золотой венец, украшенный драгоценными камнями.

Справа от иконы Казанской Божией Матери висит храмовый образ св. кн. Владимира, изображенного в полный рост в красном княжеском плаще. В храме имеются еще три изображения св. равноапостольного князя Владимира: в алтаре Успенского придела, копия с образа св. князя Владимира работы В. М. Васнецова над входом в притвор, и над дверью из притвора в храм.

Напротив Казанской иконы, у левого клироса помещается икона Божией Матери Скоропослушницы, а слева — преп. Сергия Радонежского.

В главном приделе находятся также образа Иверской Божией Матери, список с чудотворной

иконы Богоматери в Иверском монастыре на Афоне; свт. Николая Чудотворца в вызолоченной ризе, который по времени написания старше самого храма; иконы Тихвинской Божией Матери и Божией Матери «Знамение», а также Божией Матери «Всех скорбящих Радосте». В соборе есть еще несколько образов Святителя и Чудотворца Николая, и хорошего письма образ преп. Серафима Саровского с житием.

В Успенском приделе можно увидеть интересный, большой образ св. блг. великого князя Александра Невского, изображенного в полный рост, написанный «в лето 1930 месяца ноемвря в 16 день» архидиаконом Свято-Троице-Сергиевой Лавры Серафимом Вавиловым.

В алтаре Успенского придела хранится образ Успения Божией Матери, из подворья Киево-Печерской Лавры в С.-Петербурге. Это список с чудотворной иконы Успения Божией Матери, главной святыни Лавры. В собор попал после закрытия подворья.

В Никольском приделе помещается образ Покрова Божией Матери, писанный в 1898 году как благословение Свято-Афонской горы келлии св. Иоанна Златоустаго старца иеросхимонаха Кирилла с братиею. Рядом стоит большая с ниспускающимися лампадами Голгофа, сооруженная в 1894 году и бывшая в ту пору новинкой в церковном обиходе.

В соборе сохранились замечательные Евангелия, в том числе большое, именуемое Берлинским. Оно было напечатано в 1689 году, и имеет драгоценный, изящной работы, оклад из позолоченного серебра с пятью живописными миниатюрами в медальонах, изображающими Воскресение Христово и четырех Евангелистов. По преданию, Евангелие было пожертвовано в собор Императрицей Елизаветой Петровной. Вес его — более пуда.

В главном алтаре находится крест-мошевик, вделанный в небольшой образ, и бронзовая дарохранительница 1770 года, имеющая вид храма с вертоградом и гробом Господним в середине. Изображения все позолочены.

Как ценная реликвия сберегается деревянный восьмиконечный крест, положенный под престол прежней Успенской церкви при ее освящении.

Престольные праздники храма:

6 мая — перенесение мощей свт. Николая Чудотворца в Бар-град;

8 (21) июля — явление иконы Казанской Божией Матери;

15 (28) июля — св. равноапостольного князя Владимира;

15 (28) августа — Успение Пресвятой Богородицы;

22 октября (4 ноября) — перенесение чудотворной иконы Казанской Божией Матери в 1612 году при освобождении от поляков;

19 декабря — преставление свт. Николая Чудотворца.

До сих пор Князь-Владимирский собор остается единственным действующим приходским храмом на Петроградской Стороне и, благодаря Казанской иконе, посещается всеми православными людьми, которые приезжают в наш город. Торжественно праздновалось его 200-летие в 1989 году и, по этому случаю, была выпущена юбилейная настольная медаль, которая раздавалась богомольцам.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Е. Поселянин

Идеалы христианской жизни

(Продолжение)

Глава III

ВОСПИТАНИЕ ВЕРЫ

Иногда религиозное чувство зарождается в человеке само по себе, как-то бессознательно.

В среде, совершенно лишенной тяготения к вере, в среде, где все духовное подвергается злему осмеянию, где детям стремятся привить презрительное отношение к христианству и всячески клеймят пред ними это учение — и там часто, при этих обстоятельствах, вырабатываются счастливые природы с ярко выраженными стремлениями к религии.

Ведь, в первые века христианства часто дети жесточайших гонителей христиан неудержимо влеклись ко Христу, и получали мученическую смерть от своих родителей.

Такова, например, история юной девы, великомученицы Варвары, которая, втайне от своего отца, закоренелого язычника Диоскора, приняв христианство, была жестоко им гонима и отдана на невыносимые муки, завершившиеся усечением мечем, во исполнение слов Христовых — «предаст на смерть отец чада».

Современность знает такие же необыкновенные случаи — горячей, напряженной веры у детей, родители которых являются врагами Христа.

В наши дни Франция, как государство, пошла против Христа. Она запрещает упоминать имя Его в школах, выбросила крест из общественных зданий, изгнала всех монахов и монахинь, значительная часть которых занимались делами благотворения, учили юношество (лучшее среднее воспитание давалось в школах, которые содержали монахи), ходили в госпиталях за больными, посещали больных.

В армии есть доносчики, которые доносят на офицеров, посещающих храмы, и эти офицеры на плохом счету и задерживаются в своем служебном движении.

Вот, что случилось со страной, которая некогда считалась «первородною дочерью» католической

церкви, короли которой почетнейшим для себя титулом считали наименование «Христианнейший», со страной покровительницы Парижа девы Женевиэвы, страной святого короля Людовика и другой великой девы, Иоанны д'Арк, верою своею спасшей Францию от порабощения Англиею.

Но религия пустила в этой стране слишком глубокие корни, чтобы весь народ пошел за безумствующим правительством.

И остаются верными религии множество людей, которые были в ней воспитаны.

Пишущему эти строки пришлось присутствовать в величайшем по размеру святилище Парижа, необъятной базилике во имя «Священного Сердца Иисусова», царствующей над Парижем с высоты Монмартрского холма — на потрясающем служении.

Во Франции есть братство, носящее название «мужей Франции» и объединившее в составе членов своих все решительно приходы страны. Раз в месяц в базилике Сердца Иисусова собираются они для молитвы о своей стране и о своей вере. Произносится с кафедры слово, освещающее положение страны и дело обороны в ней веры и народной верующей души от посягательств безбожного правительства, бывает торжественный крестный ход по окружающим базилику широким галереям, а до того вся церковь, наполненная мужчинами всех решительно состояний и возрастов, поет гимны.

Трудно передать величие, в котором к высоким сводам подымается под звуки могучаго органа гармонический крик этой несметной толпы, объединенной одною тоскою по старой Франции, согласно склонявшейся пред распятым Христом, одною мольбою о возрождении страны:

*Sauvez, sauvez La France au nom du Sacré Coeur *.*

При выходе пришлось минут десять добираться до дверей, хотя я находился недалеко от них, и все это

* Спаси, спаси Францию во имя сердца Иисусова.

множество народа и только что слышанное пение все-
ляли одно твердое убеждение:

«Нет, во Франции еще не покончено с религией!»

Так вот, кроме людей и молодежи, принадлежа-
щих к этой части Франции, сохранившей свою веру,
кроме их тоскуют по религии дети отъявленных вра-
гов религии.

Дочь Жореса, известного политического деятеля,
непримиримого врага Церкви, постриглась в мона-
хини.

Другие единомышленники его узнавали, что
взрослые дети их потихоньку от них ходят в церковь,
приобщаются. Когда они упрекали детей в том, что
они скрывают от них эти поступки, дети спокойно от-
вечали:

«Мы вас не обманывали. Мы исполняли то, что
нам внушает внутренний голос; а чтобы не огорчать
вас, мы этим с вами не делились. Ведь ни вы нам, ни
мы вам не внушим своих убеждений.»

И спокойно, без споров и борьбы эта молодежь
продолжала жить в той церкви, которую рушили их
отцы.

Есть какая-то особая высота и святость в той ду-
ше, которая приходит к Богу сама по себе, по вну-
треннему влечению, которой Бог открывается Сам.
Таким, именно, путем внутреннего чудесного озаре-
ния пришла ко Христу великомученица Варвара.

Отец ее не мог надышаться на свою дочь, а кра-
сота ее, по мере того, как она подрастала, расце-
тала так, что отцу ее казалось, что глаза людей недо-
стойны видеть Варвару, и для нея была выстроена
обширная высокая башня с великолепными пала-
тами.

Лучшим утешением Варвары в ее одиночестве и
блестящем затворничестве было смотреть с высоты
на природу. Она любила уходить взорами в вечернюю
пору в небо, горевшее мигающими звездами, словно
возвещающими о каких-то великих, скрытых за этим
загадочным шатром, иных мирах. Наблюдала она и
красоту земли: праздники юных зорь, роскошь за-
ката, изумрудный всход молодых посевов, колеба-
емая в летнюю пору ветром волны золотистых нив,
немолчно шумящая вершины деревьев.

Захотелось ей, смотря на красоту мироздания,
знать, кто же создал всю эту вселенную, украсил ее,
как невесту, для неведомого жениха.

Как-то она спросила одну из своих воспитатель-
ниц, указывая на красоту неба:

— Кто это сотворил?

Потом, взглянув на красоту земли, на поля и ро-
щи, на сады в их весенней свежей зелени, на возвы-
шающиеся к небу горы, на тихие задумчивые воды,
она опять спросила:

— Чьей рукой создана вся эта красота?

— Все это создали боги, — ответили ей.

Варвара стала расспрашивать, какие именно боги.
— Да те боги, — ответили ей, — которым покло-
няется твой отец и которые стоят у него, — золотые,
серебряные, деревянные. Они все создали.

Варвара была вдумчива не по летам. И несообраз-
ность ответа, ею полученного, бросилась ей в глаза.
Она возразила:

— Ведь, эти боги сделаны руками человеческими:
как же эти выделанные людьми боги могли создать
светлое, высокое небо и всю земную красоту, когда
они сами не ходят ногами и не двигают руками?

Так осталась Варвара неудовлетворенною. Мысль
ее не успокаивалась — она размышляла ночью и
днем и глядела на небо, замерев пред его тайнами,
сжигаемая желанием познать Творца и Его творение.
И вот — Господь, видя высокую жажду этой души,
Сам пошел к ней навстречу.

Как-то однажды, когда она смотрела на небо,
разгораясь желанием познать Того, Кто его сотворил,
к Кому стремилась ее душа, еще не познавшая исти-
ны, но требовавшая истины, — был ей глагол Божий.

Благодать озарила ум Варвары, внутренние очи
открылись. Полнота истины озарила ее, и она сказала
себе сама: «Един должен быть Бог, и Его не сделала
рука человеческая, а Сам Он, имеющий собственное
бытие, Своею рукою создает все. Един должен быть
Тот, Кто поставил красоту неба, утвердил землю и
освещает вселенную греющими лучами солнца, сия-
нием луны и блистанием звезд. Един Тот, Кто укра-
шает землю различными деревьями, цветами, оро-
шает ее реками, источниками и иными собраниями
воды; Един должен быть Бог, Который все держит и
всем дает жизнь, и обо всем заботится.»

И вот, любовь к таинственному Богу, открывше-
муся ее душе, стала охватывать все существо Вар-
вары судными силами. Так бывает в любви земной,
что, едва увидав человека, которого суждено любить
всю жизнь, душа стремится всеми силами к этому
человеку, лишь в его присутствии чуя в себе счастье
и жизнь.

То же, но в еще большей степени, было теперь
с Варварой. Она жаждала узнать о Боге, думала
лишь о Нем, изнывала в неведении, сгорала любовью
к Тому таинственному и неведомому, Которого пред-
чувствовала, но Который еще так мало был ей от-
крыт.

Она не могла надеяться получить от кого-нибудь
весть о Боге, потому что никто не входил к ней на
башню. Лишь иногда тайными осенениями сообщал
ей проблески истины Учитель и Наставник ее, Святой
Дух, Который говорил с ее душою безсловесными
знаками и никому, кроме ее одной, невидными вну-
шениями...

Как это было с великомученицею Варварою, —
ясный ум не может не остановиться над таким во-
просом. Если нет ни одного людского предприятия,
которое могло бы двигаться, никем не руководимое:
то как же без верховного Начала могла бы держаться
в своей изумительной стройности вся громада миро-
здания?

Такой ум сам собою придет к неизбежной вере
в Творца и Промыслителя всего существующаго.

Затем для ума живого и глубокого и для природы,
отличающейся справедливостью, представляется не-
обходимым проверить те странные нападки на рели-
гию, которых он становится свидетелем. Он старается
во всем разобраться. И, можно сказать, что иные
люди, которые бы остались к природе равнодушны
в те времена, когда религия не преследуется, — обра-
щаются к ней всею душою во времена гонений.

Но этот путь, о котором сейчас было говорено, —
путь непосредственной веры, есть путь немногих
избранных душ.

В других веру надо воспитывать, и это воспитание
веры принадлежит к числу важнейших задач жизни.

Нечего много распространяться о том, насколько
для людей верующих кажется важным вопрос о том,

чтобы передать свою веру детям.

Порою эту же заботу волнуются и атеисты.

Кто-то из французских известных отрицателей самолично водил свою дочь на уроки катехизиса — очевидно, желая воспитать в своей дочери ту веру, которой был лишен он сам.

Одна состоятельная женщина, очень образованная и считающая себя атеисткой, занимается столовыми, где кормят бедных детей. Как-то она рассказывала:

— Представьте, прихожу я в столовую. Дети садятся за столы, как ягнята, без молитвы. Я сейчас же велела им спеть молитву. Ведь, это ни на что не похоже, — и самым строгим образом предписала надзирательнице, чтоб никогда не садились без молитвы.

Негодование в устах «атеистки» довольно неожиданное...

Но в том-то и дело, что атеизм, доведенный до последних выводов, до равнодушия, у содержательных людей почти не существует: или он бывает кроткий и примирительный, как вот у этой женской души, граничащий с верой, или ненавистный, воинствующий, а ненависть — это только обратная сторона любви.

Так или иначе эти люди чувствуют всю ценность для души религии, незаменимую поддержку, которую она оказывает людям, и не решаются отнимать у близких такое сокровище.

Одна мать нанимала на лето в деревню учителя-студента для своего сына, которому было тогда лет шестнадцать. Студент оказался во всех отношениях подходящим, но нужно было решить еще важнейший вопрос.

— Видите, — сказала эта заботливая мать, — я воспитывала моего сына верующим, и доселе сумела сохранить его в этом отношении от всяких колебаний. Я хотела бы знать, каково будет воздействие ваше на него с этой стороны.

— Место у вас, — отвечал ей этот, как видно, порядочный и честный молодой человек, — подходит мне во всех отношениях. Но я лучше лишусь этого места, чем скрою от вас правду. Я сам неверующий человек, и от этого сильно страдаю. Зная по себе, как тяжело жить без веры, я, конечно, ни в ком ее не колеблю. И, если б я поступил к вам, я бы тщательно избегал касаться пред вашим сыном этих вопросов.

Так должен смотреть на это всякий человек, сочувственно и глубоко относящийся к людям.

Но, конечно, из этого осторожного молчания многого не вынесет детская душа. Нужно положительное воздействие.

Нельзя достаточно настаивать на том первостепенном значении, какое имеют для непробудившегося даже еще вполне сознания первыя теплыя и чистыя впечатления веры.

В детской пред старой иконой тихо, безстрастным умиряющим огнем теплится лампадка; старая няня пред иконой творит поклон за поклоном; с ближней колокольни доносится тихий мерный благовест.

«В Божью церковь идут Божьи дети...»

Окна трескучий мороз разрисовал прихотливым узором, а здесь, в комнате, тепло, уютно и отрадно.

И этот мир, это святое затишье, ребенок, быть может, вспомнит много раз потом в зрелые годы, и многое прояснится тогда в его омраченной душе.

Мне вспоминается одно посещение усадьбы родных.

Будучи по делам в одном старинном городе, я вспомнил, что тут неподалеку, верстах и двенадцати от города, живут в старой родовой усадьбе мои родственники. Я списался с ними, они выслали лошадей, и я поехал к ним как-то вечером.

После осмотра дома, строенного в начале XIX века, со старыми семейными портретами на стенах, старою мебелью и старинною посудой, — я прошел за молодой хозяйкой в большую темную комнату.

— Тут его отец родился, — сказала она у порога, кивая головою на мужа.

А покойный старик был не рядовой человек, памятный в истории своего края. Мы вошли.

Просторная комната с тщательно завешанными окнами была почти пуста, как это бывает в хорошо содержимых детских. На столе висел в металлическом киоте и в золоченой ризе Казанский образ Богоматери, пред ней светился чрез синее стекло лампадки нежный огонек.

— Этой иконой моего отца на свадьбу благословляли, — сказал тихо хозяин.

Посреди комнаты стояла колыбель с раскинутыми в стороны кисейными занавесками. В ней лежал спящий младенец, сладко чмокая губами.

Казалось, что лик старой иконы доставал своими благостными очами эту колыбель и осенял своей силой новое человеческое существование.

И эта икона какими-то узами связывала деда и внука, прошлое и будущее...

Вот — та здоровая, естественная обстановка, которую от рождения окружен ребенок христианских родителей.

А сколько трогательной поэзии в том, что молодая мать учит ребенка складывать пальчики руки в первое крестное знамение, учит его лепетать среди первых слов, которые он начинает произносить, великое имя «Бог».

Жалко того ребенка, которого мать не учила молиться, и жалко ту мать, которая предоставила эту заветную обязанность другим.

Замечательно, что дети совершенно не сомневаются в существовании Бога. Их еле мерцающее сознание, тем не менее, как-то способно охватить идею Божества.

Слова Спасителя «утаил еси сия от премудрых и разумных, и открыл еси та младенцам», открывают законное поле для весьма важных догадок.

Младенческая душа, начав рано свою религиозную жизнь, может еще в младенческом возрасте пойти очень далеко в религиозном своем развитии. Она может созерцать те тайны, в созерцание которых погружены, например, знаменитые два херувима на картине «Сикстинская Мадонна» Рафаэля, что Рафаэль поставил как бы на границе двух миров.

Были случаи в годы гонений, что грудные дети рвались сами на те пытки за Христа, которым подвергали их родителей, и являлись, таким образом, сознательными исповедниками и мучениками.

Кому приходилось наблюдать за выражением лица у младенцев, когда их только что приобщили, — тот мог уловить на этих, в общем мало выразительных, лицах какую-то особую печать святой непорочности, радости и созерцания...

И вот — то, что душа чувствует сама собою, к чему она сама поворачивается, как подсолнечник к солнцу, все это надо в детях укреплять, развивать, углублять.

Общий вид Валаамского монастыря.

С самого раннего нежного возраста детей нужно возможно чаще, хоть всякую неделю, приобщать. Как прививают дичку ветку благородного дерева, так ничем лучше нельзя сделать душу гроздью на Христовой лозе, как возможно частым ее погружением за трапезой Христовой в святую Христову.

Известный в Петербурге духовник и проповедник, почивший протоиерей о. Алексей Петрович Колоколов, рассказывал, как одна его духовная дочь была выдана за богатого титулованного человека, который обнаруживал признаки душевной болезни. Доктора боялись, что дети выйдут ненормальными.

Со своей стороны о. Алексей предложил то, что было в его руках — средство духовное. Он советовал матери возможно чаще с первых же месяцев рождения приобщать тех трех мальчиков, которые у нея были от этого брака. И все они вышли вполне здоровыми и естественными людьми.

Детскому возрасту, конечно, непонятны разные догматические тонкости, которые им совершенно излишни и объяснять. Но в детях надо внедрять живое чувство к Богу. Чувство, что есть высшее, всемогущее, прекраснейшее Существо, Которому все открыто, Которое всегда готово выслушать человека и откликнуться ему.

И пусть сперва ребенок обращается к Богу со своими детскими, с виду пустыми и ничтожными, просьбами; это и есть та простая и непосредственная вера, та крепкая вера в Него, которая потом, конечно, с созреванием человека, примет иной оттенок.

В одном из благоухающих созданий русской литературы, принадлежащих перу человека, который, к сожалению, потом изменил Христу, в «Детстве и Отрочестве» графа Л. Н. Толстого, есть прекрасное описание детской молитвы, как, стоя в своем халатике, он помолится о папеньке и маменьке и вспомнит тут разом о всех людях, кто ему дорог в его детском мире, и тут же попросит, чтоб завтра была хорошая погода и чтоб можно было идти гулять.

В «Войне и Мире» брат и сестра Ростовы взрослые вспоминают, как детьми они молились, чтоб снег сделался сахаром, и выбегали на мороз смотреть, не случилось ли этого чуда по их молитве.

И вот, когда Николай, уже офицером, молится однажды, чтобы Бог помог ему выпутаться из одного очень сложного и тягостного положения, — во время

самой его молитвы он вдруг получает письмо, которое неожиданным и наилучшим образом все устраивает.

Детская безотчетная молитва со странными своеобразными просьбами обращается в сознательную молитву зрелого возраста.

В деле воспитания детей имеет громадное значение окружить их атмосферой веры и привить им добрые благочестивые навыки.

Вера искренних людей подчиняет себе других, невольно передается, перенимается, особенно в детском восприимчивом возрасте.

Я знаю одну семью, где при детях прожила с год бонна, русская девушка из Калуги, очень набожная. У нея в комнате висели у кровати образки, привезенные ею с собою из Калуги. Она постоянно говорила детям «о Божественном». Не отлучаясь от детей весь день, она, и в будни часто бывая в церкви, рано подымалась, чтобы идти к заутрени и ранней обедне. От нея дети услышали в первый раз имена многих святых; она им рассказала о Саровской пустыни и о великом старце Серафиме, кормившем из своих ручек медведя, об Оптиной и ее старцах. Всякое утро после общей молитвы она поила детей натошак из маленькой рюмочки святою водою, и давала им по кусочку тех просфор, которые приносила с собою из церкви.

Всего год провела она в этой семье, так как служила для того, чтобы скопить себе на приданое — в родной Калуге ее ждал жених.

Но след, оставленный ею и церковной ее жизнью в душе детей, был глубок и не изгладился во всю их жизнь.

В этой же семье по летам дети гасивали в большом имении у пожилой тетки, не вышедшей замуж. Она была тоже женщина набожная и церковная, и такими же были служившая ей женщины.

Когда дети приходили по вечерам прощаться с тетушкой, они неизбежно заставляли у нея старую ея ключницу, полуглухую старушку, с семи лет служившую при господах.

В это время происходило всегда обсуждение, за кого подавать на завтрашнее утро за ранней обедней просфоры и кого поминать за панихидой.

Старушка-ключница всякий день бывала у обедни и ежедневно подавала поминовенные просфоры «о здравии и за упокой». Часть имен, ближайших родных, поминались ежедневно, а часть в известные дни — дни именин, рождений и смерти: все эти памятные дни у госпожи ея были аккуратно записаны в особую книгу.

Зимой иногда тетушка брала с собою одного из маленьких племянников, обнаруживавшего особую набожность, в Троицкую лавру под Москвой, где у нея были схоронены родители.

Дети знали о лавре и о преподобном Сергии с первых сознательных годов своих. У них была старая бабушка, доживавшая свой век на окраине Москвы, неподалеку от женского монастыря, где ждал ее последний приют. Ежедневно старая раскормленная лошадь, которою правил старый почтенный кучер, привозила в просторных дрожках или низких санях бабушку к монастырскому собору.

Отсюда, отстояв обедню, она, опираясь на клюку, медленно шла своим старческим шагом к «могилам» — мужа, незамужней дочери и сына, умершего мальчиком, соединения с которыми она покорно ждала в своей тихой и ясной старости.

По большим праздникам, несколько раз в год, ея старший сын привозил своих детей к матери, и в жарко натопленных маленьких и низких, уютных комнатах, уставленных тяжелою семейною мебелью, устраивался обед.

Детей интересовали и старья большия иконы в дорогах окладах в бабушкиной спальне, и безчисленное множество горшков со свежей, прекрасно сохранившейся зеленью и цветами на бабушкиных окнах, и старый серый бабушкин кот, тихо мурлыкавший на своей неизменной скамеечке с мягкой подстилкой, и на стенах старые портреты, навешанные чинно и в порядке, всякого размера, и масляными красками, и водяными, и забавные дагерротипы на стекле, и старинная посуда.

Бабушка вела беседу медленную и тихую. Она любила вспоминать о разных подвижниках, которых знавала; рассказывала о святых местах, так как была охотница посещать их, и о тех чудесах, о которых за последнее время где-нибудь вычитала или услышала. И от всех ея рассказов, с этой мирной обстановкой ея дома, что-то тихое, успокаивающее, полное доверия и предчувствия близкой вечности, вкрадывалось в душу, навсегда прокладывая в ней глубокую борозду.

После обеда дети шли обыкновенно в комнату к старой слепой бабушкиной служанке Нениле, жившей на покое. Нениле было много-много лет. Она была из подмосковных крестьян и хорошо помнила «француза», так как в двенадцатом году она была взрослой девушкой.

Дети усаживались рядом на мягкую кровать Ненилы, а старушка, никогда не сидевшая без дела, двигая спицами, в сотый раз рассказывала своим неспешным старческим голосом про разные истории «с французом».

Теплая светелка с большой изразцовой лежанкой была в полумраке надвигающегося вечера мирно озарена огнем лампадки. Освещенная ею, проступала позолоченная резьба ветвей дешевого киота. По стенам в старых рамах висели подаренные уже давным-давно бабушкою Нениле выцветшие одного и того же размера гравюры с разными событиями из жизни преподобного Сергия Радонежского.

Первая изображала, как ангел является под дубом преподобному в детстве, и как мальчик стоит пред ангелом со сложенными руками для принятия благословения, с уздечкой, висящей у локтя. На одной преподобный месил тесто для просфоры. На другой — смотрел чрез окно кельи на множество птиц, наполнявших пространство монастыря, в предсказании множества учеников его. На третьей, сидя на обручке пня в келье, занимался портняжничеством. На четвертой чудесно изводил из земли источник воды. На пятой посещала его Богоматерь. Была еще картинка, как его приобщают пред смертью, и как он при осаде монастыря поляками обходит монастырские стены, окропляя их святою водой.

И, смотря на эти картинки, дети принимались расспрашивать Ненилу о том, сколько раз она ходила «к Троице» на Богомолье, и какая с ней по дороге была приключения.

Вот, где и как узнали дети о преподобном Сергии Радонежском.

И для того мальчика, которого тетушка бирала с собой в Троице-Сергиеву лавру, эти поездки были полны какой-то особой привлекательности.

Раннее-раннее вставание, чтоб попасть на поезд, который идет в начале седьмого часа, быстрый проезд по знакомым улицам Москвы, в этот час имеющим какой-то необычный вид, точно оне другия; в поезде думы об этом великом отшельнике, — как он не мог усваивать себе того, чему его учили, и как ему явился ангел, чтобы просветить его ум (картинка в комнате бабушкиной Ненилы), как он покоем до их смерти своих родителей и как потом ушел в этот дремучий лес, как искушали его злые духи, и как он благословлял Дмитрия Донского идти на Мамаю.

А потом приезд в лавру; знакомый извозчик, всегда едущий с тетушкой, в просторных санях; знакомая дорога в гору, и, наконец, лаврские святые ворота.

А там чинная служба, «заказная» обедня для них в одной из маленьких церквей, и панихида с литией наруже, пред высокими тяжелыми памятниками на могилах родных. Потом Троицкий собор, рака преподобного в великой славе, вереницы богомольцев, нескончаемые возгласы молебнов — «Преподобне отче Сергие, моли Бога о нас!», сияние множества огней вокруг раки, как отблеск ликующей вечности, чувствуемая тут, слагавшаяся к этой раке длиною чередою веков народная вера, слезы, стоны, моления, и стоящий в святом воздухе этого священного места торжественный, неизгладимый отзвук, когда-то прозвучавший здесь блаженной вести — «Се Пречистая грядет!» — когда-то произнесенного здесь великого обетования: «Неотступна буду от места сего и буду покрывать его...»

И как все эти впечатления западают в душу, чтоб никогда не выпасть из нея!

А потом могила митрополита Филарета, который бывал в доме бабушки, и о котором столько рассказов и воспоминаний на Москве; знаменитая троицкая просфора, забираемая в большом количестве, с надписью имени на обороте, сделанною гусиными, перьями в руках послушников за длинным, черным столом около просфорной; поездка к «Черниговской» лесом, по которому, конечно, бывало, пробирались к преподобному Сергию тяжелою стопою медведи за хлебом, и в подземной церкви большая чудотворная икона...

Вот, что нужно детям, чтоб внедрить в них крепко религиозное чувство.

Последующия бури могут временно умалить, пострадать это чувство, но все же основа останется, и как на величественном, далеко в землю ушедшем фундаменте разрушенного дворца можно выстроить снова дворец еще краше, так человек, переживший в детстве всю полноту религиозных чувств, — не смотря ни на какие последующия искушения отрицания и равнодушия, — всегда может обратиться к Богу с еще большим пылом, и едва ли умрет далеким от Бога.

С самого раннего возраста надо приохотить детей к духовному чтению.

Я знаю человека, который всю жизнь имел большое сочувствие к монашеству и монахам. Это сочувствие зародилось в нем в раннем еще детстве.

Ему было лет пять, и он еле читал по-складам, когда ему попались в руки какие-то обрывки из одной духовной книги крупной печати. Но в этих обрывках было полное краткое житие преподобного Феодосия киево-печерского, и мальчик с восторгом прочел его,

особенно те страницы, где описано, как в детском возрасте подвижничал преподобный Феодосий, как надевал на себя вериги и как преследовала его его мать.

Я знал еще мальчика, который выказывал большое сочувствие пешим богомольцам.

В этой семье возили детей весною и осенью, до переезда в деревню, кататься и гулять в парк, за заставу, где проходят богомольцы, пробирающиеся к преподобному Савве Сторожевскому и в Новый Иерусалим, или возили чрез Крестовскую заставу в Останкино, по шоссе, где пападаются вереницы богомольцев, направляющихся к Сергию-Троице.

Этот мальчик любил заговаривать с богомольцами, жалел их, что они идут пешком и тащат еще на спине тяжелые котомки. Денег у него, хотя его родители были богаты, не было по его возрасту ни гроша, но у него бывали с собой карамельки, которые им давали на дорогу. Эти карамельки он и отдавал богомольцам. А раз, отдав им свои и разойдясь с ними на далекое расстояние, он уговорил братьев отдать ему и их карамельки и опрометью принялся догонять богомольцев, чтоб вручить им это сокровище — сопровождавший их учитель торопил их садиться в коляску, чтоб вернуться домой.

Все, вот, такая черты детской жизни и образуют обстановку, благоприятную для развития и укрепления веры.

И часто не те лица, которые гордо полагают, что они руководят ребенком, — часто не эти вовсе лица направляют душу и жизнь ребенка по тому или другому руслу.

Вспомним лучезарное создание Тургенева — Лизу Калитину из «Дворянского гнезда», один из высших русских литературных типов.

В чопорном, холодном и скучном доме ее родителей не лживо-сентиментальная ее мать и не погруженный в свои своекорыстные расчеты отец направлял жизнь чуткого ребенка.

Около девочки стояла незаметная няня Агафья, женщина цельной души и крепкой веры, одна из тех, которыми держится мир святой Руси. Стояла и заботливой рукой вела девочку ко Христу.

Те службы, к которым на заре, в задумчивую и загадочную пустоту церкви водила няня маленькую Лизу, те рассказы, в которых с безхитростною верою своею она описывала страдания мучеников и как цветы подымались вдруг из земли, орошенной их кровью (— Желто-фиоли? — доверчиво спрашивала девочка): все это вырабатывало постепенно в Лизе то тайное, громадное чувство к Богу, которое потом, при крушении ее несмелых земных надежд, заполнило всю ее жизнь, — то чувство, о котором так просто, потрясающе и исчерпывающе выражается Тургенев.

«Бога одного любила она робко, восторженно, нежно...»

Тип Лизы Калитиной, питомицы няни Агафьи, как бы парит над землей, и жизнь ее стоит на той грани, где кончается земная повесть, где начинается житие праведницы.

Другой бессмертный образ русской женщины, Татьяна Ларина из «Евгения Онегина» Пушкина. И здесь точно так же нам ясно духовное воздействие простой русской женщины, няни, которая, неграмотная, бедная крестьянка, имела свое цельное, непоколебимое воззрение на жизнь, как на поле долга и чести, и привила это воззрение своей питомице.

Таня, взрослая годами, но ребенок душой, открывает няне свою тайну, никому еще не высказанную, о любви своей к Онегину. И как принимает старушка это признание в любви, которое принесло Тане столько горя:

— Няня, няня, я тоскую,
Я плакать, я рыдать готова!
— Дитя мое, ты нездорова;
Господь, помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси...
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь... — Я не больна;
Я... знаешь, няня... влюблена.
— Дитя мое, Господь с тобою! —
И няня девушку с мольбой
Крестила дряхлою рукой.

Поэт немного кладет черт, чтоб уяснить нам душу Татьяны, и особенно целомудренно мало говорит он об ее верованиях. Но во всей этой краткости широкие горизонты Татьяниной идеальной души, для которой и любовь была чистым восторгом и поклонением тому, что казалось ей самым высоким и прекрасным из всего, что она доселе встречала, — широкие горизонты этой души открывают ее слова о том, что прежде своей встречи с Онегиным она его уже предчувствовала:

Не правда ль, я тебя слыхала,
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала
Или молитвой улаживала
Тоску волнуемой души...
И в это самое мгновенье
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте мелькнул,
Приникнул тихо к изголовью,
Не ты ль с отрадой и любовью
Слова надежды мне шепнул!

Так в Татьяне мысль о любимом человеке совпадает с молитвой, ибо все, что есть в глубоких людях лучшего — все то у них соединено с вечностью. И, конечно, в несчастном браке своем думая об Онегине, она мечтала о том, как вне тягостных условий земли они встретятся в вечности.

И что ее простая безхитростная няня имела большое влияние на образование цельного мирозерцания Татьяны, видно из того, что в минуту нравственного апофеоза своей героини, в отповеди ей Онегину, как укрепляющую ее силу, Пушкин влагает в нее память о безвестной ее няне.

Совершив то дело, к которому призвал ее Бог — развитию души человеческой во-истину «по образу и подобию Божию», смиренная старушка отошла к Богу, возносящему смиренных, и была положена среди таких же, как она, безропотно принеших жизненную страду тружеников. И светлая тень ее еще раз мелькает пред читателем, когда в ответе Онегину Татьяна вспоминает:

Смиренное кладбище,
Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной нянею моею.

Вот, откуда черпали свою немногословную веру люди, воспитанные такими нянями и дядьками (Савельич из «Капитанской дочки», Евсеич из С. Т. Аксакова).

Очень важно детям иметь с раннего возраста общение с выдающимися духовными людьми.

Не будет ли отличаться своею возвышенностью строй такой семьи, как была семья великого князя Дмитрия Донского, которого пестуном и наставником был митрополит святитель Алексей, советником — преподобный Сергей Радонежский, духовником — его племянник, святой Феодор (впоследствии архиепископ Ростовский). Тут и выработалась та сила духа, которая помогла Дмитрию выступить против Мамаея — предприятие в высшей степени опасное — с верою в успех. А супруга Дмитрия, великая княгиня Евдокия во иночестве Евфросиния, сияет в сонме русских святых.

Счастлива та семья, которая имеет общение с каким-нибудь старцем высокой жизни, и в высшей степени важно для детей иметь пред глазами образ совершенного человека.

Такие люди, какими были недавно жившие среди нас и памятные еще многим далеко не старым людям, — старцы Амвросий Оптинский, отец Варнава (из скита Черниговской Божией Матери под Троицей), великий священник Божий отец Иоанн Кронштадтский: общение с ними давало молодежи, главным образом, два основных впечатления.

Первое впечатление — это счастье их трудовой и подвижнической жизни.

Всякому бросалась в глаза бедная обстановка первых двух, множество людей, нескончаемое волною сменявшихся пред всеми этими тремя подвижниками. Все видели, что они постоянно в трудах, обураваемы народом, который нес им свои сомнения, тягости, грехи, требуя от них разъяснения, облегчения, разрешения. Видели, как старец Амвросий последние годы жизни доходил до такой усталости, что голова его, уже не поддерживаемая шейными позвонками, заваливалась назад, и слова вылетали с трудом из уст чуть слышным шепотом, так что, прикинув ухом к его устам, еле можно было понять, что он говорит. А, между тем, какою он был полон радостью, какой дышал благодатью утешения!

И невольно тогда начинало складываться пред этим живым и ярким доказательством — убеждение, что счастье жизни не во внешних блестящих условиях жизни, а счастье в том, как проводил и проводит свою жизнь этот изможденный, изнемогающий, но светлый и радостный старец.

Еще же, глядя на этих людей, должно в молодой душе возникнуть ясное предощущение небесной жизни. Ибо такие люди как бы сами носят в себе живые куски неба, и дают всякому соприкасающемуся с ними человеку непосредственное ощущение этого неба.

Когда отец Иоанн молился, вы чувствовали, что он стоит как бы непосредственно пред Богом, схватившись за Его ризу и решив не выпускать из рук своих этой ризы, пока не будет услышан. И с ними — нет уже места сомнению.

Или, когда, сияя своим старческим благолепием, озаренный изнутри шедшими от него лучами, стоял пред вами сгорбленный семидесятилетний старец Амвросий, тихо смотря вам в душу своими прозорливыми глазами, — то вокруг было такое необычайное торжество, такое счастье, такая безмятежность и радость, что небо, о котором только робко мечтается — тут вами чувствовалось так, как будто на эти минуты вы уже были не на земле.

Конечно, этим идеальным способом для внедрения религиозности, знакомством со старцем и нахождением под его руководством, может пользоваться только избранное и ничтожное меньшинство, так как вот сейчас, кажется, и нет ни священника — духовной силы отца Иоанна, ни старца высоты отца Амвросия.

Тогда, по крайней мере, пусть будет у детей хороший, заботливый и ревностный духовник.

В Москве был почтенный и заслуженный протоиерей, настоятель известного великолепного храма святителя Николая «Явленного» на Арбате, о. Степан Михайлович Зернов, обращавший близкое внимание на детей своих прихожан.

Весьма благолепный старец, он служил с таким чувством, что иногда из-за душивших его слез еле мог произнести возглас. По московскому обычаю, обходя «со крестом» дома прихожан во дни больших праздников, он разговаривал с детьми, и, между прочим, требовал, чтобы они знали наизусть тропари и кондаки тех праздников и тех святых, которым были посвящены все пять алтарей его храма.

На весь этот маленький народ сильное впечатление произвела его кончина: он умер на освящении одного храма. Только что приобщившись, отошел к жертвеннику и упал мертвым.

Какое важное, захватывающее событие для детей — первая исповедь. Значение этого события в жизни ребенка станет еще выше, если взрослые хорошенько объяснят ему, к чему он приступает.

Совестливый набожный ребенок с чрезвычайною тщательностью роется в своей совести, выискивая на ней мельчайшие пятна. Груз его ничтожных детских проступков кажется ему страшным; вины его пред Богом — бесконечными. Он трепещет пред Божиим судом. Сомневается, допустит ли его священник до причастия.

Заботливый духовник сумеет воспользоваться этим настроением, чтобы углубить его.

Не все одинаково согласны с тем, что полезно, если законоучитель является и духовником. Чем больше возраст детей, тем труднее им быть вполне откровенными с человеком, которого они постоянно видят в обыденности. Бывали к тому же такие ужасные случаи, что духовники-законоучители, которым дети покаялись в осуждении их в классе, потом придирками и дурными отметками мстили этим откровенным и правдивым детям.

Вот, дано отпущение грехов, и какая чистая радость сходит на душу ребенка. Какие даются в душе клятвы не делать ничего, ничего дурного, чтобы быть достойным Бога и всегда готовым к причастию.

Если ревностные родители часто приобщают детей грудных, то, чем далее удаляются дети от этого первоначального возраста, тем реже их приобщают.

Это совершенно неправильно, и такие родители обнаруживают глубокое непонимание. Можно ли думать, что благодать менее нужна шестилетнему ребенку, чем трехмесячному.

И до исповеди, и после нея надо подводить детей ко святой Чаше возможно чаще. Надо всеми силами стремиться к тому, чтобы в возрасте, еще далеко от всех искушений, человеческая душа ощутила такую сладость, даваемую здоровую духовную жизнь и участием в таинствах, чтобы потом в самом воспоминании этих высоких блаженных минут заключалась

сдерживающая и охраняющая против всяких соблазнов сила.

Очень важно приучить детей к мысли, что и в их возрасте многие дети угодили Богу и были причислены Церковью к лику святых. Важно также, чтобы дети узнавали, как прошло детство тех людей, которые в зрелом возрасте стали великими праведниками. Ведь, детство их было приготовлением к их последующей высокой жизни.

Существует такое описание относительно русских святых *. Надо надеяться, что то же будет выполнено и относительно общецерковных святых.

Есть трогательное стихотворение Некрасова «Школьник», где барин, посадив к себе в повозку встречного мальчика, который босым бредет в город на учебу, говорит ему:

Сам узнаешь — будешь в школе —
Как архангельский мужик
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик.

Жития святых детей и повесть о детских годах святых покажут детям, как в их возрасте можно стать угодником Божиим. В видении, которое в «Борисе Годунове» Пушкина передает патриарх со слов пастуха, прозревшего у гроба царевича Димитрия, есть умиленные слова.

— Но кто же ты? — спросил я детский голос.
И был ответ: «Царевич я Димитрий.
Царь Небесный принял меня в лик ангелов Своих,
И я теперь великий чудотворец».

Праведный Артемий Веркольский был таким же маленьким мальчиком, но не царского рода, а из бедной крестьянской семьи, а Бог и его сделал «великим чудотворцем».

Этот мужичек, убитый молнией во время работы на поле, конечно, любил Бога тою особою всеобъемлющею любовью, которая творит святых. Больше у него не было ничего, и это было для Бога достаточно.

Все, что облагораживает, умягчает человека — все то должно быть призвано в деле борьбы за детскую душу.

Пусть лягут на нее возвышающие впечатления торжественных церковных служб, — особенно таких, которые отличаются своею образностью, как службы Вербной субботы, Страстной недели, Пасхи, Троицы, Богоявления.

Пусть с ранних лет научатся дети уделять часть своих скудных денег на бедных.

В одной семье к ея главе два раза в год, на Рождество и на Пасху, приходил старый-престарый старичок и приносил для детей: на святки — белых, обтянутых мехом зайчиков, а на Пасху — сахарные, полые внутри, яйца, с украшениями из золотой бумаги.

Глава семьи принимал его наедине в своем кабинете, беседовал с ним не менее четверти часа, хотя вообще был человек очень занятой. Старичок уходил от него радостный, — хозяин давал ему помощь, достаточную на целые полгода. Тогда он отправлялся

* Е. Поселянин. «Святые дети русские и детство русских святых». Издание Училищного Совета при Святейшем Синоде.

С.-Петербург. Храм Воскресения Христова. (Спас-на-Крови)

к детям. Они удивлялись его старости и бывали ему очень рады.

Доподлинно никто не знал, как и почему встретился старичок и их отец, и ни тот, ни другой об этом определенно не говорили, и оба отвечали уклончиво, когда их о том спрашивали. Но, по некоторым догадкам, отец их знал старичка, когда сам был еще учащимся, очень небогатым человеком, и тогда начал помогать ему, урезывая себя.

Но, как бы то ни было, и дети со своей стороны совали ему серебряные монетки и разные сладости — конфеты, чернослив, орехи, которыми в эти дни были богаты, — все это для его внуков, о которых он рассказывал.

Так начинался день великого праздника.

И на всю жизнь, в память праведного отца своего и в память счастливого своего детства, — они, выросши, сохраняли теплую жалость к старикам и к детям и помогали им, чем могли.

Если у ребенка чуткая душа, и он рано узнает страдание, это один из самых верных путей к Богу.

Страдание бесконечно в разнообразии своем. Это далеко не всегда сиротство и бедность. И в детском возрасте горючие слезы могут биться через золото.

Бывают дети, особенно идеально настроенные, с тончайшей душевной организацией. Они могут иметь восторженную привязанность к своим родителям, и вдруг узнают про этих родителей что-нибудь такое позорное, что для этого возраста, рассуждаю-

шаго прямо и не знающего жизни, совершенно унижает родителей в их глазах.— И какая тут мука — любить и быть вынужденным презирать!

Или ребенок, с робкою, но страстно жаждою привязанности, окружен холодностью.— Родители заняты делами и развлечениями, так что забывают о детях, и никто не присмотрится к тому, что творится в маленьком обособленном сердце, ревниво прячущемся от людей... И ребенок растет, питаясь своими тайными слезами.

Мой мир был мир иной: не мир волшебной сказки
И первых детских снов,— В полуночной тиши
Он создан был в груди безумной жаждой ласки,
Он вырос и расцвел из слез моей души.

(С. Надсон)

И вот — тут к кому кинуться, кому довериться? Кому без стыда, без утайки можно открыть все, все, кротко и безропотно жалуясь, прося утешения, прося сил...

О, если б знали взрослые!

Если б они знали, что под их крышей живет им близкое по крови, но заброшенное ими разумное и беззащитное существо, которое они мучают без всякой его вины. Если бы они знали, что в те часы, когда все засыпает, и небо зрячее всматривается в землю,— если б они знали, что тогда маленькие страдальцы, пугливо прислушиваясь, не догадается ли кто об их печальной тайне, надрывают слабую грудь сдержанными рыданиями, и горе это, великое неизбывное горе, окружает и невыносимо теснит их со всех сторон.

Захлебываясь в слезах, дрожа всем телом, что бы дали они тогда за один ласковый взгляд, за одно доброе слово!

И тогда происходит одно из невидимых Божьих чудес.

Стерегуший эти души, Христос склоняется к ним, невидимо берет их на руки, прижимает к себе, как пастух испуганную трепещущую овцу.

И все, что было слышано ими о страдании Христа, встает вдруг разом. Они чувствуют, что страдают не одни, и странная острая радость слияния муки своей с мукой Христовой проникает в них.

О, эта сладость, сменяющая недавнюю дрожь, страх и одиночество, эти блещущие восторгом глаза, этот шопот непонятных слов, не могущих пересказать Богу всего, что наполняет то сердце, в которое Он вошел и в котором останется.

Эти часы не забудутся. И этих детей никто никогда, никогда не оторвет от Христа...

Однажды в одной из чтимых петербургских часовен мне довелось увидеть милого ребенка лет четырех.

Она была одета во всем белом, и из белаго шелкового капора смотрело прелестное лицо в рамке светлых вьющихся волос с черными серьезными глазами.

В ней было что-то важное, сосредоточенное, как это часто бывает в детях, развитых не по летам. Глаза ее глядели тоже внимательно, сочувственно, но не сколько строго.

Почтенная пожилая няня держала девочку за руку. Она, помолившись широким крестом у входа, подошла к свечному ящику, купила несколько свечей и стала ставить эти свечи у главных икон. За всем этим красавица-девочка пристально присматривала, точно проверяя, так ли все исполняет няня, как надо.

Ставя свечу, няня всякий раз подымала девочку с пола и подносила ее к иконе. Девочка тянулась к ней руками, предварительно набожно перекрестясь на руках у няни.

Было отрадно следить за ними.

Когда оне обошли все иконы, я спросил у няни, часто ли оне тут бывают.

— Да, почитай, всякий день,— радушно ответила няня: — все меня сюда тянут.

— Что же, Богу любит молиться?

— Ууу... Такая богомолица, а уж иконы как любит; сколько их у кровати повешано, и чтоб непременно лампадка горела и не гасла.— Огорчается очень, если погаснет.— Вот, тоже до бедных большая охотница. Не позволит ни одного нищего пропустить, чтоб не подать — маминька ихняя нарочно для того медь припасает: как идем гулять, так сейчас нам и отсыплет.

Так говорила няня, а девочка стояла, сияя своими синими глазами, и какая-то трогательная неземная прелесть излучалась из милого ребенка. То казалось, что она слушает слова няни, то чудилось, что ее душа где-то далеко:

И в светлый сон ее душа младая,
Бог знает, чем была погружена.

Какая судьба ждет это Божье дитя? Выживет ли она? Приветом ли встретит ее жизнь, и ничем не омрачит тихое сияние ее молодости? Или на болезненно чуткое сердце один за другим станут падать тяжелые удары? Но она будет знать тогда, куда ей укрыться. И, как первое обручение ее с Богом, в Котором всегда найдет она утешение, отраду, защиту и силу — будет ей вспоминаться ее детство, зимний день в столице, и сама она, маленькая, ставшая со старой няней свечи в часовне любимым образом.

Бережь таких детей надо, чтоб хоть в те годы, когда еще можно оградить душу от злых вихрей жизни, хоть тогда ничем не была она смущена.

Высшая степень религиозного настроения детей — это когда в них проявляется склонность к пастырству.

Я знал старых благоговейных священников, которые рассказывали про себя, что в детстве они очень любили «служить», то есть произносить богослужебные возгласы на распев, подражать каждению.

Некоторые не одобряют таких наклонностей, считая проявление таких стремлений у детей за кошунство. Но все дело в том, делается ли это с тем, чтоб только передразнивать духовенство, или делается по непреодолимой внутренней потребности, в самом сосредоточенном настроении.

Вот, как однажды взглянула на такого рода дело первенствующая церковь.

Будущий великий столп истины, святитель Афанасий Великий, в детстве часто играл со сверстниками своими на морском берегу. Неподалеку находился дом архиепископа, и он порой смотрел на игры детей.

Маленький Афанасий чрезвычайно любил церковные обряды, и ему нравилось исполнять их, подражая тому, что он видал в церквах. И, между прочим, он над некоторыми из своих сверстников-мальчиков, в воде неподалеку от берега совершал обряд крещения.

Архиепископ остановился на мысли: если обряд совершен с благоговением и верою, можно ли считать, что тут было совершено воистину таинство крещения.

щения. Он собрал по этому поводу совещание, и было решено — вменить этим детям крещение, как истинное, и считать этих языческих детей крещенными...

Чудная тайна овевает детство великих святых.

Вот, в тишине курской ночи, когда все уже затихло, когда уже утомились и сладкогласные соловьи, в чинно содержимом доме вдовы Агафьи Мошониной не спит старший сынок ея Прохор.

Поднявшись с подушки головой, опираясь на локоть, он прислушивается, нет ли в доме признаков жизни. Ему любо одиночество, чтоб заговорить с Богом.

И вот, неслышно встал с постельки, как ангел с опущенными крыльями, в своей длинной, белой рубашке, прокрался в передний угол.

Старая, тяжелая иконы. На них мирный отсвет ложится от висающей с потолка лампадки.

Стоит — смотрит... Что-то, ему самому неведомое, невыразимое творится в нем, что-то согревает до жару, трогает до слез, уносит куда-то.

Широко на душе, безпредельно... Любит и своих, и этот дом, и ближнюю церковь с темными углами, где не увидят его, когда он забьется туда за службой, и всю окрестность, и лунное небо со звездами, и эту ночь, и весь мир... И всех хочется обнять и прижать к слабенькой детской груди...

А Богоматерь, которая чрез два десятка лет произнесет над этим теперешним ребенком таинственное слово: «Сей рода нашего», — невидимо расprostирает над мальчиком Свой покров, и те ангелы, выше которых будет вознесен некогда этот стоящий пред иконами ребенок, неслышно для людей шепчут в тишине умилившейся ночи пророчественное имя:

«Серафим, Серафим...»

Или кто перескажет те чувства, в которых рос под стоны родной земли боярский отрок Варфоломей, будущий вождь своего народа, Сергей Радонежский?

Как, страдая маленьким сердцем своим от неизбежного горя отчизны, уже тогда вымаливал он ей ту волю, которую потом добыл ей вместе с князем Дмитрием; и как должна была тогда дерзновенно подыматься к небу детская молитва этого будущего «похваления Пресвятыя Троицы».

Или что переживал он в ту ночь, когда вечером получил от явившегося ему ангела чудесное разумение грамоты, — и вдруг открылось его уму то, что раньше было темным, и он почувствовал в себе какое-то перерождение.

Все это тайны, как есть великая тайна и что-то неуловимое в первой подступе чудотворящей весны.

Но пойдем, как свята эта пора жизни, и как надо наполнить ее впечатлениями веры, чтоб, даже если человек потом на время и поколеблется — все же сбылись над ним слова поэта:

Молись, дитя! Сомненья камень
Твоей души не тяготит.
Твоей молитвы чистый пламень
Святой любовью горит.
Молись, дитя: тебе внимает
Творец безчисленных миров,
И капли слез твоих считает,
И отвечать тебе готов.

Быть может, ангел твой хранитель
Все эти слезы соберет
И их в надзвездную обитель,
К престолу Бога вознесет.

Молись, дитя. Мужай с летами
И, дай Бог, в пору зрелых лет
Таковыми же светлыми очами
Тебе глядеть на Божий свет.
Но, если жизнь тебя измучит,
И ум и сердце возмутит,
Но, если жизнь роптать научит,
Любовь и веру погасит —
Приникни, с жаркими слезами
Креста подножье обними:
Ты примиришься с небесами,
С самим собою и с людьми.
И вновь тогда из райской сени
Хранитель ангел твой сойдет
И за тебя, склонив колени,
Молитву Богу вознесет...

ГЛАВА IV

ПРОПОВЕДЬ ВЕРЫ

Проповедь веры указана в катехизисе в числе обязанностей христианина.

Никто не свободен от завета, который дал Христос всем людям, когда сказал апостолам: «Шедше, научите!»

Разница только в том размере, который получает проповедь.

Апостолы огласили проповедью всю вселенную того времени. Нина Равноапостольная просветила Грузию. Равноапостольные Кирилл и Мефодий — славянские страны, равноапостольные Ольга и Владимир — свою Русь, священномученик Кукша — вятичей; святитель Стефан — великую Пермь.

Есть архипастыри, благодетельные для своей епархии, но не знаемые за пределами ея. Есть такие, как московский Филарет, чьи имена гремят на только по всей стране при жизни их, но продолжают еще шире греметь и в веках.

Есть священники, чтимые своим приходом, а приход отца Иоанна раздвинулся во всю страну.

Так же есть и проповедники среди небольшого кружка людей, и, наконец, употребляющие все воздействие свое на обращение ко Христу какой-нибудь одной души.

Понятие о проповеди должно быть принято в высшей степени широко, и, конечно уж, нисколько не обнимает поучений, произносимого с церковного амвона по какому-нибудь определенному случаю и на определенную тему.

«Проповедуйте благовременно и безвременно.»
Как понимать это?

Неужели же так, что, например, стать на площади, полной народа и начать выкрикивать проповедь?

К такому приблизительно способу прибегают деятели известной Армии Спасения. Но можно сомневаться в целесообразности и действенности такой проповеди.

Есть и другие правильнейшие пути.

Проповедь Бога и религии может осуществляться — и чрезвычайно красноречиво, чрезвычайно впечатлительно — вовсе без слов.

Постоянно говорить о Боге вовсе еще не значит проповедывать Бога в высоком и настоящем значении этого слова.

Человек, в котором живет истинное, пламенное чувство к Богу, будет без слов заражать своим чувством других...

Бывает, например, что вы придете в церковь без желания молитвы; стоите вначале без чувства и внимания, думая о совершенно посторонних предметах. Но около вас стоит человек, погруженный в истинную молитву, и от этой сосредоточенной молитвы другого человека что-то сильное и благое овладевает и вами. И та холодность, с которой вы вошли в церковь, уже растаяла. Вам тяжело и стыдно за ваше уже прошедшее состояние равнодушия, и вы счастливо подчиняетесь тому потоку теплой веры, которая бьет из души стоящего рядом с вами человека.

Человек, привязанный к другому человеку глубокою и сильною привязанностью, невольно обнаружит эту привязанность самым тоном своего голоса, теми хотя бы немногими словами, в которых будет говорить о нем.

Мне доводилось слышать, как один архимандрит высокой жизни отзывался о своем духовном воспитателе, о великом оптинском старце Макарии. Лицо говорившего сразу получало выражение какого-то умиления, в глазах сверкали слезы, и вы невольно говорили себе: «Как должен был быть высок этот старец, что одно его имя низводит такое умиление на душу его ученика».

Конечно, человек, встречавшийся с Франклином, сразу видел все то благоговение, которое жило во Франклине по отношению Божества. И то чувство, с которым Франклин произносил имя Божие (а он не произносил его иначе, если находился на улице, как обнажая голову) — уже одно это показывало всякому, кто имел с ним дело, глубину его религиозных убеждений.

Как в миру люди легко узнают, по тысяче мелких признаков, определяют наличность большого чувства, так истинно верующий носит в себе самом что-то столь значительное, что несомненно отражается во всей его жизни, на всех его делах, и поступках. Получается в полном смысле слова та христианская жизнь, которая есть, в то же время, самая громкая, самая красноречивая и неотразимая христианская проповедь.

Когда православный архиерей бывает торжественно в храме облачен для совершения литургии, протодиакон громко в лицо ему восклицает то, что должно составлять важнейшую обязанность его звания. Это слова Христовы: «Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже есть на небеси».

Проповедь делом доступна решительно всякому, между тем как проповедник, даже одаренный самым высоким и столь редко встречающимся даром красноречия, не произведет на паству никакого впечатления, если паства будет знать, что жизнь проповедника идет вразрез с его словами.

А самое не мудреное слово такого батюшки, светлая жизнь которого вся пред крестьянами, всегда дойдет до души и не останется втуне.

И в первые времена христианства так, действительно, и было.

Жизнь мира языческого и жизнь общины христианской представляли между собою поразительное несходство. Это были, действительно, ясно до резкости разграниченные два царства: царство людского зла и царство Божьей благодати.

В одном себялюбие, безудержность страстей, невероятная порочность, алчное корыстолюбие; в другом — милосердие и самоотвержение, мудрая воздержанность и чистота нравов, отвержение всяких разчетов. Эти два мира ни в чем не сходились, в них не было ни одной точки соприкосновения — по крайней мере, в главных чертах и основаниях.

И самым сильным доказательством своей проповеди, самым неопровержимым доводом своей правоты христианство могло тогда привести короткия слова: «Посмотрите, как живут наши христиане...».

Можем ли мы теперь сказать те же слова о людях, считающих себя христианами? Могут ли эти слова быть сказаны кем-нибудь о нас самих — в доказательство неверующим истины христианского учения?

Мы Бога нашею жизнью не проповедуем, а треплем в грязи наше звание христианина. И вместо того, чтобы дать людям любоваться нашим светом, мы показываем им большею частью одну тьму, и нередко кромешную.

Независимо от проповеди делами тот, кто может это «вместить», должен также вести живую неустанную пропаганду между теми людьми, с которыми будет связана его судьба.

Остановимся хоть на одном житейском положении. Искренне верующий молодой человек окружен неверующими товарищами.

Одною из главных его задач должно быть стремление привести их к Богу, пробудить и укрепить в них религиозные запросы.

В людях, далеких от веры, может быть такое предубеждение против духовных лиц, что со священником они и говорить не будут, тогда как с товарищем, с которым они хороши, они, хотя с видом некоторого снисхождения и одолжения, поговорят и на непривычные для них духовные темы, и, может быть, настанет час, когда они этими темами, действительно, заинтересуются.

И глубокая убежденность товарища, к которому они относятся с уважением и доверием, его горячее желание, чтоб в пробудившейся вере своей тот получил то самое сокровище, которым он давно владеет, — сделает свое дело, и потихоньку, незаметно может привести его к вере.

Мне лично известен такой случай.

В одной семье крупных помещиков, преданной церкви, один из сыновей, очень способный и развитой молодой человек, стал отходить от веры под впечатлением книг графа Л. Н. Толстого, которого он даже лично посетил.

В это время он познакомился с одним человеком, старше его лет на пять. Этот еще более, чем он, преклонялся пред литературным гением графа Л. Н. Толстого, но совершенно не сочувствовал его убеждениям и жалел тех, на кого его проповедь производила впечатление.

Молодые люди сошлись и, подолгу беседуя о разных предметах, конечно, касались часто и вопросов веры.

Старший, сочувствуя младшему, страдал из-за того, что тот находится под таким ложным влиянием, и их споры, во время которых оба увлекались, превращались почти что в ссоры.

Однажды оба они ехали в далекую деревню, на охоту, и на одной станции, где ночью меняли поезд, начав вновь о том же вопросе, наговорили друг другу

таких резкостей, что старший, более впечатлительный, решил вернуться обратно, хотя было сделано более половины полутора тысячеверстного пути, и еле его могли успокоить. Так как погода была морозная, а они говорили на воздухе, то он получил сильный насморк, и оба они впоследствии вспоминали это событие своей молодости с удовольствием.

Младший опять вернулся постепенно к церкви, и, вероятно, это чувство, что о нем так беспокоились и так желали возвращения его к прежней вере — немало помогло ему вновь найти себя.

В переходном возрасте, очень впечатлительном, когда по самой природе вещей, мальчик стремится вырваться из-под домашней опеки, — очень часто бывают случаи колебания веры, или полного оставления ее. Со всех сторон на неокрепший мозг лезут отрицание товарищей, известные книги известных писателей, которые завораживают неопытную молодежь одними своими именами. И, не в силах сам разобраться во всем самостоятельно, подросток делает то, что ему кажется самым легким: он огулом подчиняет себя отрицанию.

И сколько бывает тут недоразуменного, напридуманного; сколько таких явлений, которые могли бы казаться смешными, если б не относились к столь важной и священной области.

Я знал одного московского гимназиста, который в течение года, начитавшись отрицательных книг, любил громко заявлять о своем неверии. Однако, если он был уверен, что за ним не наблюдают, он очень был не прочь, идя в гимназию в то утро, когда его должны были спросить из трудного предмета, — приложиться к иконе, вделанной в стену храма почти против гимназии и принимавшей лобзания младших ее классов... Когда же наступали экзамены, он клал в ручку для пера кусочек ваты от чтимой в Москве Иверской иконы, и вообще предпринимал целый ряд действий, которые, по его мнению, должны были обезпечить ему небесную помощь.

Все это, конечно, не рекомендовало характер этого мальчика. Но как часто, в менее отталкивающих чертах, замечается эта рознь между сердцем, ищущим в вере утешения и поддержки, и неокрепшим мозгом, который гипнотизируют модные отрицательные теории.

Один студент выдающихся способностей, очень много читавший и человек горячей души, говорил как-то хорошему своему знакомому о разных своих религиозных сомнениях и о том, между прочим, что он совсем не понимает культа мощей и икон.

Прошло с полгода. Тот знакомый заехал как-то сильно спеша, в часовню Иверской иконы. Народу было в ней так много, что он, поставив свечу, не стал ожидать очереди приложиться. Каково же было его удивление, когда в длинной веренице лиц, и медленно приближавшихся к иконе, он узнал того своего знакомого студента.

Он рад был, что тот не видал его, так как впечатление для того от этой встречи могло быть только отрицательным.

Но тот студент был чрезвычайно искренний человек, не чета тому гимназисту, и его знакомому оставалось только подивиться, как много разногласия в одной и той же душе человеческой.

И вот, с этими людьми, с одной стороны страдающими духом отрицания, а с другой — таящими в себе неугасимую жажду веры: надо обходиться людям, ко-

торые им желают добра и которые сами веруют — в высшей степени бережно.

Никаких упреков. Ничего подобного тому, о чем упоминает Ю. Ф. Самарин, когда говорит, что своею верою люди часто пользуются лишь для того, чтобы, как камнем, швырнуть ею в атеиста.

Нужно убеждать тихими речами, ловить минуты, когда у человека душа размягчена, и когда он особенно бывает склонен внять слову веры.

Католики прекрасно знали, что делали, когда разсылали в качестве сестер милосердия по больницам своих монахинь.

У человека страдающего есть потребность искать опоры, прильнуть к благому, милующему и всемогущему Существу, а уединенность его помогает ему сосредоточиться. Также и с здоровыми надо ловить благоприятные случаи, а не приставать без толку, когда такие приставания могут только ожесточить его.

Высокую заботу о вере друга представляет собой жизнь христианина Неоарха, который, задавшись целью привести ко Христу друга своего Полиевкта, не только это исполнил, но и имел еще утешение видеть на Полиевкте венец мученичества.

Неарх и Полиевкт, уважаемые жители армянского города Мелитины, были связаны узами тесной дружбы. Неоарх был убежденный христианин; Полиевкт — язычник, хотя вел жизнь чистую. Стараясь обратить друга ко Христу, Неоарх часто читал ему Священное Писание и доказывал мерзость идолопоклонства, но сердце Полиевкта не было еще готово.

Было объявлено гонение на христиан, и повсюду ходили глашатаи, требуя, чтобы все поклонялись богам, и угрожая в противном случае смертью.

Неарх стал готовиться умирать за Христа, и в эти дни ему было особенно тяжело, что Полиевкт не единомышленен с ним в вере. Однажды, расплакавшись перед ним, Неоарх воскликнул:

— Сердце мое раздирается на части, когда я думаю, что наша приязнь должна кончиться.

— Как, — отвечал Полиевкт, — смерть не расторгнет наш дружеский союз!

Тут Неоарх рассказал другу, что он готовится умереть за Христа, и в небе христианин не встретится с язычником.

И тут разом во всей силе хлынули на душу Полиевкта все убеждения, раньше слышанные им от Неоарха. Он вспомнил и то, как незадолго перед тем видел во сне Христа, и как Христос, милостиво сказав ему: «Ты христианин, Полиевкт!» — дал ему новую прекрасную одежду и крылатого коня.

Тут Неоарх объяснил ему, что новая одежда — это обновленная верою христианская жизнь Полиевкта, а крылатый конь — скорый переход его в небо.

— Вот, ты уже и познал Бога! — в восторге воскликнул Неоарх.

— Когда же я не знал Его! Сердце всегда во мне горело, когда ты о Нем мне говорил. Я дивился Его словам, когда ты читал Евангелие. Только именем я не был христианин, а душой я христианин, и только думал о том, когда оставлю ложных богов и стану служить Христу. Не будем же медлить, Неоарх, и докажем Христу нашу верность.

Тут друзья стали испытывать друг друга. Неоарх боялся, что любовь его друга к жене, к детям, к жизни, к воинскому званию пересилит в нем стремление ко Христу. Он сказал о себе, что для него Христос

дороже всего на свете, а что Полиевкт едва ли представляет себе славу и блаженство, которых Господь уготовал любящим Его.

— Вот, как ты думаешь, — возразил Полиевкт. — Нет, я знаю больше тебя об этом, так как получил уже во сне царскую хламиду, но можно ли мне, не принимая христианского таинства, стать воином Христовым?

— Не сомневаюсь. Он платит тем, кто приходит в виноградник в поздний час то же самое, что получают работавшие целый день.

— Слава Христу! — заключил Полиевкт этот разговор. — Пойду прочесть царский указ.

На площади Полиевкт всенародно разорвал царскую грамоту. Затем, встретив идолов, которых несли в капище, сперва разсмехался на них и, прикинувшись, что хочет им поклониться, перехватил их и сокрушил о землю 12 кумиров.

Тестя его Феликс имел поручение от царей преследовать христиан. Со стоном он воскликнул: ни боги, ни люди не могут теперь помиловать Полиевкта!

— Что смущаешься, отец! — возразил Полиевкт. — Пусть принесут других богов, и ты увидишь все равно их бессилие.

— Все кончено, — сказал Феликс, — твоя казнь решена, так как нельзя нарушить царского повеления. Одно могу дать тебе снисхождение: иди домой проститься с женой и детьми.

— Не пойду. Если дочь твоя захочет идти за мной, то будет счастлива, а нет — пусть остается с вашими богами.

Полиевкта стали бить по устам. Прибежала его жена, до которой быстро долетел слух о необыкновенном происшествии, и рыдала вместе со своим отцом. Полиевкт сказал ей, как сокрушил 12 идолов, не имевших силы защищать себя, и убеждал ее познать Бога, поклониться Ему и достигнуть жизни вечной. Дивным убеждением новообращенного, чудесно прозревшего, дышала речь Полиевкта к жене.

Слушавшие его слова многие из язычников обращались ко Христу. Мученика поволокли на суд, грозили, прельщали и, наконец, произнесли, за его упорное исповедание Христа, смертный приговор.

Он шел с ликованием в душе на казнь и рассказывал народу, бежавшему за ним, что лучезарный юноша спустился к нему и сопровождает его и велит его забыть все, что в мире. Но никто, кроме Полиевкта, этого ангела не видал. В толпе стоял Неоарх, друг и духовный отец его по вере во Христа. Он крикнул ему сквозь толпу: «Прощай верный, любимый друг мой, помни скрепивший нас союз любви!».

На месте казни, Полиевкт спокойно приклонил голову, и душа его вознесена была к небу, крещенная в его мученической крови.

Обращение Полиевкта обеспечило победу христианам в его родном городе.

Так любовь христианская доставила другу то высшее и лучшее, что может дать одна душа другой: веру во Христа и вечное спасение.

Вот, безценный образ чистой и возвышенной дружбы.

Проповедь веры самая действительная, производящая наибольшее впечатление: это проповедь «показом»: жизнь, столь близкая к заветам Христовым, что она представляет собою по высоте и по нравственной красоте своей разительную противо-

положность с обычною мирскою жизнью; и поэтому заставляет людей невольно задумываться над тем, как хороша может быть христианская жизнь.

Есть очень много людей, которые были воспитаны в столь противорелигиозной среде, что сами не сознают в себе религиозных стремлений. Но вот, им выпадает случай вступить в общение с религиозною семьею, и их душа в этой семье начинает переживать такой необъяснимый покой; они видят, что эти люди наслаждаются счастьем настолько высшим того счастья, которое дает мир, что они начинают желать сами войти в эту жизнь.

Часто какая-нибудь встреча с лицом высокой духовной жизни, случайное посещение какого-нибудь «старца» производит в человеке душевный переворот, приковывает его внимание к неизвестному ему дотоле миру духовному. И те люди, которые их привезли к этому старцу, — быть может, под предлогом интересной поездки, красиваго местоположения того монастыря, где живет старец, а в действительности, с затаенною целью духовнаго воздействия на него старца: эти люди явились в этом своем действии проповедниками веры.

Всякий вообще поступок наш, который останавливает внимание ближних на мире духовном, есть проповедь наша ближним.

Известный в Москве покойный профессор-философ П. Е. Астафьев рассказывал:

«Я всегда пред молодежью не только не скрываю, но сознательно подчеркиваю мои религиозныя верования... Вот, если под вечер я в холодную погоду проведу мимо Иверской, когда там пустынно — случается, я перекрещусь маленьким крестом, не снимая шапки... Но если днем я вижу, что вокруг много народа, и, особенно, студенты, которые могут знать меня в лицо, тогда уж, не взирая ни на какую погоду, я снимаю шапку и крещусь широким крестом.»

В самом деле, при направлении безверия среди образованных классов общества — молодежи в высшей степени важно видеть нравственную поддержку со стороны таких людей, которые для нея представляют значительную величину по своим знаниям, талантам, общеизвестности.

И громадный пробел в жизни людей, остающихся верными Христу, представляет то, что они доселе не объединились в такой мощный союз, который блещущими в нем славными именами (а верующие находятся во всех решительно отраслях человеческого труда), среди первоклассных ученых, знаменитейших докторов (каким был московское светило, профессор Захарьин), великих государственных деятелей, полководцев, художников, артистов, молча опровергал бы внушаемый молодежи предрассудок, что вера — это только пережиток старых предрассудков, суеверия, с которыми давно покончили мало-мальски образованные люди.

В превосходном романе французскаго писателя Буржэ есть признание одного молодого образованнаго француза.

Он был воспитан в провинциальном городе в верующей семье, но эта вера была разбита неверующим товариществом и всею средою, в которой ему пришлось жить в учебные свои годы.

Между прочим, его очень смущало такое сравнение.

Выходя из классов, он встречал нескольких старушек, возвращавшихся от вечерни из церкви, а им

Нижний Новгород. Печерский монастырь.

навстречу шли молодые учителя того коллэджа, где учился мальчик, с одушевленными живыми разговорами, со спорами о последних кипениях мысли в Париже, донесшихся сюда по телеграфной нити и в столбцах газет.

Он сравнивал этих отживающих свой век религиозных старух, и этих умных, бойких и равнодушных к религии молодых учителей, — и это сравнение колебало последние остатки его веры.

Из этого яркого примера видно, до какой степени важно, чтоб пробуждающееся сознание видело верующими не одних только людей, стоящих далеко от жизни, но и людей смелых, известных, не только вращающихся в кипении жизни, но и создающих общественность и ведущих ее за собою.

И давным давно пора людям верующим сплотиться для того, чтобы не только находить радость в общении своей веры, но, главным образом, поддерживать молодежь, на которую со всех сторон делается столько нападений; чтоб расшатать ее веру.

Как-то сиротливо чувствует себя, например, студент, вынесший цельными свои религиозные убеждения из губернской гимназии, когда он приедет в столичный город, и его окружит среда глубокого религиозного безразличия.

Как капля воды даже камень просверливает упорным, постоянным падением: так и среда в конце концов, с ходом лет, оказывает на человека свое невидимое влияние.

И в высшей степени важно, чтоб такой, заброшенный в столицу, студент или учащаяся девушка знали, что они не одни: что их верования составляют жизнь и душу не только их самих, — неопытный и ничего значительного в жизни не совершившей молодежи, но и людей, прославленных своими знаниями и деятельностью, чьи имена у всех на языках.

У нас же происходит обратное.

Люди очень часто тщательно скрывают, насколько близки им и дороги религиозные интересы, прикидываясь не только безразличными, но и прямо неверующими.

Один генерал из высшего круга Петербурга был широко известен своим острословием и вольностью

в выражениях: большего за ним не водилось. Во всяком случае, его считали далеко не серьезным человеком.

После его смерти племянница его рассказывала:

— Как мы при жизни мало понимали дядю Сашу. Мы все видели в нем только веселого балагура, от речей, которого надо было спасать уши барышень. А, между тем, в нем, оказывается, была чуткая душа и большие запросы. — Разбирая его письма, мы нашли много писем — она назвала одно выдающееся лицо, известное своею духовностью. Они переписывались о разных значительных предметах, и в одном из писем сказано: «Я очень жалею, что наша вчерашняя беседа так неожиданно была прервана. С немногими я с такою охотою и так искренне беседую о религии, как с вами...».

Вот какие затаенные душевные уголки были у этого человека, которого считали лишь малоприличным болтуном.

Один подросток, очень умственно развитый мальчик, сын старого моряка, рассказывал мне:

— Как я удивился, узнав о набожности папы. Как-то утром зашел я один в собор. Вижу, отец стоит на коленях пред образом Николая Чудотворца и так горячо молится. Я, конечно, не подходил к нему. Ему это было бы неприятно. Я долго стоял, смотрел на него издали. Он все стоял на коленях и молился. Когда он встал, я спрятался за колонну, чтобы он меня не видел.

Как я заметил, эта встреча произвела очень сильное впечатление на мальчика, который в то время колебался некоторыми религиозными сомнениями. Образ молящегося отца поддержал его веру.

Но, спрашивается, зачем это утаивание от ближайших людей столь важной стороны своей жизни?

Едва ли на Западе сын верующего христианина мог бы считать своего отца атеистом.

Быть может, в этом проявляется некоторая стыдливость, целомудренность духа, заставляющая человека набрасывать непроницаемую для всех завесу на то, что для его духа особенно ценно. Но, быть может, тут есть и некоторая измена тому, что, вместе с проповедыванием веры, представляет такой же долг христианина: исповедывание веры.

* * *

Образ преп. Серафима Саровского с частицами его мантии, гроба и камня, на котором 1000 дней молился преподобный.

Он был и именем и духом Серафим*
В пустынной тишине весь Богу посвященный:
Ему всегда служил, и Бог всегда был с ним,
Внимая всем его молениям вдохновенным.

И что за чудный дар в душе его витал!
Каких небесных тайн он не был созерцатель?
Как много дивного избанным он вещал,
Завета вечного земным истолкователь!

Куда бы светлый взор он только не вперял,
Везде туманное пред ним разоблачалось,
Преступник скрытый вдруг себя пред ним являл,
Судьба грядущего всецело рисовалась;

В часы мольбы к нему с лазурной высоты
Небесные друзья невидимо слетали
И, чуждые земной житейской суеты,
Его беседою о Небе услаждали.

Он сам, казалось, жил, чтоб только погостить:
В делах его являлось что-то неземное,
Напрасно клевета хотела омрачить...
В нем жизнь была чиста, как небо голубое.

Земного мира гость, святой и незабвенный,
Одной любовью равно ко всем горел:
Богач, бедняк, счастливец и униженный
Равно один привет у старца всяк имел.

Несчастные ж к нему стекались толпой:
Он был для сердца их отрадней утешитель.
Советом мудрым он, безмездною целью,
Всех к Богу приводил святой руководитель.

От подвигов устав, преклоншись на колени,
С молитвой на устах, быв смертным, умер он.
Но что же смерть его? — вид смертной только сени,
Или, как говорят, спокойный тихий сон...

Теперь ликует он в семье святых родной,
Сияньем Божеским достойно озаренный;
А мы гробницу дивную кропим слезой,
И имя будем чтить вовек благословенным.

* Серафим — значит пламенный.

А. Коринфский

ЗВЕЗДА ВИФЛЕЕМА

И вот свечерело... И ночь голубая
Раскинула плащ над снегами...
И вспыхнуло небо от края до края,
И вспыхнуло небо звездами.

Алмазы — не звезды! Но в россыпи звездной
Одна всех ясней, всех заметней,
Зажглась, как светильник над темною бездной,
И светит теплей и приветней.

Во мраке веков над далеким Востоком
Она в первый раз засияла,
Царям и рабам, и вождям, и пророкам
Дорогу к любви указала.

Все тленно, все временно в суетном мире:
Погибнет и мудрость седая,
Погибнет богатство в кичливой порфире,
И сила погибнет живая.

Одно, лишь одно не изменится вечно,
Одно не погибнет на свете —
Любовь, та любовь, что, как Бог бесконечна.
Что знают и старцы, и дети...

Она родилась в Вифлеемской пещере,
Зажглась, как звезда золотая,
Весь мир укрепляет в надежде и вере,
Зажглась и не меркнет сияя...

Без этой любви жизнь могилы темнее,
А светит она между нами.
И радость, и счастье рождаются с нею,
Над жизнью мерцающая звездами.